

ACTA UNIVERSITATIS SZEGEDIENSIS

**DISSERTATIONES
SLAVICAE**

**МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ
ПО СЛАВЯНОВЕДЕНИЮ
STUDIES IN SLAVIC PHILOLOGY
SLAVISTISCHE MITTEILUNGEN**

**SECTIO
LINGUISTICA
XXX
2013**

DISSERTATIONES SLAVICAE
SECTIO LINGUISTICA
XXX

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

Карой Бибок CSc

Мария Жерева Стоилова DSc

Михай Кочиш DSc

ACTA UNIVERSITATIS SZEGEDIENSIS

DISSERTATIONES SLAVICAE

SECTIO LINGUISTICA

XXX

SZEGED
2013

PUBLICATIONES INSTITUTI SLAVICAE IN UNIVERSITATE SZEGEDIENSI

REDACTORES CONSTITUENTES:

József Juhász

Imre H. Tóth

SOCII REDIGENDI:

Ibolya Bagi, István Ferincz, Mihály Kocsis, Katalin Szőke

REDIGIT:

Károly Bibok

SERIEM PUBLICATIONUM EDENDAM CURAT:

Henrietta Majoros

СОДЕРЖАНИЕ

Пятьдесят лет сборнику-серии <i>Dissertationes Slavicae</i>	7
Артамонова, Марина Владимировна: Древнерусские формулы-синтагмы паратаксического типа	9
Багмут, Ірина Віталіївна: Внутрішня та зовнішня метафоризація одиниць лексико-семантичного поля	17
Гальона, Наталія Павлівна: Диференціація семантичних валентностей дієслівного предиката	29
Дзюман, Наталія Петрівна: Займенникове вираження об'єктних синтаксем у сучасній українській літературній мові	45
Жерева, Мария Стоилова: Евфемистичната функция на фразеологизмите в български език	57
Kmieć, Natalia: Język wywiadów prasowych, radiowych i telewizyjnych jako przykład upotocznienia dyskursu dziennikarskiego	65
Крекич, Йозеф: К вопросу о внутреннем и внешнем значениях глаголов совершенного вида	75
Мелекесцева, Наталія Василівна: Моделі речень з предикатами локалізованої наявності/відсутності в сучасній українській мові	87
Молхова, Галина Якова: Соматичните фразеологизми – универсални и национално обусловени	97
Пете, Иштван: Главные типы ориентаций в разных языках	105
Попова, Татьяна Иванова: Роля на перформативните изказвания в структурата и съдържанието на директивните речеви актове във връзка с българския речев етикет	111
Сабо, Мартина Каталин: Контрастивный анализ анафорических местоимений в венгерских и русских сложных предложениях	125
Самедова, Незрін Гусейн гызы: Омонимические конструкции <i>стать</i> + инфинитив: закономерности поведения	151
Тарр, Тюнде Борбала: Изучение значения дейктических частиц <i>вот</i> , <i>вои</i> и <i>это</i> в теории релевантности	171
К сведению авторов	189

ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ СБОРНИКУ-СЕРИИ *DISSERTATIONES SLAVICAE*

Первый выпуск сборника *Dissertationes Slavicae* был издан кафедрой русского языка и литературы Университета им. Атилы Йожефа (Сегед, Венгрия) в 1963 году. С тех пор, когда кафедральный сборник был основан, прошло полстолетия.

За эти пятьдесят лет изменилось название университета вследствие объединения высших учебных заведений нашего региона и в 2000 году был создан Сегедский университет с 10-ью факультетами. Еще до отмены русского языка как обязательного школьного предмета также была переименована кафедра русского языка и литературы. Новое название «кафедра славянской филологии», употребленное с 1990/1991 учебного года, лучше соответствовало широкому кругу славянских языков, которые и раньше активно изучались сотрудниками кафедры, о чем свидетельствует само заглавие сборника *Dissertationes Slavicae*. В 1997 г. кафедра преобразовалась в институт славистики с двумя кафедрами русской и славянской филологий. С этого года сборник принадлежит институту и издается им.

Несмотря на организационные изменения высшего образования в Сегеде заглавие сборника осталось и остается в той форме, в которой оно было напечатано на титульном листе 1-го тома в 1963 году. В связи с тем, что после 14-го тома литературоведческие и лингвистические статьи начались публиковаться в отдельных выпусках, обложка была дополнена соответствующими подзаголовками *Sectio Historiae Litterarum* и *Sectio Linguistica*. По поводу 25-го юбилейного тома на страницах 239–262 последнего издания был составлен указатель всех публикаций, помещенных в *Dissertationes Slavicae: Sectio Linguistica*, в том числе в первых 14-и выпусках, не имеющих данного подзаголовка.

В 2013 году очередным 30-м выпуском подсерии *Sectio Linguistica* отмечается 50-летняя годовщина основания сборника *Dissertationes Slavicae*. Также скоро выйдет в свет юбилейный 25-й выпуск подсерии *Sectio Historiae Litterarum*.

Нынешние редакторы искренне благодарны своим предшественникам коллегам Йожефу Юхасу, Имре Х. Тоту и Адаму Фейеру, которые основали сборник и подсерии и создали традицию опубликования высококачественной периодики по славяноведению, продолжение которой входит в обязанности теперешних редакторов.

ДРЕВНЕРУССКИЕ ФОРМУЛЫ-СИНТАГМЫ ПАРАТАКСИЧЕСКОГО ТИПА

Марина Владимировна Артамонова

(Владимирский государственный университет им. Александра Григорьевича и
Николая Григорьевича Столетовых, vladphilolog@yandex.ru)

В историческом языкознании до сих пор не ослабевает интерес лингвистов к исследованию древнерусских формул-синтагм – единиц древнего текста, представляющих собой грамматическое, семантическое и ритмическое единство и служит для передачи информации (Колесов 1989: 145). Этот интерес поддерживается актуальностью изучения механизмов создания древнерусского текста, особенностей его структурно-семантической организации, необходимым элементом которой и является формула-синтагма – устойчивое синкретичное сочетание слов, которое может быть охарактеризовано «как языковой инструмент перехода от сенсорной абстракции к абстракции интеллектуальной» и представляет собой рече-языковое единство. Таким образом, устойчивое сочетание – это не только «синкретическая единица языка-речи, но и синкретическая единица мысли-речи, явление не узко языковое, а психо-языковое» (Лопутько 2000: 86).

Одним из таких типов формул-синтагм, участвующих в семантико-структурной организации древнерусского текста, являются парные именованья – двухкомпонентные сочинительные соединения слов чаще всего субстантивной принадлежности (*братъ и сестра, небо и земля, родъ и племя, рать и сила, хлѣбъ и соль*).

Вслед за А.А. Потебней (1968) мы рассматриваем парные именованья как формулы-синтагмы паратаксического типа. Компоненты паратаксических сочетаний соединены архаичной связью, характеризующейся формальным равноправием, соположением компонентов при наличии их логической зависимости. При этом, как отмечает Л.В. Савельева (2004: 123), в паратаксических сочетаниях «логически главный и логически подчиненный компоненты выступают как единицы коррелятивные, лежащие в одной грамматической плоскости. Тем самым их сложная семантическая связь друг с другом находится в противоречии с их формальной независимостью друг от друга».

Парные именованья с точки зрения своей семантической организации являются нумерологической моделью древнерусской формулы-синтагмы, основанной на принципе бинарной логики: сигнификат можно представить расчлененно, двумя языковыми знаками, которые при объединении

в сочинительное сочетание выражают новое собирательное значение. Возникновение этого нового собирательного значения обусловлено тем, что сочинение представляет собой вхождение, включение объемов двух понятий в объем третьего, следовательно, дает возможность создания гиперонима – цельного, обобщенного понятия, с помощью которого вербализируются все смыслы, которые хотел выразить говорящий. Парные именованья в древних языках являются продуктивной моделью номинации, так как эта модель дает возможность в простой паратаксической форме «один и один» передать многоплановое содержание.

Паратаксическая связь в исследуемых сочетаниях не является однозначной с точки зрения логики: она обнаруживается в соединениях однофункциональных, грамматически равноправных форм слов, однако парные именованья демонстрируют не равноправие компонентов, а зависимость одного компонента от другого, то есть детерминацию. Наличие семантической детерминации в подобных сочетаниях была отмечена еще В.Л. Архангельским (1964: 111–112), определяющим отношения внутренней зависимости между компонентами исследуемых единиц как «взаимную детерминацию» – «двустороннюю зависимость, при которой один член сочетания как единица определенного уровня языковой структуры предполагает существование второго члена как единицы того же или смежного уровня, и наоборот: второй член как единица определенного уровня предполагает существование первого члена как единицы того же или смежного уровня». Причем детерминация в парных именованьях выражается и формально, и семантически. Семантическая детерминация компонентов парных именовань может быть обусловлена, по наблюдениям В.В. Колесова (2002: 223), метонимическим уподоблением компонентов, основанным на отношениях целого и части (*врѣмена и лѣта, дни и часъ, врѣмя и часъ*) или причины и следствия (*сильный и всемогий, золь и ужаснь, смиренный и кроткий*).

Паратаксис, свойственный архаичным языкам, возможно считать ступенью в развитии сочинительной связи. Древнерусский паратаксис и сочинительная связь в современном русском языке генетически связаны: они служат для выражения концепта ‘множество’, который в древнерусском языке понятийно и грамматически (формой двойственного числа) ограничен синкретичной парностью, парносоставностью, развившейся во множественность в представлении современного человека.

Следует отметить также, что сочинительная связь в парных именованьях проявляется со своей особой отличительной чертой: «сочинение формирует в языковой системе структурный механизм функциональной аттракции парадигматически соотносительных единиц» (Сигал 2004: 5), что во многом определяет синтагматико-парадигматический характер синкретичности данных сочетаний.

Анализ материала древнерусских литературных памятников показывает, что компоненты парных именовании могут быть соединены союзной связью (сочинительными соединительными союзами) или бессоюзной связью, обнаруживая различные варианты употребления. Нередко компоненты одного и того же парного именовании могут быть соединены разными типами связи в разных контекстах, например:

- (1) а. *Оружъа извлекоша грѣшници, напряже лукъ свой истрѣляти нища и убога, заклати правыя сердцемъ* (Поучение Владимира Мономаха);
- б. *радуйтесь о господи множество вездѣ нищии, убозии* (Житие Авраамия Смоленского);
- в. *а возмем до конца свою славу и честь* (Летописные повести о походе князя Игоря);
- г. *Но поминающе си нашу любовь, о вашемъ спасении потщитесь угодити творшему ны богу, ему же лѣпо вся слава честь* (Слова Серапиона Владимирского).

В древнерусском тексте также обнаруживается употребление одного и того же парного именовании не только с возможностью использования союзного или бессоюзного соединения компонентов, но и сращение его компонентов в неделимую единицу, подобную сложному слову. Так, например, парное именование *честь и слава* в тексте может употребляться и как союзное сочетание, и как бессоюзное сочетание с дефисным разделением компонентов, что уподобляет его сложному слову:

- (2) а. *Сей блаженный и благоверный князь [...] остави честь и славу* (Киево-Печерский патерик);
- б. *Лежите на земли пuste, ни ким брегома, **честьи-славы** ни от кого приемлемо* (Повесть о разорении Рязани Батыем).

В древнерусском тексте также фиксируется сращение компонентов парных именовании: так, компоненты парного именовании *брат и сестра* в тексте имеют возможность сращения, что преобразует исходное сочетание, состоящее из двух знаков, в номинативную единицу, представленную одним знаком:

- (3) а. *Разидеся градъ нашъ и волость наша (во время голода) и полни быша чюжие грады и страны нашей **братье и сестрь*** (Новгородская летопись);

б. *святого мученика Евлампя и Евлампия присныма братьсестрома*
(Остромирово евангелие).

Возникновение сращения компонентов парных именовании в древнерусском тексте демонстрирует обобщение и нерасчлененность их семантики и структуры: при использовании данного вида сочетаний в тексте они осознаются как целостная номинативная единица, например, *братьсестра* (термин родства, который можно сравнить с немецким существительным *Geschwister*), *честь-слава* (в нерасчленном значении 'почитание'), *хлѣбъ-соль* (в нерасчленном значении 'гостеприимство').

Не менее, чем синтаксическая связь структурно-семантических компонентов парных именовании, интересен статус союза, соединяющего компоненты исследуемых сочетаний. Парные именовании в древнерусском тексте чаще всего предполагают соединение своих структурно-семантических компонентов сочинительным союзом *и*. В научной литературе высказаны две точки зрения на морфологический статус и функцию союза *и* в парных именовании: 1) *и* – плеонастическая частица (Потебня 1968); 2) *и* – усиительный союз (Евгеньева 1963).

А.А. Потебня, останавливаясь в своих исследованиях на своеобразной функции союза *и* в сочетаниях типа *род и племя, рать и сила, хлѣбъ и соль* в древних памятниках, определяет ее так: «союз между сопоставляемыми существительными лишь в редких случаях может быть понят как выражение последовательности восприятия вещей, сопоставленных в пространстве; он служит указанием на субъективную последовательность восприятий, явственным выражением медленности, с которою в говорящем один акт мысли следует за другим» (Потебня 1968: 218). По мнению Потебни (там же, 219), *и* – это плеонастическая частица, отнесенная в категорию архаизмов: «в разных течениях языка, иногда личных, иногда более общих, различна степень потребности этих (с точки позднейшего, преимущественно письменного гипотактического языка) плеонастических частиц, заполняющих собою пробелы мысли».

А.П. Евгеньева (1963) подвергает критике точку зрения А.А. Потебни и рассматривает *и* как усиительный союз в синонимических парах слов: стилистическая функция синонимических пар, в которых употребляется союз *и*, заключается в усилении значения, в подъеме его, а в бессоюзных сочетаниях – в уточнении, взаимоограничении (тем самым тоже в усилении значения, но не путем подъема, а путем ограничения). Евгеньева пишет о невозможности соединения союзом дублетов, слов совпадающих полностью в своем значении; следовательно, о невозможности употребления союза *и* как средства связи в плеонастических конструкциях, например, «нельзя сказать „гляжу и смотрю“, „знаю и ведаю“, „народ и люди“, „сказал и молвил“,

потому что функция союза „и” в русском языке (в простом предложении) – соединение далеких или близких по значению однородных членов. Поэтому наличие союза и заставляет воспринимать один из членов как отличный от другого: сочетание „стыд и срам” с точки зрения современного литературного языка представляется соединением слов с различными оттенками значения (стыд – более слабая степень, а срам – более высокая степень той общей семантики, которая является основной в каждом из этих слов)» (Евгеньева 1963: 270–271). Объяснение А.А. Потебни (1968: 218), что наличие союза *и*, и также других «эксплетивных» частиц и слов в синонимических сочетаниях в устной поэзии является «явственным выражением медленности, с которою в говорящем один акт мысли следует за другим», также нельзя принимать, по мнению А.П. Евгеньевой (1963: 272), так как с этой точки зрения произведения фольклора – это «результат бессознательного творчества, представляющий собой точное отражение процесса мысли сказителя».

Данные точки зрения, как нам представляется, не дают достаточно точного представления о лингвистической природе и функции союза *и* в парных именовании.

Союз *и* в анализируемых устойчивых сочетаниях древнерусского текста не совсем точно можно определять как плеонастическую частицу, связывающую повторяющиеся по смыслу слова, так как компоненты парных именовании не являются лексическими дублетами, что было доказано в научных трудах В.В. Колесова (1989, 2002) и в рассмотренной работе А.П. Евгеньевой (1963). Также *и* нельзя считать и собственно союзом: роль союза *и* в парных именовании в древнерусском тексте отличается от обычной его роли в современном литературном русском языке, где он связывает слова или части сложного предложения, выражая отношения соединения, присоединения, перечисления, одновременности и др. В парных именовании *и* связывает не самостоятельные слова, а лишь составные части сочетания, осознаваемого как цельная нечленимая номинативная единица.

Анализ материала древнерусских текстов позволяет высказать предположение о том, что функция союза *и* в парных именовании близка к функции интерфикса – соединительной гласной (служащей связи корней и помещаемой между двумя корнями), связывающей части сложного слова, выражающего единое значение, например, сравним: русские сложные слова *благ-о-честие*, *дом-о-строй*, *зл-о-верие*, *лж-е-свидетель* и древнерусские сочинительные сочетания *мать и отец* ‘родители’, *руки и ноги* ‘конечности’, *сѣмо и овамо* ‘везде’.

Таким образом, сочинительный союз в парных именовании выступает в роли соединительного средства структурно-семантических компонентов, осознаваемых как логически равноправных, соположенных и вза-

имозависимых. Союз *и* выполняет соединительную функцию, связывая компоненты парных именовании подобно интерфиксу, соединяющему части сложного слова.

Компоненты парных именовании в древнерусском тексте могут быть связаны различными соединительными союзами:

1) союзом *и*:

- (4) а. *Аполонию же даже и донынѣ на нѣцех мѣстех собываются створенаа, [...] но нѣкаа на тлѣнье и вред челоуѣкомъ суцаа на побѣжение стоать* (Повесть временных лет);
 б. *Феодосий [...] оградивъся вѣрою и упованиемъ, исполнивъ же ся духа святого, началъ подвизатися въселити мѣсто то* (Житие Феодосия Печерского);
 в. *сам же Куприянъ митрополитъ по вся дни и часъ от церкви не отступая, принося молитвы къ богу* (Повесть о Темир Аксаке);
 г. *И повелѣ царь создати церковь во имя преславнаго и великаго мученика и страстотерпца Христова Георгия* (Чудо Георгия о Змие).

2) союзом *также* (*также и*):

- (5) а. *искони бо створи богъ небо, также землю* (Повесть временных лет);
 б. *хоуу яко же словомъ, такоже и дѣлом напередѣ всѣхъ и предъ всѣми главу свою положити* (Повесть о Куликовской битве).

3) союзом *ни... ни* (возможно употребление *не... ни* или пропуск первого *ни* при наличии отрицания в предложении):

- (6) а. *ни чѣсти ни славы земный искать есмь, ни телесное не разумѣхъ похоти, ни дьяволи створихъ воли, – но та вся тѣло есть створило!* (Слова Кирилла Туровского);
 б. *Яко же бо Соломонъ рече: ни богатства ми, ни убожества, господи, не дай ми [...]; ты, княже, не въздержи злата, ни сребра, но раздавай людям* (Моление Даниила Заточника);
 в. *Церкви стоаше не имущи лѣпоты, ни красоты!* (Повесть о нашествии Тохтамыша).

Бессоюзное соединение структурно-семантических компонентов парных именовании в древнерусском тексте, на наш взгляд, есть проявление структурной слитности исследуемых единиц. Данный вид связи компонентов парных именовании является распространенным в тексте:

- (7) а. *его же буди всѣм нам получитьи благодатию господа нашего Иисуса Христа, ему же подобает всяка слава честь* (Житие Сергия Радонежского);
- б. *възградившию церковь во имя святою блаженую страстотерпѣцю Бориса и Глѣба* (Сказание о Борисе и Глебе);
- в. *И се обрѣтохся въ церкви Печерьской [...], и молящу ми ся мною съ слезами пречистѣй богородици, да бых видѣль святаго преподобнаго отца Феодосия* (Киево-Печерский патерик);
- г. *и весь народ, малии велиции, срѣтоша и въ Боголюбивѣмъ съ свѣщами и съ кандилы* (Житие Александра Невского);
- д. *вся страны гради [...] чту(т) и славят коегож(д)о ихъ оучителя, иже наоучиша православней вѣрѣ* (Слово о Законе и Благодати Илариона).

Стремление двухкомпонентного паратаксического сочетания к структурному сращению (цельнооформленности), проиллюстрированное в примерах (2а), (3а), и тенденция к установлению бессоюзия (примеры (7а–д)) есть отражение структурно-сигнификативной синкретсемии в древнерусском языке – явления, при котором «одно значение (одна семема) выражается узуально закрепленными в языке формами нескольких лексико-грамматически связанных слов (несколькими лексемами)» (Пименова 2007: 50). Бессоюзная связь компонентов парных именовании в средневековых памятниках письменности делает их подобными слову; структурная нерасчлененность, выраженная таким бессоюзным соединением, и семантическая нерасчлененность парных именовании являются взаимообусловленными.

Таким образом, можно выделить несколько характеристик исследуемых формул-синтагм: 1) синкретизм формы и содержания исследуемых формул-синтагм паратаксического типа проявляется в высокой степени обобщения («собирательности», по определению В.В. Колесова 1989: 145, 2002: 222) на разных уровнях – ментальном и языковом; 2) сочинительный союз в парных именовании выступает в роли соединительного средства логически равноправных, соположенных и взаимозависимых компонентов; он связывает компоненты парных именовании подобно интерфиксу, соединяющему части сложного слова; 3) стремление данных формул-синтагм к структурному сращению (цельнооформленности), а также к обобщению, собирательности в семантике есть стремление синтагматической единицы к переходу в номинативную, утрачивающую синтаксическую связь компонентов и приобретающую деактуализацию, семантическую несамостоятельность составных частей.

ЛИТЕРАТУРА

- Архангельский, В.Л. 1964, *Устойчивые фразы в современном русском языке: Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии*. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета.
- Евгеньева, А.П. 1963, *Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII–XIX вв.* Москва–Ленинград: АН СССР.
- Колесов, В.В. 1989, *Древнерусский литературный язык*. Ленинград: Изд-во Ленинградского университета.
- Колесов, В.В. 2002, *Философия русского слова*. Санкт-Петербург: Юна.
- Лопутько, О.П. 2000, О природе устойчивых формул древнерусской письменности. В кн.: Люстров, М.В. (отв. ред.), *Герменевтика древнерусской литературы, вып. 10*. Москва: Наследие, 80–88.
- Пименова, М.В. 2007, *Красотою украси: выражение эстетической оценки в древнерусском тексте*. Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ – Владимир: ВГПУ.
- Потебня, А.А. 1968, *Из записок по русской грамматике, т. 3*. Москва: Учпедгиз.
- Савельева, Л.В. 2004, *Основы палеорусистики: Учебный комплекс по курсу истории русского языка для педагогических университетов*. Петрозаводск: КГПУ.
- Сигал, К.Я. 2004, *Сочинительные конструкции в тексте: Опыт теоретико-экспериментального исследования (на материале простого предложения)*. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Москва.

ВНУТРІШНЯ ТА ЗОВНІШНЯ МЕТАФОРИЗАЦІЯ ОДИНИЦЬ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧНОГО ПОЛЯ

Ірина Віталіївна Багмут

(Національний педагогічний університет імені М.П. Драгоманова,
ІУФ, Кафедра української мови –
Szegedi Tudományegyetem, BTK, Szláv Filológiai Tanszék, i_bagmut@ukr.net)

Мета пропонованої статті – проаналізувати особливості та характер метафоризації одиниць у складі лексико-семантичного поля (ЛСП). Матеріалом для здійснення аналізу було обрано звуконайменування (акустими) сучасної української мови з переносним значенням. Поставлена мета реалізується шляхом розв'язання таких завдань: дослідити особливості метафоризації одиниць, виявити характер перенесення значення, визначити місце метафоризованих одиниць в структурі ЛСП.

Ідея індивідуального для певного семантичного об'єднання продукування вторинних значень поширена у мовознавстві (Nunberg 1995; Fodor 1998; Glanzberg 2008) і дозволяє виявити ділянки в загальній лексичній системі, з якими це поле підтримує найбільший семантико-дериваційний обмін.

Існування переносних акустем в українській мові зумовлене свідомим вживання їх у мовленні для позначення предмета, що не є його звичайним, або природним референтом, і викликане необхідністю позначення звукових явищ, особливо у випадках відсутності прямої номінації, не переобтяжуючи словниковий склад.

Вторинні акустими характеризують такі ознаки: 1) зсув денотативної співвіднесеності; 2) наявність спільного семантичного елемента; 3) перегрупування сем за їхньою роллю у смисловій структурі переносного значення; 4) образність, оцінність. Нові звуконайменування утворені як на підставі спільності акустичних ознак (наприклад, /манера звучання/ – *воркувати* (СУМ: I, 739), рідко *журчати* (СУМ: II, 550); /інтенсивність/ – *рик* (СУМ: VIII, 533), *тарабанити* (СУМ: X, 37), *шептати* (СУМ: XI, 441); /виразність/ – *жебоніти* (СУМ: II, 516), розм. *булькотати* (СУМ: I, 255); /темп/ – *скрекотати* (СУМ: IX, 315), розм. *цвірінкати* (СУМ: XI, 186); /дзвінкість/ – *передзвін* (СУМ: VI, 167), *дзеленчати* (СУМ: II, 266)), так і на підставі спільності асоціацій (наприклад, *голос* (СУМ: II, 115), *завивати* (СУМ: III, 46), *сапати* (СУМ: IX, 56), *ревіти* (СУМ: VIII, 471), вульг. *Гавкати* (СУМ: II, 8), розм. *пробекати* (СУМ: VIII, 113)). Головна відмінність між переносними значеннями іменникових, прикметникових і дієслівних звуконайменувань полягає в ступені абстрагування (Шамота 1967: 98).

У процесі аналізу було виявлено акустими, які були сформовані внаслідок двох типів перенесення: внутрішньої метафоризації, коли пряме значення метафоризованої семми належить досліджуваному ЛСП, і зовнішньої метафоризації – коли пряме значення належить іншому полю.

Внутрішня метафоризація зумовлює появу звукової метафори – перенесення найменування одного звуку, що має певні акустичні характеристики, на інший звук, що має близькі або схожі акустичні ознаки.

Аналіз мовного матеріалу свідчить, що звукова метафора поєднує значення, які представляють різноманітні звуки (звучання) навколишньої дійсності. Особливістю звукової метафори є збереження архісеми 'звук' у похідному значенні, наявність описових диференційних сем, що відображають загальні фонічні характеристики порівнюваних звуків (/інтенсивність/, /висота/, /тембр/ тощо), підсилення ролі диференційної ознаки /схожість/, при зміні семантичного множника /джерело/ або /якість джерела/:

– спів (крик) птахів → мовлення, наприклад, перен. *щебет, гелгання, воркувати*, розм. *туркати, сокорити, цвірінькати*, ірон. *квоктали*. Наприклад:

- (1) *Шмигали під руки із стиглою морквою малі татарчата й цвірінькали, мов горобці* (М. Коцюбинський, III, 213);

– спів (крик) птахів → звуки взагалі, наприклад, перен. *пересвист, тьохкати*, розм. *туркотати*:

- (2) *Струмки побігли [...] як сизі голуби затуркотіли, засміялись* (О. Олесь, I, 147);

– мовлення певної якості → звуки взагалі такої ж якості, наприклад, перен. *шепіт, лепет, шушукати, гомоніти, жебоніти*:

- (3) *І щось мені колосся шепче* (О. Олесь, I, 98);

– звуки конкретної природи → звуки взагалі, наприклад, перен. *грім, передзвін*, розм. *шелест, гриміти, скрипіти*:

- (4) *Ми довго стояли, слухали хвиль передзвін* (В. Сосюра, II, 39);

– звуки істот → звуки механізмів, наприклад, перен. *скрекіт, кричати, сопіти, співати, сапати, завивати*:

- (5) *комп'ютери, які гарчать, мов голодні тигри, мурчання факсів, які перемелюють мільйони доларів, перш ніж переправити їх за моря й океани* (П. Загребельний, 49);

– звуки тварин → звуки взагалі (схожі на звуки тварин), наприклад, перен. *рев, рик, ревіти, гарчати*:

- (6) *Широко розляглося з важким гарчанням місто* (В. Сосюра, I, 154);

– звуки, утворювані людиною → звуки, утворювані іншими істотами, наприклад, перен. *регіт, обзиватися, реготати, гомоніти*:

- (7) *То там, то тут проривалась зелена трава, і всюди гомоніло птаство* (М. Хвильовий, 107);

– звуки, утворювані людиною → звуки неістот, сил природи тощо, наприклад: перен. *регіт, плач, голос, квилити, стогнати, співати, реготати, верещати, ридати, пхикати, ухати*:

- (8) *Заверещав поставлений у спеціальному гнізді на панелі мобільний телефон* (П. Загребельний, 86);

– звуки істот → мовлення, наприклад, перен. *мекати, скреготати, стрекотня, кричати, співати*, розм. *мурчати, рявкати, рідко мукати, вульг. гавкати*:

- (9) – *Доповідаю, – сокоріла між тим його невидима співрозмовниця* (П. Загребельний, 74).

Цей тип регулярного метафоричного переносу відіграє в мові роль найсильнішого експресивного засобу, звичайно такі найменування-характеристики спрямовані на дискредитацію, різке зниження предмета мовлення і мають яскраве пейоративне забарвлення.

– звуки конкретної якості → мовлення такої ж якості, наприклад, перен. *тріскотнява*, розм. *гриміти, тріскотіти, булькотати, шуміти, тріщати, скрипіти, стріляти*, зневажл. *тарахкотіти, торохтіти*, рідко *журчати*:

- (10) *Вона торохтіла, не даючи Совинському змоги промовити бодай слово* (П. Загребельний, 75);

– звуки, утворювані тваринами → звуки, утворювані людиною, наприклад, перен. *рик*, *гиготати*, розм. *рохкати*, *скавучати*, *зневажл. іржати*:

- (11) *У всіх закалатало серце, а Мемет стиха рикнув* (М. Коцюбинський, IV, 34);

– звуки, утворювані істотами → звуки, утворювані людиною + емоційна сема, наприклад, перен. *писк*, розм. *гагакати*, *гарчати*:

- (12) *Він [Василь] все наближавсь до неї [Олександри], гарчав та гавкав, показуючи свої білі зуби* (М. Коцюбинський, III, 117);

– звуки, що супроводжують емоційні стани однієї якості → звуки + емоції іншої якості, наприклад, перен. *причитати*:

- (13) *Дивиться [стара] на вас вицвілим одним оком і розповідає, причитаючи, про життя своє безрадісне* (О. Вишня, I, 137);

– звуки + емоції → звуки взагалі, наприклад, перен. *ридати*, *реготати*, *кричати*:

- (14) *Темні заплакані вулиці. Іноді крикне авто* (В. Сосюра, II, 209);

– звуки, утворювані голосом → звуки, утворювані частинами тіла (про комах), наприклад, перен. *співати*;

– звуки істот → звуки, утворювані людиною + емоції, наприклад, перен., розм. *пирхати*, *фиркати*:

- (15) *Тьотя Мотя фиркнула, дверима грюкнула й зникла* (О. Вишня, III, 82);

– звуки, утворювані предметами → звуки істот, наприклад, перен. *дзеленчати*, *продзвеніти*:

- (16) *Мухи дзеленчать, і в'ються, і чорніють* (ССУМ: I, 274);

– дія, супроводжувана звуком певної якості → мовлення, наприклад, перен., розм. *ляскати*:

- (17) *– Що ж до партизанів і таке інше, то ти менше ляскай про це* (ССУМ: I, 503);

– грати на музичному інструменті → видавати схожі звуки, наприклад, перен. *музичити*;

– бити в барабан → недбало грати на роялі, наприклад, перен. *барабанити*, зневажл. *тарабанити*;

(18) *У мене хворі. А він цілі дні барабанив на роялі* (ССУМ: I, 65);

– не говорити → не звучати, наприклад, перен. *німіти*;

(19) *Одлетіла луна, дальній крок занімів* (В. Сосюра, I, 65);

– дія, супроводжувана звуком однієї якості → дія, супроводжувана звуком схожої якості, наприклад, перен. *стріляти*;

– дія, супроводжувана звуком, із речовиною однієї якості → дія, супроводжувана звуком, із речовиною іншої якості, наприклад, перен. *кипіти*;

– видавати звук певної якості → звучати певним чином, наприклад, перен. *дзвеніти*;

(20) *А вітер меле і тергоче, дзвенить і плаче у вікні* (В. Сосюра, I, 98);

– звучати → поширюватися, перен. *лунати*;

(21) *В долині, край лісу, висить синя імла. І над усім тим розкинулось погідне блакитне небо, лунає в повітрі весела пісня жайворонка* (М. Коцюбинський, II, 114);

– видавати звук певної якості → бути сповненим цих звуків, перен. *лящати*;

(22) *Несеться гомін погорою, лящить долина солов'їв, і ярий набрякає гнів під тіла чорною корою* (В. Стус, III, 209).

Часто порівняння за подібністю виникає на підставі актуалізації потенційної якісної семи. У деяких метафор переносне значення не пов'язане з вихідним жодними істотними семантичними ознаками: у тлумаченнях цих значень немає взагалі спільних елементів. Але зв'язок існує на підставі асоціації. У семасіологічному аспекті зовнішня метафора – це заміна архісеми при збереженні диференційної семи або при перетворенні конотативної семи в диференційну (Денисова 1996: 12–13):

– дія з речовиною певної якості → звукова дія, наприклад, перен. *розлив, розкочуватися, сипатися, проливатися*, розм. *струменіти, розсипатися*;

– дія з речовиною певної якості → мовленнєва дія, наприклад, перен. *проціджувати, порскати*;

– деструктивна фізична дія → звукова дія, наприклад, перен. *пронизувати, прорізуватися, прошивати, розриватися, розтинати(ся)*, розм. *розливатися*;

– рухатися → звучати, наприклад, перен. *летіти, плисти, шугати, розпливатися, злітати, текти*;

– припинення візуальної дії → припинення звукової дії, наприклад, перен. *погасати, потухати, завмирати*;

– деструктивна фізична дія → припинення звукової дії, наприклад, перен. *розпадатися, уривати*, розм. *обривати(ся)*;

– дія візуального сприйняття → дія акустичного сприйняття, наприклад, перен. *сріблитися*;

(23) *вона жмурила очі, ховала лице, і сміх сипавсь їй з горла, як лісові горіхи у кришталеву вазу* (М. Коцюбинський, II, 121);

(24) *А коли перелякана жінка стріла його неспокійним питаючим поглядом, він процідив крізь зуби: – Не бійсь, нічого нам не буде* (М. Коцюбинський, V, 57);

(25) *дзвінки далеких трамваїв гостро розтинали повітря* (Є. Плужник, 39);

(26) *Там золоті Софії дзвони Пливають над містом монотонно* (В. Сосяра, I, 93);

(27) *Вечоріє [...] Тихше б'ється хвиля в береги [...] Гаснуть звуки* (Є. Плужник, 58);

(28) *Музики раптом увірвали* (М. Коцюбинський, III, 107);

– деструктивна фізична дія → мовленнєва дія, наприклад, перен. *ронити, розсипати*, розм. *розпинатися, розливатися, відбивати, рідко шматувати*;

– зміна стану → ставати нечутним, наприклад, перен. *розтавати*;

– деструктивна фізична дія → звукова дія + емоції, наприклад, перен., розм. *розливатися, тирскати*;

– лягати зручно → звучати голосно, наприклад, перен. *розлягатися*;

(29) *Тільки пташки щебечуть-розлягаються та верхів'я лісове шепотить* (М. Коцюбинський, II, 173);

– лягати → затихати, наприклад, перен. *улягатися, злягати*:

- (30) *Чути було, як [...] злягає туніт ніг, як все тихше і тихше риплять вози* (ССУМ: I, 304);

– задихатися → говорити, наприклад, перен. *захлинатися*;

– задихатися → видавати певні звуки, наприклад, перен. *захлинатися*:

- (31) *І він пошепки, захилинаючись сміхом, розповів щось таке, з чого зайшовся притишеним реготом грубий Скорик* (Є. Плужник, 194);

– задихатися → затихати, замовкати, наприклад, перен. *захлинатися*;

– деструктивна фізична дія → енергійна звукова дія, наприклад, перен., розм. *нарізувати, надриватися*;

– смажити → пристрасно грати, наприклад, перен., розм. *шкварити*:

- (32) *Роздобули баса, цимбали, І скрипочка, і бубон є; Прехорошенько посідали Та як ушкварили – ой лишенько моє!* (Л. Глібов, 59);

– обливати окропом → пристрасна дія, супроводжувана звуком, наприклад, перен. *шпарити*;

– бити → вибухати, наприклад, перен. *шибати*;

– емоційна дія → звукова дія, утворювана людиною, наприклад, перен. *тужити*:

- (33) *Олена перша зіскочила і почала припадати до саней та тужити на весь ліс* (М. Коцюбинський, II, 148);

– емоційна дія → звукова дія, утворювана істотами, наприклад, перен. *тужити*:

- (34) *Басують коні в Білоконевій стайні, і тужать пси* (О. Довженко, I, 129).

Метонімізований характер мають метафоричні переноси:

– предмет → звуки певної якості, наприклад, перен. *дріб, струни*:

- (35) *Триногий звір [рояль] хряснув і дикою гамою струн, од жалібних до грізних, ревує під стелю* (М. Коцюбинський, IV, 52);

– речовина → звук, наприклад, перен. *мідь, метал, срібло*:

- (36) *Однак дзвони несподівано впали. Мідь струснула осінню мряку* (М. Коцюбинський, II, 132).

Прикметникове та прислівникове мікрополя також розширюють свій склад за рахунок вторинних номінацій. Прикметники, які в прямому значенні виражають ознаку за відношенням до матеріалу, у переносному значенні набувають якісних характеристик, наприклад, перен. *мідний, металевий, металічний, срібний, кристалеви́й* позначають ознаку, що нагадує звук від удару по металу, міді, сріблу, кристалю – ‘дзвінкий’, перен. *бархатистий, оксамитовий, шовковий* за дотиковою асоціацією позначають ‘ніжні, приємні звуки’, *кам’яний* за дотиковою асоціацією означає ‘холодний, суворий (про голос)’. Наприклад:

- (37) *Шум дерев шовковий, хвиль безжурний спів* (В. Сосюра, I, 102);
 (38) *Втім, почувися здаля Срібні звуки сурем* (Д. Павличко, I, 99).

Відносні прикметники позначають якісні фонічні ознаки за такими асоціаціями: /дзвінкість/, /гучність/ – перен. *співучий, громовий, сонний, здушений, розливчастий, розливний*, розм. *шумливий*; /емоційний вплив/ – перен. *мінорний, мажорний, елегійний, регітний*; /ритм/ – *ламкий*; /темп/ – *цебетливий, дзюркотливий*. Наприклад:

- (39) – *Qui, qui, татап!* – кричить *мажорним голосом* майже свідомий Май (М. Хвильовий, 101);
 (40) *Він навіть пробував щось говорити хриплим та здушеним голосом* (М. Коцюбинський, III, 74).

Для подібних переносних акустем характерний своєрідний тембр, визначений прихованою ознакою /схожість до звуку, позначуваного коренем/:

- (41) *Доносяться веселий голос Андрія і срібний сміх Галі* (О. Олесь, I, 169).

Частина метафоричних прикметникових звуконайменувань сформована за такими схемами:

– психологічний стан → акустема, наприклад, перен. *божевільний* (прихована сема – ‘інтенсивний’);

- узагальнена інтенсивна ознака → акустема, наприклад, перен. *буйний* ‘інтенсивний’;
- емоції → акустема, наприклад, перен. *жахливий* ‘інтенсивний’, *несміливий* ‘нечіткий’, *тужливий* ‘жалібний’, ‘протяжний’;
- сукупна ознака → акустема, наприклад, перен. *зграйний* ‘гармонійний’;
- фізичний стан → акустема, наприклад, перен. *кволий* ‘слабкий’, *мертвий* ‘безмовний’, *гнучкий* ‘багатий на відтінки’;
- магічна сила → акустема, наприклад, перен. *чародійний*, *чарівний* ‘приємний’.

У прикметникових акустемах виявлено перенесення в межах звукового поля, наприклад, переносні акустем *безголосий*, *мовчазний*, *німий*, *гомінливий* внаслідок зміни ознаки /джерело звукової ознаки/ трансформують свої значення так: *безголосий* – ‘беззвучний’ (СУМ: I, 123), *мовчазний* – ‘без звуків’ (СУМ: IV, 771), *німий* – ‘сповнений тиші’ (СУМ: V, 424), *гомінливий* – ‘шумний’ (СУМ: II, 121). Наприклад:

- (42) *Мовчазний, безголосий ліс зашумів тим тривожним шумом, що його можна чути тільки на облавах* (М. Хвильовий, 77).

Дослідження показало, що якісні характеристики такого явища, як звук, не можуть бути обмежені тільки тими, які збігаються з акустичними категоріями, бо людина у відчуттях і, зокрема, у звуках, розрізняє значно більше властивостей, ніж ті, які відображені в його понятійній системі. Це свідчить про те, що людина використовує інтермодальні асоціації при номінації фонічних ознак звуку. Очевидно, у схрещуванні відчуттів можна побачити інтуїтивне прагнення розуму сприйняти світ не дискретно, як це робить наука, а синтетично, у його єдності, зв’язку і взаємозалежності елементів, з урахуванням різноманітних аналогій і тотожностей (Скляревская 1989: 113). Логічна операція перенесення поняття з однієї чуттєвої сфери до іншої має назву синестезії (Day 1996: 1–2). Класична інтерпретація синестезії як певного типу метафори починає поступатися місцем розумінню її як самостійного виражального засобу, бо на відміну від метафори синестезія виражає зближення концептів онтологічно різнорідних сутностей на підставі схожості відчуттів різними органами чуттів (Никитин 1974: 63–64) та спільності емоційно-оцінної реакції на різноманітні відчуття.

Розвиток переносного синестетичного значення у прикметникових акустемах сягає давніх часів. Синестезію визначено як синтагматичне утворення, реалізоване тільки в межах як мінімум бінарної синтаксичної одиниці з відношеннями семантичного неузгодження між її компонентами, які позначають різні сфери чуттєвого сприйняття. Наприклад:

- (43) *Голос анарха був надтріснутий, істеричний* (М. Хвильовий, 153).

Особливість синестетичного руху семантики полягає в тому, що цей рух, по-перше, охарактеризований ознаками оцінності, які виникають внаслідок образно-експресивного підсилення семантики, і, по-друге, супроводжуваний перебудовою гіперонімічних відношень, яка зачіпає одночасно декілька лексико-семантичних комплексів. У процесі аналізу було виявлено такі синестетичні переноси:

– візуальна ознака → акустема, наприклад, перен. *матовий* ‘приглушений’, ‘нерізкий’, *сріблястий* ‘мелодійно-дзвінкий’, *прозорий* ‘приємний’, ‘мелодійний’:

- (44) *Матовий голос клетотів би в зацібнутих грудях та пропускав крізь густо фарбовані баки історію клубового шлема* (М. Коцюбинський, VI, 83);

– дотикова ознака → акустема, наприклад, перен. *м'який* ‘тихий’, *масний* ‘підслівий’, *шорсткий* ‘грубий’, ‘неприємний’, *розсипчастий* ‘розкотистий’, ‘уривчастий’, *сухий* ‘різкий’, ‘тріскучий’, розм. *цупкий* ‘різкий’, ‘сильний’, рідко *жорсткий* ‘грубий’, ‘неприємний’, *теплий* ‘приємний’, *болісний* ‘сумний’, *пронизливий* ‘різкий’:

- (45) *І я нетерпляче чекав, коли вона [...] в одповідь дістане м'яким баритоном: – Спи добре* (М. Коцюбинський, VII, 17);

- (46) – *Слухайте!* – почув анарх позад себе *сухий голос* (М. Хвильовий, 169);

– параметрична ознака → акустема, наприклад, перен. *широкий* ‘інтенсивний’, *опуклий* ‘чіткий’, *розлогий* ‘вільне’, ‘рівне звучання’, *розлогий* ‘який чується на далеку відстань’, *крутий* ‘з переходами’, *неглибокий* ‘несильний’, *розложистий* ‘повільний’, *розложистий* ‘рівний’, *жвавий* ‘швидкий’, *шпаркий* ‘палкий’, ‘пристрасний’, ‘жагучий’:

- (47) *Верхами сосон шум іде розлогий* (М. Зеров, I, 113);

– смакова ознака → акустема, наприклад, перен. *соковитий* ‘чіткий’, ‘виразний’, ‘м'який тембр’, *медовий* ‘люб'язний’, *терпкий* ‘різкий’, ‘уїдливиий’:

- (48) *з-за перевалу прозвучало соковите контральто* (М. Хвильовий, 125).

Синестетична метафора – поширене явище серед ознакових акустем. Низькі звуки сприймаються як темні, важкі, густі, а високі – як світлі, легкі, тонкі, гострі. Це пов'язано з тим, що високий звук займає менший об'єм, а тому здається гострішим. Гучність звуку може помітно зростати за одночасного світлового подразнення – освітленні очей. Звукові явища можуть викликати різноманітні кольорові відчуття через постійну ознаку /тембр/ – забарвлення звуку. Наприклад:

- (49) *Он зірвався один **яскравий згук** і впав між ниви червоним куколом* (М. Коцюбинський, II, 47);
- (50) *Людей питають **голосом сідим**: – Де Ярославова бібліотека?!* (Д. Павличко, II, 32).

Однак словники вибірково фіксують такі переноси, контексти ж дають багатшу картину названого явища. Наприклад:

- (51) *Блискають тільки гострі, **колючі згуки**, і дрібно сиплеться регіт на металеву дошку, як шріт* (М. Коцюбинський, II, 59);
- (52) *Чийсь тягучий, **просолений голос** співа про кохання і смерть* (О. Забужко, 88);
- (53) *Притінь. Жовті курчата. I – **малиновий голос*** (В. Стус, III, 162).

Здійснений аналіз дозволяє зробити такі висновки:

1. Метафоричний перенос індивідуалізує акустему, включає її до класу, якому вона не належить. Формування узуальних метафоричних акустем підпорядковане жорсткій закономірності і здійснюється в певних напрямках від однієї семантичної сфери до іншої.

2. Значна кількість акустем із переносним значенням дає змогу говорити про метафоричне поле у складі ЛСП.

3. Внутрішня метафоризація властива акустемам, які позначають найвідоміші та найважливіші звукові явища в оточенні людини. Для зовнішньої (незвукової) метафори характерним є семантичний зв'язок між вихідним і метафоричним значенням на підставі однієї, часто прихованої семи.

4. Наявність синестетичної метафори свідчить про полімодальну основу сприйняття звуку. Через синестезію сферу найменувань ознак звуку не можна вважати навіть відносно закритою (пор. з найменуваннями кольору).

5. Периферійність метафоризованих одиниць у структурі ЛСП зумовлена зміщеною номінативною функцією: така мовна метафора не стільки вказує на предмет, як характеризує його.

ЛІТЕРАТУРА

- Денисова, С.П. 1996, *Типологія категорій лексичної семантики*. Київ: Вид-во Київського держ. лінгвістичного ун-ту.
- Никитин, М.В. 1974, *Лексическое значение в слове и словосочетании: Спецкурс по общей и английской лексикологии*. Владимир: Изд-во ВГПИ.
- Скляревская, Г.Н. 1989, *Языковая метафора как объект лексикологии и лексикографии: Дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01*. Ленинград.
- Шамота, А.М. 1967, *Переносне значення слова в мові художньої літератури*. Київ: Наукова думка.
- Day, S. 1996, Synaesthesia and Synaesthetic Metaphors. *PSYCHE* 2 (32), 1–19. <http://www.theassc.org/files/assc/2358.pdf>
- Fodor, J. 1998, *Concepts: Where Cognitive Science Went Wrong*. Oxford: Clarendon.
- Glanzberg, M. 2008, Metaphor and Lexical Semantics. *The Baltic International Yearbook of Cognition, Logic and Communication*, Vol. 3, 1–47. <http://www.thebalticyearbook.org/journals/baltic/article/view/14/13>.
- Nunberg, G. 1995, Transfers of Meaning. *Journal of Semantics* 12, 109–132.

ДЖЕРЕЛА

- Вишня, О. *Твори, т. I–IV*. Київ: Дніпро, 1988–1989.
- Глібов, Л. *Байки. Поезії*. Київ: Дніпро, 1991.
- Довженко, О. *Твори, т. I–II*. Київ: Дніпро, 1983–1984.
- Забужко, О. *Сестро, сестро: Повісті та оповідання*. Київ: Факт, 2004.
- Загребельний, П. *Брухт: Роман; Гола душа: Повість*. Харків: Фоліо, 2002.
- Зеров, М. *Твори, т. I*. Київ: Дніпро, 1990.
- Коцюбинський, М. *Твори, т. I–VII*. Київ: Наукова думка, 1974.
- Олесь, О. *Твори, т. I–II*. Київ: Дніпро, 1990.
- Павличко, Д. *Твори, т. I–II*. Київ: Дніпро, 1989.
- Плужник, Є. *Змова у Києві: Роман, п'єси*. Київ: Український письменник, 1992.
- Сосюра, В. *Вибрані твори, т. I–II*. Київ: Наукова думка, 2000.
- ССУМ – *Словник синонімів української мови, т. I–II*. Київ: Наукова думка, 1999–2000.
- Стус, В. *Твори, т. III*. Львів: Просвіта, 1999.
- СУМ – *Словник української мови, т. I–XI*. Київ: Наукова думка, 1970–1980.
- Хвильовий, М. *Новели, оповідання. Повість про санаторійну зону. Вальдшнепи. Роман. Поетичні твори. Памфлети*. Київ: Наукова думка, 1995.

ДИФЕРЕНЦІАЦІЯ СЕМАНТИЧНИХ ВАЛЕНТНОСТЕЙ ДІЄСЛІВНОГО ПРЕДИКАТА

Наталія Павлівна Гальона

(Національний педагогічний університет імені М.П. Драгоманова,
ІУФ, Кафедра української мови, nataliagalona@bigmir.net)

1. Проблемні питання теорії валентності постійно дискутуються в сучасній українській та зарубіжній лінгвістиці. У дослідженнях останнього десятиліття було приділено багато уваги визначенню валентної спроможності різних типів предикатів, що виявилось переважно у систематизації предикатів за кількісними показниками валентних потенцій: одновалентні, двовалентні, тривалентні, чотиривалентні та багатовалентні. Ці групи було докладно обстежено в семантичному та семантико-синтаксичному аспектах: з'ясовано якісні характеристики іменних компонентів, зумовлених валентністю предиката, проаналізовано особливості реалізації валентності різних типів предикатів на синтаксичному рівні, побудовано моделі речень, які відображають валентну структуру семантично диференційованих предикатів.

Загалом же, розвідки в цій галузі семантичного синтаксису української мови можна поділити на дві групи. Першу утворюють дослідження, в яких за основу обрано розподіл предикатів на групи за кількісними показниками валентності. Ретельно досліджено одновалентні, двовалентні, тривалентні та чотиривалентні предикати (Куц 2003; Гмиря 2008 та ін.). У межах груп проаналізовано семантику предикатів і на цій підставі виокремлено їх семантичні різновиди, докладно описано семантику залежних компонентів та з'ясовано синтаксичну поведінку предикатів. У розвідках другої групи дослідники беруть за основу семантичний тип або різновид предиката і описують кількісні та якісні характеристики їхньої валентності. У такий спосіб в україністиці описано предикати розумової діяльності, мовлення, фізичної дії, руху, ставлення, стану, процесу, якості тощо (Овчиннікова 1993; Кавера 2008 та ін.).

Проте в українському мовознавстві недостатньо уваги приділено власне семантичному аспекту валентності. Поза увагою залишаються типи семантичних валентностей та їх внутрішня диференціація відповідно до семантичних різновидів предикатів. Водночас це питання є дуже важливим не лише для поглиблення теорії семантичного синтаксису, виявлення типології предикатів і уточнення моделей речень, а й для конкретизації лексичної семантики слів та їх лексикографічного опису. Зважаючи на це тема статті видається актуальною та своєчасною.

Мета статті – з'ясувати основні типи семантичної валентності дієслівних предикатів української мови. Вона передбачає розв'язання таких завдань: 1) уточнити поняття семантичної валентності та механізм визначення її типів; 2) з'ясувати основні типи семантичних валентностей; 3) диференціювати та систематизувати семантичні валентності дієслівних предикатів української мови.

Категорію валентності дієслова-предиката розглядають у двох площинах: семантичній і синтаксичній, внаслідок чого виокремлюють два типи валентності – семантичну та синтаксичну. Семантична валентність виявляє себе як здатність предикатного слова приєднувати слова певних семантичних класів, що позначають учасників позамовної ситуації. Валентну структуру дієслова-предиката утворює певний набір семантичних валентностей, у яких відображено семантичні функції компонентів ситуації. Крім того, вони впливають безпосередньо з лексичного значення дієслова-предиката, є його частиною. Тому для визначення валентної структури дієслова з'ясовують компоненти ситуації та здійснюють аналіз лексикографічного опису дієслівної лексеми (Апресян 1974: 120).

Семантичні валентності охоплюють всі потенційно можливі залежні компоненти, прогнозовані денотативною ситуацією та компонентами значення дієслова-предиката. Вони зумовлюють синтаксичні властивості дієслова: можливість приєднання до нього в реченні назв певної кількості актантів. Активні семантичні валентності дієслова приєднують до нього синтаксично залежні слова, і кожній з них відповідає змінна в тлумаченні його значення (там само, 119–120).

Визначення типів семантичних валентностей (глибинних відмінків, семантичних ролей, семантичних компонентів) бере початок у працях Ч. Філлмора, який в аналізі глибинної структури речення враховує не лише число аргументів предиката, а й їхні семантичні ролі, семантичний зміст. Визначення семантичних ролей (глибинних відмінків) Ч. Філлмором (з їх змінами й доповненнями) стало основою у подальших дослідженнях валентності зарубіжними та українськими мовознавцями. До глибинних відмінків Ч. Філлмор (Філлмор 1981: 405–406) зараховує: агентив (істота, яка активно діє, діяч, ініціатор події), інструменталіс (стимул або безпосередня фізична причина дії), датив (особа, якої стосується дія, позначувана дієсловом), фактитив (предмет або особа, що виникає внаслідок дії або стану), локатив (місце локалізації чи просторової орієнтації), об'єktiv (“відмінок” широкої семантики, яку визначає дієслово-предикат).

Пізніше у російському мовознавстві Ю.Д. Апресян (1974: 125–127) визначив 25 типів семантичних валентностей: суб'єкта, об'єкта, контрагента, змісту, адресата, отримувача, посередника, джерела, місця, вихідного та кінцевого пунктів призначення, маршруту, засобу, інструмента, способу,

умови, причини, результату, мети, часу та ін. Водночас учений зауважує, що лише деякі з цих значень послідовно виявляють себе як зміст семантичної валентності і належать до валентної структури предиката. Решта частіше реалізуються в граматично залежних компонентах, які не є валентно зумовленими.

У фундаментальних дослідженнях семантики речення української мови визначено, зокрема, такі семантичні функції валентно зумовлених не-предикатних знаків, що можуть поєднуватися з предикатом у семантично елементарному реченні: діяч, адресат, експерієнсив (носій фізіологічного або психічного стану), об'єкт, результатив, знаряддя, засіб, носії фізичного та фізичного всеохопного стану, локатив, а також композитив, компонентив та ідентифікатив (Вихованець 1983: 40–42).

Результати досліджень у зарубіжному й вітчизняному мовознавстві та аналіз власного мовного матеріалу дає підстави для виокремлення і внутрішньокатегорійної диференціації шести основних типів семантичних валентностей дієслівних предикатів української мови.

2. Суб'єктна валентність – найбільш поширений тип семантичної валентності. Вона притаманна майже всім предикатам і має розгалужену систему валентних значень, семантично диференційованих відповідно до предикатної семантики – дії, стану, процесу, якісної ознаки, локативного стану, кількісної ознаки (Вихованець 1992: 112).

Суб'єктна валентність дієслова-предиката виявляє себе передусім у двох основних різновидах – суб'єкта дії (активного діяча, агенса, виконувача дії) і носія стану (пасивного суб'єкта). Традиційно суб'єкт-агенси протиставляють суб'єкту-пацієнсу. А щодо значень суб'єкта стану та носія ознаки у мовознавстві немає одностайної думки: їх розглядають то як різновид семантичного суб'єкта, то як семантичний об'єкт (Мірченко 2004: 153).

Семантична диференціація суб'єктних валентних значень, здійснена на підставі аналізу предикатних одиниць, виявляє такі основні семантичні компоненти: агенси, каузатор, функтив, суб'єкт інтелектуальної діяльності, перцепієнт, суб'єкт неконтрольованих дій, суб'єкт стану, носій процесуальної ознаки.

Суб'єкт дії – це активний учасник ситуацій фізичних дій, руху й переміщення в просторі, мовленнєвої та активної розумової діяльності. Семантичну валентність **суб'єкта фізичної дії – агенса** – мають предикати і суб'єктного, і суб'єктно-об'єктного валентного типу, які позначають активні дії та рухи істот, наприклад:

- (1) *Ішов він такою ж тихою ходою, як і сюди, а може, ще й тихшою* (П. Мирний, 7).
- (2) *Грак узяв і відчахнув майже половину яблука* (О. Чорногуз, 25).

Суб'єктно-об'єктні акціональні предикати на позначення ситуацій створення, руйнування, переміщення й іншого фізичного впливу на об'єкт мають такий різновид суб'єктної семантичної валентності, як каузатор. Валентність **каузатора** (суб'єкта, що спричинює дії іншого суб'єкта) виявляють предикати із семою каузації: переміщення (*везти, переносити, ставити, садити*), створення, руйнування та зміни об'єкта (*виготовити, зруйнувати, вимити*), психоемоційного впливу (*засмучувати, смішити, лякати, радувати*), волевиявлення (*наказувати, веліти, змушувати*), зміни якості (*покращити, збагатити, зміцнити*), повсякденної практичної діяльності (*годувати, поїти, одягати, роззувати*) тощо:

- (3) *Того дня **Стратон Стратонович** наказав своєму водієві відвезти його тільки до околиці* (О. Чорногуз, 29).
- (4) *Тим часом люди зганяють овець до царини* (П. Мирний, 31).
- (5) *Прогнав його **Бородай*** (П. Мирний, 30).

Валентність **функтива** (суб'єкта функціонування) властива предикатам функціонування, що позначають ситуації виконання певних функцій особами та предметами-механізмами: *Годинник іде. Колесо обертається. Комп'ютер працює. Лампа горить. Петренко головує*. Група предикатів на позначення функціонування механізмів численна та значеннєво різноманітна. Натомість ситуації функціонування осіб, їх груп та організацій номіновані обмеженою кількістю предикатних одиниць: *працювати, звітуватися, балотуватися, голосувати, обиратися, піаритися, переобиратися, займатися політикою, спонсорувати, займатися благодійністю, головувати, секретарювати, чергувати*, наприклад:

- (6) *Нарешті **запрацював парламент*** (Л. Костенко, 235).

Семантичну валентність **суб'єкта інтелектуальної діяльності** мають предикати мислення, мовлення та інформаційної діяльності:

- (7) ***Він згадав** ту зустріч з Ією* (О. Чорногуз, 41).
- (8) ***Іван усе розкаже*** (М. Матіос, 73).
- (9) ***Сідалковський одразу зрозумів, що й до чого*** (О. Чорногуз, 43).

Називаючи динамічну, контрольовану ситуацію, вони прогнозують суб'єктний компонент з ознаками активності та цілеспрямованості, що зближує його з агенсом. Розрізнення активних суб'єктів відбувається за ситуативною характеристикою фізична дія / розумова діяльність.

Суб'єкт неконтрольованих дій характеризує ситуації стихійних природних явищ. Хоча вони часто й номіновані предикатами дії, проте, на відміну від акціональних ситуацій, характеризуються неконтрольованістю, нецілеспрямованістю. Для їх перебігу суб'єкт (предмет, природне явище тощо) не докладає ніяких зусиль, наприклад:

- (10) *Гуркіт і грім потрясають поле* (О. Довженко, 484).
- (11) *Багато вітрів прошуміло над головою* (О. Довженко, 590).
- (12) *Вибухнула бензозаправка* (Л. Костенко, 186).
- (13) *У червоній куряві й диму немов навіки заходить сонце* (О. Довженко, 590).

Перцепієнт (суб'єкт сприймання) має значення істоти, яка сприймає явища світу за допомогою органів чуття. Він позначений невисокою активністю і характеризує валентну структуру предикатів *бачити, відчувати, сприймати, чути* та ін., наприклад:

- (14) *Він ніколи не чув такого дідового голосу* (П. Мирний, 41).
- (15) *[Він] йде вулицею мимо шинку; роздивляється, прислухається* (П. Мирний, 46).
- (16) *Люди слухають, похнюпившись* (П. Мирний, 71).

Семантична валентність **суб'єкта стану** диференційована відповідно до онтологічної сутності станів, які виявляють себе як стани природи й середовища, фізичні та психічні стани осіб, локативний стан предмета або особи. Предикати стану мають диференційну ознаку статичності, зумовлену характером відображуваної ситуації. Відповідно, суб'єктне значення носія стану має ознаку пасивності:

- (17) *Двоє дівчат сплять* (О. Довженко, 481).
- (18) *Недурно Чіпка жалкував про хліб* (П. Мирний, 27).

Носій процесуальної ознаки характеризує валентну структуру предикатів *цвісти, біліти, червоніти, молодіти, старіти, мужніти* тощо:

- (19) *У Закарпатті цвітуть абрикоси й персики* (Л. Костенко, 104).
- (20) *Аж помолодшала Мотря, весела стала* (П. Мирний, 38).
- (21) *Він все хмурнішав та хмурнішав* (П. Мирний, 40).

Окрім зазначених основних різновидів суб'єктної семантичної валентності, виокремлено й такі, як **суб'єкт ставлення** (*він це любив; вона*

обожнює дитину), **суб'єкт-причина**, що зумовлює стан об'єкта (*мене при-нижують ці слова; його зацікавила картина*), **суб'єкт посесивного відношення** (*він володіє капіталом, вона має підручник*), **суб'єкт-засіб** (*за мене пише комп'ютер*) та ін.

3. Об'єктна валентність виявляє здатність предиката приєднувати компонент зі значенням предмета, на який спрямовано дію. Вона має багато різновидів, виокремлення яких зумовлюється передусім диференціацією семантики предиката.

Об'єктна семантична валентність предикатів дії виявляє себе у валентних значеннях відповідно до семантичної конкретизації акціональної предикатної семантики – фізична дія, переміщення, розумова діяльність, мовленнєва діяльність, тощо.

Водночас не всі предикати дії мають об'єктну валентність. Її позбавлені ті предикати, що належать до суб'єктного валентного типу, наприклад, предикати суспільної діяльності (*ворожити, гадати, господарювати, пасічникувати, учителювати, чумакувати, шахтарювати, головувати, секретарювати*), предикати утворення звуків (*бахкати, бемкати, гриміти, грюкати, гудіти, гупати, деренчати, дзвякати, дзенькати, клацати, ляскати, скреготати, стугоніти, торохтіти, тупотіти, шелестіти*).

Відповідно до природи предиката у межах об'єктної валентності розрізняють основні семантичні позиції об'єкта фізичної дії, об'єкта переміщення, об'єкта передавання, об'єкта інтелектуальної діяльності, об'єкта сприймання.

Семантичну валентність **об'єкта фізичної дії** мають предикати активних фізичних дій. Відповідно до семантичного розрізнення акціонального предикатного значення валентність об'єкта фізичної дії диференційована на такі семантичні компоненти:

1) об'єкт трудової діяльності людини, що властивий предикатам на позначення різних видів трудової діяльності: *вудити, рибалити, сапати, свердлити, сіяти, доїти, жати, клепати, косити, тесати, цементувати, штукатурити, кроїти, кувати, міряти, молоти, орати, пасти, полоти*;

2) об'єкт пошкодження або руйнування. Цей семантичний компонент наявний у валентній структурі дієслів зі значенням руйнування, знищення: *бомбити, гасити, ламати, кришити, пиляти, м'яти, руйнувати, рани-ти, колоти, різати, рубати, вбивати, знищувати, рвати, чавити, гризти, палити, гнути, сікти, краяти, кусати*, наприклад:

(22) *Недавно у Львові вбили композитора* (Л. Костенко, 16);

(23) *Знищили й самі пагорби, зарівняли рельєфи, знівельовали ландшафт* (Л. Костенко, 81);

3) змінюваний об'єкт, характерний для дієслів активних дій, що спричиняють зміни форми, поверхні, внутрішньої структури об'єкта, проте не призводять до його деструкції: *купати, латати, мазати, мити, пудрити, фарбувати, пороти, рівняти, смалити, сушити прасувати, прати, чистити, розмотувати, змотувати*, наприклад:

- (24) Вона довго **пудрила носа** пудрою, яка мені теж здавалася здобною, як борошно (О. Чорногуз, 150);
- (25) Миколайович довго **мив посуд** в умивальнику (О. Чорногуз, 16);
- (26) Сестра **розмотує бинт** (О. Довженко, 485);

4) об'єкт фізичного впливу, прогнозований предикатами на позначення активних цілеспрямованих дій, рухів з метою вияву позитивного або негативного ставлення до особи чи предмета (*бити, бороти, валити, штовхати, топтати, тиснути, торкати, цілувати, обнімати* та ін.):

- (27) І Чабан **відштовхнув Заброду** (О. Довженко, 587).

Семантичну валентність **об'єкта переміщення** виявляють акціо-нально-локативні предикати, які поєднують семантику дії з просторовою. Валентність об'єкта переміщення мають дієслова-предикати: *везти, вести, вносити, гнати, заводити, завозити, заганяти, зсунути, котити, нести, опускати, перевозити, переганяти, переносити, перекладати, пересувати, підводити, розкладати, розміщувати, сунути, тягти* та ін. Вони позначають динамічну, контрольовану ситуацію цілеспрямованої дії, яку здійснюють з метою переміщення об'єкта. Ця ситуація зумовлює полівалентність акціо-нально-локативного предиката, що з-поміж інших семантичних валентностей (суб'єкта, засобу пересування, адресата, локатива, шляху) має і валентність об'єкта переміщення:

- (28) *Людей вивозили, силоміць заганяли в автобуси* (Л. Костенко, 48).
- (29) *Як ти міг водити туди дитину?* (Л. Костенко, 110).
- (30) *А попереду батьки тягли Толю, який весь час спотикався, щось кричав і голосно плакав* (В. Винниченко, 32).
- (31) *Коли жандарі ввели парубка в якісь двері, почувлись крики* (В. Винниченко, 153).

Різновидом валентної семантики об'єкта переміщення є **об'єкт фіксації на поверхні**. Цю валентність відкривають дієслова *ставити, класти, кидати, вішати, стелити, садити*, наприклад:

- (32) *Даруся **кладе** **кошик** на землю* (М. Матіос, 24).
 (33) *Заброда **кинув** на пісок **автомат*** (О. Довженко, 585).

Близьку семантику виявляє **об'єкт передавання**, що належить до валентної структури предикатів дарування, купівлі, продажу. Семантичну ситуацію, у якій суб'єкт передає адресатові або отримує об'єкт, позначають предикати *брати, віддавати, роздавати, отримувати, купувати, позичати, віддавати, продавати, дарувати, надсилати*, наприклад:

- (34) *Даруся **роздавала** по селу **квіти*** (М. Матіос, 5).
 (35) ***Купив** екологічну **карту** України – плямиста, як саламандра* (Л. Костенко, 22).

Семантична валентність **об'єкта інтелектуальної діяльності** диференційована на семантичні компоненти **об'єкта мовлення** та **об'єкта мислення**. Вона часто не реалізована на синтаксичному рівні, проте наявна у валентній структурі майже всіх предикатів мовлення (*говорити, казати, розповідати, повідомляти, вигукувати, інформувати, пояснювати*) і розумової діяльності (*думати, обдумувати, осмислювати, обмірковувати, аналізувати, вивчати, розгадувати, досліджувати, пізнавати*):

- (36) *Олеся майже **крикнула** останні **слова*** (О. Довженко, 195).
 (37) *Після смерті матері я **це зрозумів*** (Л. Костенко, 104).
 (38) *Всі мовчки **думають** свої дівочі **думи*** (О. Довженко, 481).
 (40) ***Говорили** про владу, про землю* (О. Довженко, 585).

Об'єкт сприймання характерний для валентної структури предикатів сприймання: *бачити, чути, дивитися, слухати, спостерігати, відчувати*. Це семантичний компонент ситуацій психічної діяльності людини, у яких вона сприймає та пізнає явища навколишнього світу за допомогою органів чуття, наприклад:

- (41) *Данилюк довго **дивився** на свого **командира*** (О. Довженко, 127).
 (42) *Тут я **вперше побачив** свою **майбутню дружину** з білою пов'язкою на голові* (Л. Костенко, 33).

4. Валентність результату можна вважати самостійним різновидом семантичної валентності, наявної у валентній рамці певних груп предикатів, у зв'язку з особливим характером позначуваної ними ситуації та особливостями їх семної структури. Її мають предикати з семантичним компонентом 'творення'. Варто зауважити, однак, що валентність результату є похід-

ною від валентності об'єкта. Різниця між ними впливає із розрізнення двох типів ситуацій: семантичної цілеспрямованої ситуації активних дій, спрямованих на об'єкт, і результативної ситуації виникнення продукту фізичної або творчої праці.

Результатив як семантична функція підпорядковується предикатові із значенням дії і стосується семантеми неживого предмета або істоти, що виступають як результат дії (Вихованець 1983: 40).

Процес створення продукту діяльності може бути незавершеним (*малювати картину, споруджувати міст*) або завершеним (*намалювати картину, спорудити міст*), проте частина новоствореного об'єкта теж є не просто об'єктом фізичного впливу, а реальною частиною продукту творчої діяльності людини, тобто об'єктом-результатом.

Семантична валентність результату притаманна трьом основним групам предикатів із семою 'творення': активних фізичних дій, звукотворення та інтелектуальної діяльності – і має різновиди об'єкта-результату, звучання-результату і результату інтелектуальної діяльності.

Дієслова-предикати на позначення ситуації активних фізичних дій людини, спрямованих на створення матеріальних предметів та об'єктів (*будувати, бурити, варити, виготовляти, зводити, майструвати, малювати, мурувати, пекти, садити, споруджувати, шити, малювати, ліпити, творити* та ін.), мають валентність **об'єкта-результату**:

- (43) *Монтують металевий каркас* (Л. Костенко, 39).
- (44) *Не знаю, як на Канарах, а на острові Балі спекли довжелезного пляцка з кольорового рису* (Л. Костенко, 45).
- (45) *Головну ялинку держави споруджують саме тут* (Л. Костенко, 39).

Валентність **звучання-результату** характеризує невелику групу предикатів звукотворення – ті, що означають утворення мелодії, пісні: *зіграти марш, проспівати арію, відтворити звук, музикати пісню, виводити мелодію*.

Результат інтелектуальної діяльності – це одна із валентностей предикатів з семантикою творчості: *винайти, вигадати, придумати, спроектувати, скласти, створити, написати* та ін., наприклад:

- (46) *Читав, що десь уже винайшли пристрій-перекладач із собачої мови* (Л. Костенко, 234).
- (47) *То я так уже два гасла розробив* (О. Черногуз, 81).
- (48) *Вчені створюють комп'ютерну модель зміни клімату* (Л. Костенко, 234).

5. Порівняно з суб'єктною та об'єктною адресатна валентність при-
таманна вужчому колу предикатів. Вона передусім є компонентом ситуацій
активної діяльності – передавання, мовленнєвого спілкування, активних фі-
зичних дій. Водночас адресатність перебуває і в зоні семантичної валент-
ності предикатів модального відношення, психічних станів. Вона прогнозує
компонент з узагальненою семантикою істоти, на користь чи на шкоду якої
відбувається дія.

У межах адресатної валентності виокремлено самостійні семантичні
компоненти відповідно до розрізнення ситуацій мовленнєвої діяльності,
передавання, модального відношення, вияву емоцій та почуттів, а також різ-
них дій, які сприяють або шкодять особі: отримувач матеріального об'єкта,
отримувач інформації, об'єкт призначення дії, адресат волі та бажання, ад-
ресат сприяння/несприяння, адресат почуттів та емоцій.

Дієслово-предикат *адресувати* є інтегральним у вираженні ситуатив-
ної семантики адресатності і може мати всі різновиди адресатної семантич-
ної валентності: *адресувати лист, вантаж, посмішку, вітання, слова, свої*
здобутки, почуття, бажання, наказ тощо.

Семантика предикатів передавання (*давати, брати, купувати, вруча-
ти, продавати, дарувати, позичати, слати, доставляти* та ін.) передбачає
особу, яка отримує матеріальний (рідше – нематеріальний) об'єкт, і зумов-
лює валентність адресата – **отримувача об'єкта**:

- (49) *Він узяв від Терентія палку й капелюх* (О. Довженко, 391) = Терентій
дав йому палку й капелюх.
- (50) *Ми будемо посилати тобі зерно від праці своєї* (О. Довженко, 481).
- (51) *Невідомі якісь пастухи роздавали селянам овець. Продавали сало,
м'ясо бійцям за безцінок* (О. Довженко, 591).

Предикати мовлення (*говорити, розповідати, відповідати, заперечу-
вати, інформувати, підказувати* та ін.) прогнозують особу, котрій адресо-
вано інформацію і мають валентність адресата – **отримувача інформації**:

- (52) *До нього підходить Корж, Гусакові здається, що він скаже йому за-
раз найобразливіші слова* (О. Довженко, 480).

У лінгвістиці поняття адресата може бути звуженим і означати тіль-
ки отримувача інформації. У цьому випадку воно є похідним від поняття
суб'єкт знання і визначається як суб'єкт каузованого кимось інформацій-
ного процесу (Апресян 1974: 127).

Близькою до семантичних валентностей отримувача об'єкта і отри-
мувача інформації є семантика **об'єкта призначення дії**, наприклад, *зро-*

бити щось для свого сина, написати конспект для подруги, дати пояснення для студентів, поширити інформацію для клієнтів. Проте ситуація призначення, адресування передається предикатами, які описують лише адресування дії, а ситуації передавання, мовлення акцентують на отриманні об'єкта адресатом:

- (53) *Коли Терентій **приніс** йому воду, він не напився, він не помітив її* (О. Довженко, 390).

Водночас компонент адресата призначення у реченні не завжди є валентно зумовленим. На думку І.Р. Вихованця (1987: 117), розрізнення суб'єкта призначення і адресата закладено в семантико-синтаксичній природі дієслівних предикатів: давальний призначення не зумовлюється валентністю присудкового дієслова, репрезентуючи в реченні згорнутий, опорний для нього предикат *призначатися*, тоді як давальний власне адресата перебуває у валентній рамці обмеженого кола перехідних дієслів, займаючи валентно передбачуване предикатами спрямованої дії місце.

Валентність **адресата модального відношення** (адресата вияву волі та бажання) притаманна предикатам з семантикою спонукальної і бажальної модальності: *наказувати, змушувати, веліти, доручати, бажати, зичити*.

Предикатна семантика сприяння або перешкоджання діям особи з боку активного суб'єкта властива дієсловам-предикатам з виразним каузативним компонентом: *сприяти, перешкоджати, дозволяти, забороняти, заважати, допомагати, шкодити*, а також *підспівувати, акомпанувати*. Вона прогнозує такий самостійний різновид адресатної семантичної валентності, як **адресат сприяння/несприяння** (отримувач вигоди або збитків).

6. Інструментальна валентність членується на два семантичні різновиди: знаряддя дії і засобу дії (Вихованець 1992: 94–95). У їх розмежуванні беруть до уваги той факт об'єктивної реальності, що використання засобу (*ниток, гвіздків, чорнил, фарб, цементу*) призводить до його витрати, на відміну від знаряддя дії (*голки, молотка, ножа, ручки*) (Апресян 1974: 128). Засіб, отже, виявляє себе передусім як матеріал, речовина, а знаряддя прогнозує компонент на позначення предмета, застосування якого сприяє реалізації дії. Проте це розрізнення стосується переважно предикатів фізичної дії та звукотворення, наприклад:

- (54) *Бере наждак, зчищає рудий накіп, **обтирає ганчіркою** залізне пруття* (М. Матіос, 26).
 (55) *Збереглися батькові чернетки в шухляді – **перекладав він друкував на машинці*** (Л. Костенко, 267).
 (56) *Вона не відповіла, бо вже **хряпнула дверима*** (О. Черногуз, 46).

- (57) *Фактично у нас тепер завжди хтось протестує. Шахтарі стукотять касками, вчителі дзвонять дзвониками* (Л. Костенко, 234).
 (58) *Мишкою клікну, маркером пробіжусь. Готово* (Л. Костенко, 266).

У предикатах руху та переміщення валентність засобу має дещо відмінне семантичне наповнення: це – засіб пересування (*машина, поїзд, велосипед* та ін.), наприклад:

- (59) *На базар вони їхали швидкісним трамваєм* (О. Чорногуз, 25).

7. Локативну валентність мають переважно три різновиди локативних предикатів: локалізованої наявності (*бути, перебувати, опинятися, розмішуватися*), стану-локалізації (*сидіти, лежати, стояти, висіти*), руху та переміщення, або акціонально-локативні (*їхати, йти, везти, приносити*).

Предикати локалізованої наявності та стану-локалізації передають статичну ситуацію і виявляють семантичну валентність **місця статичної локалізації**:

- (60) *Мотря була на полі* (П. Мирний, 27).
 (61) *А солодка Даруся сидить у квітнику між айстрами* (М. Матіос, 5).
 (62) *Коло шосейної дороги, за селом, там, де колись брали з-під кручі на дорогу пісок, у проваллі розташувався великий табір полонених* (О. Довженко, 581).

Просторові динамічні відношення виражають акціонально-динамічні предикати, семантичні валентності яких диференційовано відповідно до трьох різновидів предикатів: односпрямованого руху (*бігти, йти, повзти, летіти*), різноспрямованого руху (*блукати, ходити, літати, бродити*) та переміщення (*везти, приводити, заносити, переносити*).

Ситуації односпрямованого руху та переміщення мають семантичні локативні компоненти:

1) початкового та кінцевого пунктів:

- (63) *Президент підійшов до трибуни* (Л. Костенко, 31);
 (64) *Коли Мічурін увійшов до кімнати, де відбувалось засідання, всі встали* (О. Довженко, 391);
 (65) *Плигали з кручі в Десну навіть ті, що зроду не плавали* (О. Довженко, 589);
 (66) *Удень приїжджали з Берліна кінооператори* (О. Довженко, 582);

2) шляху руху:

(67) *До тата Даруся йде тільки серединою вулиці* (М. Матіос, 22);

3) напрямку руху:

(68) *Відходили на схід України сини* (О. Довженко, 590).

Значення початкового та кінцевого пунктів руху здебільшого вважають самостійними семантичними валентностями. Водночас Ю.Д. Апресян (1974: 127–128) зазначає, що вони є похідними від семантичної валентності місця і можуть бути потрактовані як ‘місце початку перебування’ та ‘місце кінця перебування’.

Акціонально-локативні предикати різноспрямованого руху мають валентність **місця динамічної локалізації**:

(69) *Параска цілими днями ходила поміж хатів* (М. Матіос, 15).

(70) *По київських вулицях марширують Діди Морози* (Л. Костенко, 38).

(71) *Тисячі питань кружляють над їхніми головами у завихреннях куряви* (О. Довженко, 481).

Отже, локативна валентність диференційована на семантичні компоненти: місця статичної локалізації, місця динамічної локалізації, напрямку руху, початкового пункту, кінцевого пункту і шляху руху.

Окрім розглянутих основних типів та різновидів семантичних валентностей, визначено й інші, які ще потребують докладного та уважного аналізу в подальшому дослідженні: ситуативна валентність (*сподівався на здійснення планів, розповіли про приїзд гостей*), темпоральна валентність (*було це давно*), валентність джерела дії (*сльози текли з очей, бомбардують із літаків*), атрибутивна валентність (*поводитися добре, ставитися з розумінням, оцінювати високо*) та ін.

7. Здійснений аналіз семантичних валентностей дієслівних предикатів в українській мові дає підстави зробити **висновки**:

1. Семантичні валентності дієслівного предиката співвіднесені із структурою номінованої ним ситуації та семною організацією значення дієслова.

2. Визначення основних типів семантичних валентностей ґрунтується на розрізненні та узагальненні семантичних функцій компонентів позамовної ситуації і виявленні типології предикатної семантики. З огляду на це виокремлено шість валентних значень у межах категорії семантичної валентності: суб’єктна валентність, об’єктна валентність, адресатна валент-

ність, інструментальна валентність, локативна валентність та валентність результату.

3. В основі подальшої семантичної диференціації основних категорійних валентних значень лежать інтеграційні типологічні та диференційні ознаки семантичних ситуацій (динамічність/статичність, контрольованість/неконтрольованість, цілеспрямованість/нецілеспрямованість), деталізація предикатної семантики з виявленням специфічних сем у семантичній структурі дієслова-предиката ('творення', 'каузація', 'спрямованість дії' та ін.), характеристика та онтологічна сутність суб'єктного компонента (активність/пасивність, денотативна співвіднесеність з істотою – предметом – явищем природи), зміст та особливості інших валентно зумовлених компонентів.

ЛІТЕРАТУРА

- Апресян, Ю.Д. 1974, *Лексическая семантика: Синонимические средства языка*. Москва: Наука.
- Вихованець, І.Р. (ред.) 1983, *Семантико-синтаксична структура речення*. Київ: Наукова думка.
- Вихованець, І.Р. 1987, *Система відмінків української мови*. Київ: Наукова думка.
- Вихованець, І.Р. 1992, *Нариси з функціонального синтаксису української мови*. Київ: Наукова думка.
- Гмиря, Л.В. 2008, *Семантико-синтаксична структура речень з двовалентними дієслівними предикатами*. Київ: НПУ ім. М.П. Драгоманова.
- Кавера, Н.В. 2008, *Семантична типологія предикатів стану*. Київ: Інститут української мови НАН України.
- Куц, О.В. 2003, *Семантико-синтаксична структура речень з чотиривалентними предикатами*. Київ: Інститут української мови НАН України.
- Мірченко, М.В. 2004, *Структура синтаксичних категорій*. Луцьк: РВВ "Вежа" Волин. держ. ун-ту ім. Лесі Українки.
- Овчиннікова, І.І. 1993, *Лексико-семантична класифікація дієслів конкретної фізичної дії з семантикою створення в українській мові*. Київ: НПУ ім. М.П. Драгоманова.
- Филлмор, Ч. 1981, Дело о падеже. В кн.: Звегинцев, В.А. (ред.), *Новое в зарубежной лингвистике, вып. 10: Лингвистическая семантика*. Москва: Прогресс, 369–495.

ДЖЕРЕЛА

- Винниченко, В. *Вибране*. Київ: Школа, 2002.
- Довженко, О.П. *Кіноповісті: Оповідання*. Київ: Наукова думка, 1986.
- Костенко, Л. *Записки українського самашедшого*. Київ: Абабагаламага, 2011.

Матіос, М. *Солодка Даруся*. Київ: ЛА "ПІРАМІДА", 2007.

Мирний, П. *Хіба ревуть воли, як ясла повні: Роман з народного життя*. Харків: Фоліо, 2006.

Чорногуз, О. *Претенденти на папаху: Сатиричний роман*. Київ: Дніпро, 1984.

ЗАЙМЕННИКОВЕ ВИРАЖЕННЯ ОБ'ЄКТНИХ СИНТАКСЕМ У СУЧАСНІЙ УКРАЇНСЬКІЙ ЛІТЕРАТУРНІЙ МОВІ

Наталія Петрівна Дзюман

(Національний педагогічний університет імені М.П. Драгоманова,
ІУФ, Кафедра української мови, dzumanka@mail.ru)

Кожна семантична модель речення має свою компонентну наповнюваність, яка допомагає реалізувати загальне значення конструкції, а відтак, дати назву позамовній реальності. Така функція елементів орієнтована на семантико-синтаксичний рівень, який, відображаючи характер ситуації, формується знаками семантичної природи – синтаксемами. Питаннями аналізу і класифікації об'єктних синтаксем, визначенням статусу й ролі об'єктних відношень займалися такі вчені, як Є.К. Тимченко (1928), Л.А. Булаховський (1951), М.Я. Плющ (1986), О.К. Безпояско (1991), І.Р. Вихованець (1993), В.М. Ожоган (1997), О.Ф. Бабій (2001), А.П. Загнітко (2001), О.Ф. Ледней (2003), Я.М. Степаненко (2008а) та інші.

Семантико-синтаксичну структуру простого речення формує предикат “вказуючи на кількість субстанціальних синтаксем та їх функцій. Кількісно-якісний склад субстанціальних синтаксем регулюється найпоказовішою властивістю предиката – його семантико-синтаксичною валентністю” (Вихованець 1993: 137). Лівобічний та правобічний аргументи, які пов'язані один з одним через предикат, мають спільні й відмінні риси. Спільним слід уважати насамперед те, що вони (суб'єкт і об'єкт) входять до розряду субстанціальних синтаксем, реалізуються у вигляді морфологічних варіантів, валентно пов'язані з предикатом і заповнюють у реченні певні формально-синтаксичні позиції. Відмінності між ними полягають передусім у тому, що 1) суб'єктові властива суб'єктна семантико-синтаксична функція, а об'єктові – об'єктна; 2) суб'єкт займає лівобічну позицію щодо предиката, а об'єкт – правобічну; 3) суб'єкт буває активним і пасивним, об'єкт – тільки пасивним; 4) для суб'єкта типовою є формально-синтаксична позиція підмета, а для об'єкта – додатка; 5) між суб'єктом, представленим підметом, і предикатом, репрезентованим присудком, існують граматичні предикативні відношення, що формують конструктивне ядро речення, тоді як між об'єктом, реалізованим додатком, і предикатом устанавлюються граматичні об'єктні відношення, які не утворюють конструктивного ядра речення (Степаненко 2008а: 8–9). Н.М. Арват (1976: 41) називає лівобічний поширювач другим стрижневим компонентом семантичної структури, який є носієм предикативної ознаки, причиною, початком, або джерелом дії, процесу чи стану.

Об'єктні синтаксеми у семантично елементарному реченні передають значення реальної предметності (об'єктну синтаксему витлумачуємо як предмет, на який спрямовано дію, процес або стан) і залежать від предиката, функціонуючи як необхідні компоненти речення. У простих неелементарних реченнях маємо ускладнення об'єктної синтаксеми суб'єктивним значенням внаслідок переміщення об'єктної синтаксеми в суб'єктну позицію.

Значущість функції об'єкта у поняттєвому плані аргументована семантичною сферою відображення позамовного світу. Як тип денотативного значення об'єкт виступає компонентом змісту речення і реалізується через номінативну і експлікативну функції мови. Його роль у базовій структурі речення продиктована семантико-синтаксичним аспектом об'єктності, який закладений у семантичні параметри суб'єктно-об'єктних відношень, зумовлених предикатом дії (Безпояско 1991: 29).

Предикат як центральна синтаксема елементарного простого речення визначає семантичні різновиди об'єктних синтаксем, а також впливає на їхні морфологічні варіації та формально-синтаксичні позиції в реченні. Виділяють, зокрема, п'ять семантичних типів предикатів: 1) предикати дії; 2) предикати стану; 3) локативні предикати дії; 4) предикати процесу; 5) предикати якісної ознаки-відношення. Семантичні класи предикатів визначають такі семантичні варіанти об'єктних синтаксем: 1) об'єкт дії; 2) об'єкт стану; 3) об'єкт локативного предиката дії; 4) об'єкт процесу; 5) об'єкт якісної ознаки-відношення:

- (1) *У нього була твердо визначена мета, він шукав когось, його спокійні очі неквапно перебирали розколошкані постаті* (П. Загребельний, 541).
- (2) *Я так тебе люблю!* (В. Сосюра, 255).
- (3) *Потім підсунув до себе миску і взяв грушу* (Ю. Мушкетик, II, 389).
- (4) *Він гнівався на неї, і вона відчувала це* (О. Кобилянська, 45).
- (5) *Що ж вона – краща за мене?* (М. Кропивницький, 33).

Наявність об'єктної синтаксеми зумовлена насамперед лексичним значенням дієслова, яке без об'єктного компонента не здатне самотійно виражати свою реляційну семантику і потребує доповнення, приєднуючи синтаксему, що входить до елементарної структури речення як конструктивний компонент його ядра (Плющ 2008: 7), об'єкт може функціонувати на правах облігаторної і факультативної синтаксеми (Степаненко 2008а: 9). Об'єктні синтаксичні відношення зумовлюються, як і інші відношення при підрядному зв'язку, не тільки морфологічною валентністю опорного дієслова, а й смисловим значенням поєднаних слів (Плющ 1986: 41). Слова релятивної семантики (*знати, бачити, пам'ятати, розуміти, згадувати, ди-*

витися, закохатися, подружитися, хвататися, вчепитися, заступитися, вести, нести, вірити, повірити, вплинути, подіяти, спостерігати, доглядати, стежити, уболювати, скучати, жаліти, плакати, насміхатися, жартувати, долучитися, приєднатися, відмовитися, відділитися, зупинитися тощо) вимагають заповнення після себе об'єктних позицій у певній морфологічній формі: знахідному, родовому, давальному, орудному і місцевому відмінках, які перебувають між собою в ієрархічних відношеннях. На далекій периферії морфологічних варіантів об'єктної синтаксеми функціонують і прийменниково-відмінкові форми (знахідний, родовий та орудний з прийменниками). На противагу іменникам, які є первинною формою вираження об'єктного значення і хоча не з однаковою частотністю вживання в усіх відмінкових формах, займенники, замінюючи їх і вказуючи на один і той самий предмет, мають свої особливості, а тому не завжди дублюють іменник. Це пов'язано із стилем мовлення чи комунікативною ситуацією. Пор., *Христя завжди заступалася за Чинку* (П. Мирний, 365) → *Христя завжди заступалася за нього* і *Король зрікся престолу* (Світова література, 320) → *Король зрікся його*. Як бачимо, у другому випадку науково-публіцистичний стиль не допускає високої частотності такої заміни, тоді як у художньому – це досить поширене явище.

Хоча у вираженні об'єктних відношень у сучасній українській мові беруть участь знахідний (еквівалентний йому родовий), давальний та орудний, кожен з яких займає неоднакову синтаксичну позицію: знахідний – позицію першого об'єкта, на який безпосередньо спрямована дія; давальний – позицію другого об'єкта, а орудний віддалений від центру двома ступенями, своє відмінкове значення передає в придієслівній позиції з обставинною функцією (за допомогою чого здійснюється дія? як?) (Плющ 1986: 43).

Основним морфологічним репрезентантом займенникової синтаксеми у функції об'єкта є акузатив і генітив (знахідний і родовий відмінок) назв істот або неістот в реченнях структурної моделі **суб'єкт + предикат + об'єкт**. Вершинне місце в системі реалізаторів означеної семантики займає припредикатний компонент – об'єкт, що можна пояснити такими причинами: “об'єктне значення для акузатива є первинним, а для генітива – вторинним; знахідному відмінкові властива цілісність стосовно семантичного наповнення (спеціалізується на вираженні об'єктності) та синтаксичного функціонування (виконує в реченні типову для нього роль прямого (сильнокерованого) додатка), тоді як для родового відмінка характерна неоднорідність значеннєвого й синтаксичного планів” (Степаненко 2008а: 10).

Знахідний відмінок у системі відмінків сучасної української мови функціонує як засіб вираження прямого об'єкта. Специфічні особливості знахідного прямого об'єкта полягають у тому, що в плані синтагматичному йому властиве вживання з перехідними дієсловами (Вихованець 1971: 10).

Знахідний прямого об'єкта не може залежати від прикметників та іменників, сполучуваність лише з дієсловами є його характерною властивістю (Вихованець 1987: 85). Сполучаюся із перехідними дієсловами, знахідний об'єкта зумовлюється їх валентністю, виражає спрямованість дії на об'єкт (Плюш 1986: 41). Наявність знахідного у внутрішньосинтаксичній структурі речення програмується семою перехідної результативної дії, оскільки дистрибутивною морфологічною ознакою дієслова є перехідність. Залежно від ситуації, що відбиває те чи інше поняття, дієслова номінують фізичну, мовленеву, інтелектуальну дію, емоційний стан і почуття тощо. Відповідно до ступеня деталізації предикатів диференціюють об'єктну семантику (Костусяк-Межов 2006: 214). Дієслова, які вимагають знахідного відмінка об'єкта, становлять надзвичайно широку групу. І.Р. Вихованець (1987: 87–89) виділяє такі основні підгрупи перехідних дієслів, як: дієслова фізичної дії; дієслова переміщення в просторі; дієслова володіння, позбавлення і передачі, присвоєння й отримання; дієслова мовлення; дієслова, які виражають позитивне або негативне ставлення до чогось, внутрішній стан і почуття, спрямованість інтересу до чогось; дієслова чуттєвого сприймання; дієслова розумової діяльності.

- (6) *Не знаю, хто мудрував-лукавив над нею, хто був її чорним чи, може, засліпленим автором, хто страшно согрівив, чи не знаючи наших людей, чи не вірячи їм, чи ненавидячи нас, але він гадюкою підозри ослабив і силу нашу, і любов, і віру!* (М. Стельмах. Правда і кривда, 67).
- (7) а. *Він згадав, як покинув усе і гайнув до Москви* (П. Загребельний, 537).
 б. *Я зрозуміла це, коли ти сказав мені отам, над Дніпром* (там само, 536).
 в. *Борис у Києві не ждав тепер нічого* (там само, 531).

У безособовому реченні прямий додаток може відноситись до головного члена, вираженого предикативними прислівниками (Вихованець 1971: 19) із значенням а) емоційного стану, психічного переживання людини: *жалко, жаль*; б) інтелектуального стану: *відомо, зрозуміло, незрозуміло, ясно*; в) сприймання: *видно, помітно, чутно* та ін. (Ледней 2003: 9–10):

- (8) *Стало невимовно жаль когось, а обличчя напружилось і щоким стягнуло* (О. Сизоненко, 26).
- (9) *Мені так чомусь було тебе жаль* (О. Гончар, 192).
- (10) *Не ламайте дурня, ніхто вас не чує, а нам усе відомо* (І. Ле, 261).
- (11) *Нас далеко чути, нас далеко видно* (О. Підсуха, 78).

У вторинному відмінковому функціонуванні об'єктне значення знахідного може ускладнюватися семантикою суб'єкта. В українській мові знахідний відмінок обов'язковий при більшості предикатів на *-но*, *-то*, утворених від перехідних дієслів. Він виражає синкретичне значення об'єкта дії – суб'єкта результативного стану.

- (12) *А тих, що їх вивезено і знищено на Сибірі – годі й назвати* (У. Самчук, 47).
- (13) *Я не розумію, Чому ви так згризлися, почувши, що мене засуджено* (І. Франко, 41).
- (14) *Спочатку було розкритиковано теорію “перших хоробрих”, відкинуто її, а разом з нею й імена В. Блакитного, Г. Михайличенка, А. Заливчого і В. Чумака* (Українська журналістика в іменах, 280).

Семантичну неелементарність таких речень засвідчує можливість їх розчленування на елементарні одиниці, пор.: *мене засуджено* (І. Франко, 41); *я засуджена і засудили мене* (Костусяк–Межов 2006: 216).

Нерідко в українській мові вживаються речення з компонентами у знахідному відмінку, що перебувають у подвійних синтаксичних зв'язках з іншими членами речення:

- (15) *Вранці її знайшли зомлілу коло Галчанового обійстя* (М. Коцюбинський, 318).

Знахідний відмінок репрезентує складну субстанціальну синтаксему, яка об'єднує в собі об'єктне та суб'єктне значення й утворюється внаслідок злиття в одну конструкцію двох елементарних речень. Пор., *Сусіди її знайшли зомлілу і Сусіди її знайшли + Вона була непритомна*.

Об'єктні синтаксичні відношення зумовлюються, як і інші відношення при підрядному зв'язку, не тільки морфологічною валентністю опорного дієслова, а й смисловим значенням поєднуваних слів (Плющ 1986: 41).

Отже, основним значенням акумулятива слід вважати об'єктне: він позначає предмет безпосереднього, прямого й повного застосування дії, до якого безпосередньо спрямоване чіс-небудь відношення, сприймання. Периферійною для нього є суб'єктна, локативна, темпоральна, квантитативна семантика.

Родовий відмінок в сучасній українській мові може вживатися як еквівалент знахідного при прямоперехідних дієсловах в уснорозмовному мовленні, що знаходить відображення в художньому і публіцистичному мовленні (Плющ 1986: 44). У функції об'єкта стану родовий відмінок вживається з відповідною низкою дієслів стану: *дочекатися, сторонитися, дотримувати*

тися, торкатися, хотіти, бажати, володіти, жадати, досягати, потребувати, позбавляти, уникати, боятися, страхатися, прагнути тощо (Безпояско 1991: 36). Отже, спеціалізація родового відмінка у вказаній функції зумовлена лексико-семантичним змістом дієслова.

- (16) *Тому швидко обридла така опіка, він почав уникати його, сердитися* (Ю. Мушкетик, 199).

Одним із важливих чинників, який зумовлює вибір акузатива/генітива, є наявність/відсутність у реченні заперечення. У стверджувальних синтаксичних конструкціях припредикатну позицію регулярно обіймає безприйменниковий знахідний, а в заперечних – безприйменниковий родовий.

- (17) *Вона вже ні про що не питала їх* (О. Довженко, 237).

І.Р. Вихованець (1987: 97) зазначає, що знахідний відмінок в однакових умовах може чергуватися з родовим партитивним. Знахідний прямого об'єкта і родовий партитивний виявляють різницю у значеннях: перший означає повне охоплення об'єкта дією, другий вказує на те, що предмет лише у певній його частині зазнає дії, вираженої дієсловом. Але це явище не стосується займенникових об'єктних синтаксем, бо тільки іменники “являють собою назви речовин або предметів у множині, що допускають вираження частковості або подільності” (там само).

Давальний, орудний і місцевий відмінки у функції об'єктних синтаксем у реченні належать до розряду неосновних реалізаторів об'єктного значення в реченні, оскільки семантико-синтаксична функція об'єкта дії, стану для номінатива, датива, інструменталія та локатива є не первинною, а вторинною.

У ролі факультативного еквівалента знахідного прямого об'єкта функціонує давальний відмінок при дієсловах *докоряти, зарадити, повідомляти, сповіщати* та ін. (Вихованець 1971: 31).

О.К. Безпояско (1991: 36) доповнює низкою дієслів *шкодити, вірити, заздрити* і об'єднуючи в одну семантичну групу на підставі семантико-синтаксичної ознаки фінальної спрямованості, “яка тут має дещо нівельований характер, ніж у ряду дієслів із семою ‘давання’, що формує значення адресата”.

- (18) *Мокрина за ними дивиться: Мокрина їх завжди годує, вичісує, стеле їм постіль* (П. Мирний, 121).

- (19) *Снопом цілим глянувши у загразоване вікно, пригадала їй, що надворі спека* (М. Коцюбинський, 113).

- (20) – *Вірте, мамо, чи не вірте, – засокоріла Катря, – що минулої ночі Гриць ваш снівся мені* (Є. Гуцало, 407).
- (21) *Не дітись, не дітись мені від вогню!* (І. Драч, 103).

У сфері еквівалентних відношень із знахідним прямого об'єкта в позиції придієслівного додатка перебуває орудний об'єкта, використовуваний при тих самих дієсловах, що і знахідний. Пор., наприклад, знахідний об'єкта, з одного боку, і орудний об'єкта – з другого, при дієсловах *вергати, ворухити, жбурляти, кидати, коливати, крутити, метати, мотати, нехтувати, опановувати, поводити, прискати, рухати, сипати, смакувати, смикати, стрепенути, термосити, тіпати, тріпати, торгати, трусити, трясти, хитати, хлюпати, шарпати, шпурляти* (Вихованець 1971: 31):

- (22) *Було як полається за щось з будь-котрою наймичкою, то кричить, верещить, мов навіжений, тріпає руками та аж підскакує, неначе той півень, що розставить крила й тріпає ними, настовбурчиться й кидається на другого півня* (І. Нечуй-Левицький, 239).

Займенник як виразник об'єктної синтаксеми у формі місцевого відмінка функціонує лише з прийменниками *в/у, на, при, по, о(об)*. Виражаючи первинне локативне значення, місцевий відмінок здатний виражати і похідне об'єктне значення. Прийменник *на* вживається з предикатами дії та стану, репрезентанти яких об'єднано в такі лексико-семантичні групи: 1) дієслова інтелектуальної діяльності (*розуміти(ся), знати(ся), тямити*); 2) дієслова зі значенням зосередження уваги на якому-небудь об'єкті (*зосереджувати(ся), сконцентрувати(ся), зупинити(ся)*); 3) дієслова зі значенням виділення, виявлення найважливішого, найголовнішого в об'єкті (*базуватися, ґрунтуватися, триматися*); 4) дієслова, що вказують на процес творення, на більший або менший ступінь інтенсивності дії (*смажити, пекти, варити, пряжити, кип'ятити, паритися, гнути, гріти*).

- (23) *Вони знали мистецтво, особливо розумівся на ньому Степан Йосипович* (Про Петра Козланюка, 97).
- (24) – *Мовчи!* – *люттяю налиті очі зупинилися на ньому* (Хортиця, 113).
- (25) *Ніякі реальні суттєві зміни, вважає він, не мають шансу на підтримку з боку населення, якщо вони не виражають його глибинних моральних цінностей і не базуються на них* (Збірник, 59).
- (26) *Лесь сидів коло розкладеного на березі річки багаття і спостерігав, як Михась пече на ньому тільки що спійманих раків* (А. Гарасим, 14).

Прийменник *у/в* вживається з предикатами таких лексико-семантичних груп дієслів: 1) зі значенням інтелектуальної діяльності (*розумітися, розбиратися, орієнтуватися, петрати, шурупати*); 2) зі значенням упевненості/неупевненості (*впевнюватися, переконуватися, сумніватися, вагати-ся, пересвідчуватися, довіритися, запевнитися*) (Степаненко 2008б: 174–176):

- (27) *Розуміється у них як вовк у зорях* (укр. прислів'я).
 (28) *Розберуся трохи в цьому сам, тоді й поговоримо* (А. Головка, 80).
 (29) *Хіба він говорив би так, коли б сумнівався в чомусь?* (Д. Міщенко, 545).

Прийменник *по* широко вживаний з просторовими та часовими значеннями, у функції об'єкта вживається значно рідше і лише з лексико-семантичною групою 'негативний емоційно-психічний стан людини' (*ридати, плакати, тужити, голосити, сумувати, журитися, печалитися, смуткувати*):

- (30) *Гляди, щоб твої ноги онишкином не полікував – давно він ревма реве по тобі* (М. Стельмах. Велика рідня, 218).

З кінця XX століття займенник *по* помітно архаїзується і поступається місцем конструкції із *за*:

- (31) *То чи я б за таким плакала та побивалася?* (П. Мирний, 214).

Характерним для синтаксичної будови речень є поширення вживання прийменниково-відмінкових форм. Зокрема знахідного з прийменниками *без, біля, у (в), від, для, до, з, за, з-за, з-під, проти, серед, між*; орудного – з прийменниками *з, за, між, над, понад, перед, під, попід, поза*; місцевого – з прийменниками *у(в), на, о(об), по*:

- (32) а. *Він умовк і не зводив з неї очей* (О. Довженко, 393).
 б. *Хоче плечима зачинити двері, а вони знову налягають на нього* (М. Стельмах. Правда і кривда, 31).
 в. *Прочитавши вдруге, знову спитав невідь у кого* (Є. Гуцало, 369).
 (33) *Отак і сперечалися з нею, аж поки одного разу не поплив з побратимом Дмитром ловити скумбрію* (М. Стельмах. Правда і кривда, 59).
 (34) *Він дивився на неї, чужу, невідому, випадкову, аби ніколи вже потім ні на одну годину ніде не забути її, аби понести її, оцю дівчину, в своєму серці через усі бої, через усі вогні* (О. Довженко, 393).

У прийменниково-відмінкових сполученнях, до складу яких входить знахідний відмінок відбуваються певні функціональні зрушення, викликані в них розвитком нових значень. На базі первинних конкретних значень виникають нові, більш абстрактні. Це зумовлює тенденцію до граматикалізації окремих прийменниково-відмінкових сполучень, до перетворення їх у формальні, позбавлені конкретного значення знаки синтаксичної залежності. Проте в прийменниковому вживанні знахідний відмінок у першу чергу виражає просторові, часові і інші конкретні значення (Вихованець 1971: 47).

Об'єктна функція в інших непрямих відмінках є вторинною, вона розвивається на основі первинних значень і характеризується лексичними, граматичними і стилістичними обмеженнями. Особливо чітко простежується відмінність у силі притягання до дієслова іменних словоформ, що виражають власне об'єктні і об'єктно-обставинні значення (Плющ 1986: 45).

Отже, з-поміж інших субстанціальних синтаксем об'єкту синтаксеми, виражену займенником, вирізняють: 1) об'єктна семантико-синтаксична функція в реченні; 2) правобічна валентна припредикатна позиція; 3) сполучуваність майже з усіма семантичними типами предикатів, а саме: з предикатами дії, стану, процесу, локативними предикатами дії та предикатами якісної ознаки-відношення; 4) сполучуваність майже з усіма валентними класами предикатів (за винятком одновалентних); 5) пасивність; 6) наявність основного (знахідний відмінок) і периферійних (родовий, давальний, орудний, місцевий, прийменниково-відмінкові форми) морфологічних варіантів; 7) типова формально-синтаксична позиція додатка (передусім – прямого). Перераховані диференційні ознаки свідчать про те, що об'єктна синтаксема є необхідним компонентом структури простого речення.

ЛІТЕРАТУРА

- Арват, Н.М. 1976, Про компонентний аналіз семантичної структури простого речення. *Мовознавство* № 4, 38–45.
- Бабій, О.Ф. 2001, Засоби вираження синтаксеми у функції об'єкта стану в структурі простого речення: на матеріалі публіцистичного стилю. В кн.: Карпенко, Ю.О. (відпов. ред.), *Записки з українського мовознавства, вип. 11*. Одеса: Астропринт, 59–67.
- Безпояско, О.К. 1991, *Іменні граматичні категорії: Функціональний аналіз*. Київ: Наукова думка.
- Булаховський, Л.А. (ред.) 1951, *Курс сучасної української літературної мови: Синтаксис, т. 2*. Київ: Радянська школа.
- Вихованець, І.Р. 1971, *Синтаксис знахідного відмінка в сучасній українській літературній мові*. Київ: Наукова думка.
- Вихованець, І.Р. 1987, *Система відмінків української мови*. Київ: Наукова думка.

- Вихованець, І.Р. 1993, *Граматика української мови: Синтаксис*. Київ: Либідь.
- Загнітко, А.П. 2001, *Теоретична граматики української мови: Синтаксис*. Донецьк: Дон НУ.
- Костусяк, Н.М. – Межов, О.Г. 2006, Знахідний відмінок як основний морфологічний варіант об'єктної синтаксеми. *Культура народів Причорномор'я* № 82, т. 1, 214–217.
- Ледней, О.Ф. 2003, *Об'єктні синтаксеми в структурі простого речення*. Автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук.: спец. 10.02.01 “Українська мова”. Одеса.
- Ожоган, В.М. 1997, *Займенникові слова у граматичній структурі сучасної української мови*. Київ: НАН України Інститут української мови – Мовознавство.
- Плющ, М.Я. 1986, *Категорії суб'єкта і об'єкта в структурі простого речення*. Київ: Вища школа.
- Плющ, М.Я. 2008, Зв'язані синтаксеми в структурі речення. В кн.: *Науковий часопис НПУ ім. М.П. Драгоманова, серія 10: Проблеми граматики і лексикології української мови, № 4*. Київ: Вид-во НПУ ім. М.П. Драгоманова, 5–9.
- Степаненко, Я.М. 2008а, *Диференціація об'єктоного значення в семантико-синтаксичній структурі речення*. Автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук: спец. 10.02.01 “Українська мова”. Київ.
- Степаненко, Я.М. 2008б, Місцевий відмінок як носій об'єктної семантики. В кн.: *Науковий часопис НПУ ім. М. Драгоманова, серія 10: Проблеми граматики і лексикології української мови, № 4*. Київ: Вид-во НПУ ім. М.П. Драгоманова, 173–178.
- Тимченко, Є.К. 1928, *Акузатив в українській мові*. Київ: Вид-во УАН.

ДЖЕРЕЛА

- Гарасим, А. *Одні: Проза*. Київ: Смолоским, 2000.
- Головко, А. *Твори, т. III*. Київ: Дніпро, 1977.
- Гончар, О. *Людина і зброя. Циклон*. Київ: Дніпро, 1978.
- Гуцало, Є. *Твори: оповідання, новели*. Київ: Дніпро, 1996.
- Довженко, О. *Твори, т. V*. Київ: Дніпро, 1966.
- Драч, І. *Вибрані твори, т. I*. Київ: Дніпро, 1986.
- Загребельний, П. *Романи*. Київ: Дніпро, 1974.
- Збірник – *Збірник наукових праць Української Академії державного управління при Президентів України, т. II, ч. I*. Київ: Вид-во УАДУ, 1999.
- Кобилянська, О. *Твори, т. V*. Київ: Державне вид-во художньої літератури, 1963.
- Коцюбинський, М. *Твори, т. I*. Харків: Книгоспілка, 1965.
- Кропивницький, М. *Твори, т. II*. Київ: Державне вид-во художньої літератури, 1958.
- Ле, І. *Твори*. Київ: Дніпро, 1968.
- Мищенко, Д. *Вітри приносять грози. Чому не сходяться дороги: Романи*. Київ: Дніпро, 1972.
- Мирний, П. *Вибрані твори, т. I*. Київ: ДВХЛ, 1949.
- Мушкетик, Ю. *Твори, т. II*. Київ: Дніпро, 1979.
- Мушкетик, Ю. *Біла тінь*. Київ: Твім інтер, 2004.

- Нечуй-Левицький, І. *Зібрання творів: Прозові твори*. Київ: Наукова думка, 1967.
- Підсуха, О. *Вибрані твори: Поезія*. Київ: Дніпро, 1978.
- Про Петра Козланюка: Статті, нариси*. Київ: Радянський письменник, 1964.
- Самчук, У. *На коні вороному*. Житомир: Волинь, 1975.
- Світова література – Столій, І. *Світова література. 10 клас: Розробки уроків*. Харків: Ранок, 2010.
- Сизоненко, О. *Степ: Роман*. Київ: Радянський письменник, 1976.
- Сосюра, В. *Калина над водою: Лірика та поеми*. Київ: Дніпро, 1968.
- Стельмах, М. *Правда і кривда: Над черемошем*. Київ: Державне вид-во художньої літератури, 1962.
- Стельмах, М. *Велика рідня: Роман-хроніка*. Київ: Дніпро, 1968.
- Українська журналістика в іменах: Матеріали до енциклопедичного словника*. Відпов. ред.: Романюк, М.М., Львів: Львівська наукова бібліотека, 1997.
- Франко, І. *Статті і матеріали, т. V*. Львів, 1948.
- Хортиця, вип. 3*. Запоріжжя: Мотор Січ, 2006.

ЕВФЕМИСТИЧНАТА ФУНКЦИЯ НА ФРАЗЕОЛОГИЗМИТЕ В БЪЛГАРСКИ ЕЗИК

Мария Стоилова Жерева

(Софийски университет „Св. Климент Охридски“, ДЕО –
Szegedi Tudományegyetem, BTK, Szlav Filológiai Tanszék, mzhereva@hotmail.com)

Главният отличителен признак на евфемизмите е семантичната редукция, семантичната неопределеност и формалният характер на подобряване на денотата. Феноменът на евфемизация се формира в културата и генетично е свързан с друг феномен – табу или забрана на теми и думи, които трябва да се избягват.

Евфемизацията се осъществява по различни начини, но главната единица на езика за смекчаване на речта са устойчивите словосъчетания. Точно те са и болшинството закрепени в езика речеви евфемизми. Стремещт към максимална дистанция между сигнификата и денотата, свойствен на евфемизмите, ги сближава с традиционните фразеологизми, които създават такава дистанция по силата на своята образна природа. Семантичната неопределеност и дифузност на семантиката на евфемизмите се постига по различни начини. За фразеологизмите също е характерна определена семантична неопределеност. Но, от друга страна, основната функция на фразеологизмите е номинативна, емоционално-оценъчна, експресивна и културна. Фразеологизмът е носител на културна семантика, той участва в развитието на културата на един народ. Въпреки това, между евфемизмите и фразеологизмите има много сходни черти като идеоматичност, семантична неопределеност, устойчивост, възпроизводимост. Както евфемизмите, така и фразеологизмите принадлежат не само на езика, но и на културата, тяхното проявление е обусловено от изискванията на културата и в това си проявление евфемизмите изпълняват етикетна функция, а фразеологизмите пазят в своята културна семантика и реализират в езика различни културни смисли.

Някои езиковеди разглеждат евфемизмите като речева стратегия, т.е. като речево действие, насочено към достигане на определена комуникативна цел. Като изследват евфемията като езиково и речево явление, те отнасят евфемизмите към номинативните единици и към фигурите като ги приравняват с речевите действия (Падучева 1996: 225; Крысин 2004: 270; Стефанова 2007; Москвин 2010: 244, 259 и др.).

Областта на лингвистичната прагматика, в която като съставна част влиза теорията на речевите актове, обхваща изучаването на комуникативните и частнокомуникативните функции на езиковите единици в контекста

на съзнателното им използване от говорещите в речевата си дейност с цел реализация на комуникативните си задачи. Речевите актове са основните единици на вербалната комуникация.

За евфемизмите са характерни всички съставни части на речевите актове – **локуция**, когато говорещият придава на своето изказване локутивно значение, **илокуция**, т.е. интенционална насоченост на речевия акт и **перлокуция**, т.е. резултат от въздействието. Локутивната съставна част на евфемизма – това е комуникативно имплицираното значение, което съпътства изказването. Илокутивната съставна част на даден речев акт се състои в съзнателното създаване на смекчена замяна на думи и изрази, които по мнението на говорещия, са неприятни или груби за събеседника. Перлокутивната съставна част или резултатът от въздействието се състои в благоприятното въздействие на смекчената реч на събеседника, в ефекта на емоционално сближаване на събеседниците и успеха на комуникацията като цяло.

На евфемизма, като речев акт, е свойствена имплицитността, т.е. формалната неизразеност на прагматична информация, която се съдържа в него. Имплицитната информация, която носи евфемизма, отговаря на илокутивното значение, свързано с изказването. Като речев акт, евфемизмът по своята основна комуникативна функция е съпоставим с това, което З. Вендлер (1985: 247) нарича „речеви актове на етикетно поведение“ като към тях причислява похвалата, порицанието, благодаростта и др. По класификацията на Дж.Л. Остин (1986) за илокутавните функции евфемизмът е близък до бехабитивите – актове на социално поведение от типа на извинения, поздравя и др.

На речевия акт евфемизъм не съответства никакъв перформативен глагол. Глаголите евфемизирам и смекчавам не са перформативни. Но отсъствието на перформативен глагол не може да бъде аргумент при доказване съществуването на речев акт. Дж. Лийч (Leech 1974: 166) нарича това „илокутивно заблуждение“.

По своето перлокутивно значение евфемизмът като речев акт оказва благоприятно въздействие на слушащия, създава емоционално сближаване между събеседниците и осигурява успеха на комуникацията като цяло. Казано по друг начин, евфемизмът е комуникативно настройваща речева тактика. В речевия акт **евфемизъм** говорещият съзнателно нарушава яснотата на изразяването, тъй като по своето предназначение евфемизмът е предназначен да създаде нееднозначност, семантична неопределеност на изказването, за да избегне определена нетактичност и грубост.

Евфемизмът е особен феномен, при който връзката между информативното съдържание на речта и неговото вербализиране е възможно най-опосредствана.

Семантиката на евфемизма е семантика на имплицитните (т.е. словесно неизразени, но обективно съществуващи) смисли в езиковата структура на изказването. Тези невидими на пръв поглед смисли лесно се възприемат и осъзнават от слушащия. Главната информация, която говорещият предава с помощта на евфемизъм, също може да се нарече имплицитна. Например: *Въпреки че е блонетка, интелектуалният ѝ потенциал е като на блондинка*, т.е. 'тя има нисък интелектуален потенциал, тъй като по презумпция блондинката е глупава красавица'. Яснотата на израза е само формално нарушена, защото смисълът на изказването е ясен на слушащия, тъй като евфемизмът е преди всичко етикетен акт, призван да внесе максимум вежливост в речта. Декодирането на евфемизма се осъществява лесно, тъй като всеки носител на езика и културата има определени знания за отношенията в общуването в съответния социум и етичните норми на поведение като цяло. Евфемизмът смекчава формата за изразяване на смисъла, но не изменя имплицитно присъстващия смисъл.

Условието за искреност по терминологията на Н.Д. Арутюнова и Е.В. Падучева (1985) също не се нарушава. Речевият акт позволява да се изпълнят етикетните предписания на културата като приглушава, но не изменя дълбочинния смисъл. Перлокутивното значение на евфемизма е да се създаде благоприятно впечатление на събеседника с тактичност при избора на думи и изрази.

От казаното до тук следва изводът, че евфемизмите принадлежат към речевата дейност и трябва да се описват в прагматиката и по-специално в теорията на речевите актове като един от аспектите на речевата дейност.

Сходството между евфемизмите и фразеологизмите дава основание да се предполага наличието на евфемистична способност на всеки фразеологизъм.

Според класификацията на Л.П. Крысин (2004: 286) евфемизацията в културния социум обхваща четири основни теми – някои физиологически процеси и състояния, определени части на човешкото тяло, отношенията между двата пола, болести и смърт. Всички тези теми в началния период от историята на човечеството са имали забрана или табу на тяхното пряко назоваване. Тогава човекът е отъждествявал вещта и думата, вярвал е в магията на вещите и думите, осъзнавал е природната връзка между тях и най-древните евфемизми са изпълнявали ролята на табу. Забраната за пряко назоваване на Бог, духове, смъртта, болести и т.н. изисквала лексикални замени. Така, Бог е наричан *Той, Месията, Помазания, Синът Божий* и др. Дяволът е *Лукавият, Рогатият, Нечистата сила, Нечистият, Съблазнителят* и др. Смъртта е *Оная с косата*, а мъртвецът е *гушал букета, предал Богу дух, отишъл си, напуснал ни, ритнал камбаната, отървал се от мъките, преминал в отвъдното* и т.н.

Б.А. Ларин (1977: 109) разделя евфемизмите на стари и нови, като старите той нарича „преименуване по силата на забраната“ или „думи-табу“, а новите нарича евфемизми.

Ако изхождаме от това, че евфемизмът по своята същност е речев акт, то старите евфемизми, или евфемизмите-табу също са речеви актове, но тяхното съдържание е друго. Той е по-скоро заклинание, т.е. волева дума-действие. Магическата основа на табу е обусловена от съзнанието за забраната като действие, а съкровено словесно изражение – като начин, който позволява да се противостои на този свят, който за древния човек е бил опасен, таял е в себе си зло и е носел нещастие. В евфемизма-табу като речев акт, съставляващ основата на ритуалното словесно действие се е проявявала, от една страна, потребността на човека да се опази от всевъзможното зло, а от друга страна, в него се е проявявало поетическото творчество на народа. Магия и поезия са се съединили в едно общо езиково явление – непряк начин за назоваване на света.

Историята на думите свидетелства, че изрази, които са изпълнявали ролята на заклинания, са били цели словесни формули. Тях причисляваме към фразеологичния състав на езика: *Дай Боже, Не дай Боже, Здравей, Лека нощ, пепел ти на езика, по дяволите, помози Бог, на добър час* и др. По своята същност те представляват актове на заклинания. Тяхната устойчивост има не фразеологична, а ритуална природа. Старите формули за приветствие и сбогуване са загубили своя магически смисъл и са се превърнали в етикетни формули.

Маркери за смекчаване на израза обикновено рядко се използват. Това са думи и изрази като *как да се изразя, меко казано, образно казано, в някакъв смисъл* и др.

Можем да твърдим, че определящо при установяването на евфемистичната роля на фразеологизмите е съгласуването на фразеологизмите-евфемизми с други речеви актове, с интенцията на субекта на речта, а също и с културната семантика на самите фразеологизми.

Трябва да отбележа, че смекчаващата роля на фразеологизмите в речта практически не се маркира нито със специални думи, нито с определена интонация, нито чрез пауза, нито с многоточие или друго. Сигналите, които показват, че евфемизацията се е състояла трябва да се събират на части.

По мое мнение, неправилна е логиката отделният фразеологизъм да бъде причисляван към евфемизмите само на основата на неговата образност (т.е. на основата на непрекия начин на описване на ставащото) и по тематиката, която в миналото е била табу. Някои езиковеди предполагат, че „за да може една фразеологична единица да изпълнява евфемистична функция, тя трябва да бъде неутрално или положително оцветена. Тя трябва маскирано

да обозначава отрицателно оценявания от социума денотат“ (Сеничкина 2006: 34). Само „сред вулгаризмите няма евфемизми, тъй като това са думи и съчетаия от думи с ярко отрицателна оценка и употребявайки подобна дума или съчетание от думи, говорещият не смекчава, а огрубява своето изказване“ (пак там, 52).

Според мене, речевият акт евфемизъм може да се осъществи и с помощта на вулгаризъм, ако субектът на речта е носител на просторечие и иска да смекчи речта в съответствие със своите разбирания за степен на смекчаване, т.е. в съответствие с неговата културна скала. Или по думите на Э. Косериу (1989: 180): „Речевите актове съществуват не в езика, а в границите на съобществата (при това границите на съобществата могат да не съвпадат с границите на езиковите съобщества)“. Вулгаризмите, които са такива в очите на представителя на елитарната култура, за субекта на речта могат да са подходящ материал за смекчаване на още по-груби изрази. Нещо повече – повечето вулгарни и груби думи и изрази са бивши евфемизми, които в миналото са табуирани, а после в простонародната реч по своему са смекчавали описанието на такива сакрални теми като болест, смърт, сексуални отношения и др. Създадените някога за целите на табу или евфемизация на речта думи и изрази, отдавна са се превърнали в своята противоположност – дисфемизъм и се използват в такива речеви актове като оскърбление. Те са сменени с нови евфемизми, чиято задача е да смекчават тема, която от гледна точка на говорещия е деликатна. Бивши евфемизми, станали дисфемизми са, например *улична жена – жена с леко поведение, представителка на най-древната професия, магистрална труженичка, нощна переруда* и др. Изследователите причисляват такива деевфемизми (бивши евфемизми) към класа на евфемизмите само на основата на тяхната бивша функция (Кацев 1991; Павленко 1996). Може да се предположи, че бившите евфемизми в речта на носителя на просторечие могат да се разглеждат и като своеобразно промеждутъчно звено между грубите и неутралните думи, т.е. те продължават да изпълняват в известна степен функцията си на смекчаване на речта.

За да се определи фактът на състоялата се евфемизация, аз се опирам на две опорни точки – речевият акт и културната семантика на фразеологизма.

По правило, вулгарните, грубите фразеологизми се използват за изпълнение на противоположни цели – да се огруби речта. За доказателство служи фактът, че актът на грубостта е съпътстван с речев акт на оскърбление. В същото време вулгарните, грубите фразеологизми могат да изпълняват функцията на смекчаване на речта, ако те съпътстват речев акт, насочен към комуникативно сближаване. В различните социални среди съ-

ществуват различни представи за прилично и неприлично, за вулгарно и невулгарно.

Новият подход към изучаването на евфемизмите, който се предлага в тази статия, се заключава в това, да се вземе за основа речевият акт с неговото съдържание и като се изхожда от него, да се определи дали даден фразеологизъм се явява евфемизъм, даже и ако в ролята на евфемизъм е вулгарен или груб израз.

Ролята на евфемизъм могат да играят не само единици, принадлежащи към ядрото на фразеологизмите, но и пословици, поговорки, афоризми и др.

С помощта на пословиците и поговорките говорещият не само предава мисъл, която е пределно концентрирана, но и осъществява евфемизация, насочена към комуникативно сближаване, за да смекчи грубия израз, например: *Бог дал, Бог взел* се употребява при загуба на нещо ценно или при смърт. *Тегля чергата към себе си* – мисля за себе си.

Афоризмите също могат да играят ролята на евфемизми. Говорещият може да употреби афоризъм, за да смекчи изказването си и затова може да цитира мисъл, изказана навремето от философ, писател или друг известен човек: „*Мисленето е най-трудната работа и вероятно затова с него малко хора се занимават*“ (Х. Форд) – в ситуация, когато някой не полага никакви усилия да се справи със задачите си, „*Здраве е, когато всеки ден ни боли на различно място*“ (Ф. Раневская) – в разговор с постоянно оплакващ се от здравето си човек, „*Колкото по-малко обичаме една жена, толкова повече ѝ се харесваме*“ (А.С. Пушкин) – при обсъждане на противоречивата женска природа, *Надежда тука всяка оставете* (Данте Алигиери) – когато става дума за нещо невъзможно, *Парите не миришат* (Веспасиан) – при разговор за „мръсни“ пари, *Една лястовичка пролет не прави* – когато само единици се заемат с някаква кауза и т.н. Пословиците, поговорките, афоризмите, крилатите фрази са текстове, които са прецеденти в културата, в социалния живот и затова в съвременната наука се описват като прецедентни текстове. Изследователите на този феномен го разглеждат като „текст в текста“, като сложен вербален знак, който битува в речта като отделна част или цитат и се характеризира с голяма образност (Гудков 2004; Земская 2004 и др.).

От гледна точка на евфемизацията, за такива прецедентни текстове-евфемизми могат да се считат тези, които и в първоизточника са изпълнявали функцията на смекчители, т.е. били са окказионализми, създадени като евфемизми. При широко цитиране в ежедневната разговорна реч, те се превръщат от окказионни в речеви евфемизми, стават факти от речевата фразеология: *Не се гаси туй, що не гасне!* (И. Вазов), *О, свещена простота!* (Ян Хус), *О, времена, о, нрави!* (Цицерон), *Всичко тече, всичко се мени!* (Хераклит) и т.н.

В заключение трябва да се каже, че евфемизмите и фразеологизмите се сближават чрез такива общи признаци като идиоматичност, семантична неопределеност, устойчивост, възпроизводимост. Евфемизмите и фразеологизмите принадлежат не само на езика, но и на културата, самата им поява е обусловена от културни причини. Евфемизмите, като знаци на културата, изпълняват етикетна функция и са създадени в етичната система на дадения културен социум. Фразеологизмите пазят в своята културна семантика и пренасят в речта културни смисли и участват в културата на социума. По такъв начин езиковите и културните фактори са основание да се предположи евфемистична способност при всеки фразеологизъм.

Настоящото изследване показва, че евфемистичната функция на фразеологизмите не се основава само на тяхната семантична неопределеност, а и на дифузността на значението им, на асоциативната им размитост и оценъчна амбивалентност. Фразеологизмите могат да се използват за евфемизация на речта – едни се използват за смекчаване на изказа, а други, обратно, за огрубяването му. Изследването на фразеологизмите в системата на речевите актове, комуникативно-функционалното им описание от една страна и анализът на културната семантика на фразеологизмите от друга, са основа за установяване на евфемизацията с помощта на определен фразеологизъм.

За речев акт на смекчение може да се говори, когато ролята на фразеологизма е съгласувана с другите речеви актове, чието съдържание не противоречи на смекчаването и когато културният смисъл на фразеологизма смекчава, а не заостря описанието на деликатните теми.

Тематиката, която подлежи на табуиране, не определя евфемистичността на фразеологизма. Така, фразеологизми със значение ‘умирам’, ‘смърт’ могат да бъдат причислени към фразеологизмите-табу и имат съответната забележка в речниците „табу“, но тяхната евфемистична функция не им принадлежи изначално, а се формира в културата. Още повече, комуникативната роля на фразеологизма се създава в културата и ограничаването на употребата му във функцията на евфемизъм има културно обяснение. Като евфемизми могат да се употребяват не само единици на ядрото на фразеологизмите, но и пословици, поговорки, афоризми и други.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова, Н.Д. – Падучева, Е.В. 1985, Истоки, проблемы и категории прагматики. В: Падучева, Е.В. (общ. ред.), *Новое в зарубежной лингвистике, вып. 16: Лингвистическая прагматика*. Москва: Прогресс, 3–42.

- Вендлер, З. 1985, Иллокутивное самоубийство. В: Падучева, Е.В. (общ. ред.), *Новое в зарубежной лингвистике, вып. 16: Лингвистическая прагматика*. Москва: Прогресс, 238–250.
- Гудков, Д.Б. 2004, Прецедентные тексты. В: Брилева, И.С. – Вольская, Н.П. – Гудков, Д.Б. – Захаренко, И.В. – Красных, В.В. (ред.), *Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь*. Москва: Гнозис, 28–38.
- Земская, Е.А. 2004, Язык газет. В: Земская, Е.А., *Язык как деятельность: Морфема. Слово. Речь*. Москва: Языки славянской культуры, 546–564.
- Кацев, А.М. 1991, Эвфемизмы и просторечие: Семантический аспект. В: Зуева, Е.В. (ред.), *Актуальные проблемы семасиологии: межвузовский сборник научных трудов*. Ленинград: РГПУ, 75–83.
- Косериу, Э. 1989, Контрастивная лингвистика и перевод: их соотношение. В: Нерознак, В.П. – Гак, В.Г. (сост.), *Новое в зарубежной лингвистике, вып. 25: Контрастивная лингвистика*. Москва: Прогресс, 63–81.
- Крысин, Л.П. 2004, Эвфемизмы в современной русской речи. В: Крысин, Л.П., *Русское слово, свое и чужое*. Москва: Языки славянской культуры, 262–286.
- Ларин, Б.А. 1977, Об эвфемизмах. В: Ларин, Б.А., *История русского языка и общее языкознание: Избранные работы*. Москва: Просвещение, 100–111.
- Москвин, В.П. 2010, *Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка*. Москва: URSS, изд. 4-е.
- Остин, Дж.Л. 1986, Слово как действие. В: Городецкий, Б.Ю. (ред.), *Новое в зарубежной лингвистике, вып. 17: Теория речевых актов*. Москва: Прогресс, 22–129.
- Павленко, Т.Л. 1996, Мягко говоря... *Русская речь* № 5, 49–54.
- Падучева, Е.В. 1996, Семантика нарратива. В: Падучева, Е.В., *Семантические исследования*. Москва: Языки русской культуры, 193–418.
- Сеничкина, Е.П. 2006, *Эвфемизмы русского языка: Спецкурс. Учебное пособие*. Москва: Высшая школа.
- Стефанова, М. 2007, Български метаинформационни структури за евфемистично предаване на информация. В: *Филологически и методически изследвания: Доклади от международната научна конференция посветена на 100-годишнината от рождението на доц. Стойко Кабанов*. Смолян–Люблин, 234–240.
- Leech, G. 1974, *Semantics*. Harmondsworth: Penguin.

JĘZYK WYWIADÓW PRASOWYCH, RADIOWYCH I TELEWIZYJNYCH JAKO PRZYKŁAD UPOTOCZNIEŃ DYSKURSU DZIENNIKARSKIEGO

Natalia Kmieć

(Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie,
Instytut Dziennikarstwa i Komunikacji Społecznej, natalia_kmiec@wp.pl)

1. Wstęp

Daleko idące zmiany w oficjalnych sytuacjach komunikacyjnych (w szczególności w komunikacji publicznej), które na przestrzeni ostatnich lat zachodzą zarówno pod względem formy, jak i pod względem zawartości informacyjnej tekstów, można zaobserwować i przedstawić na przykładzie dyskursów medialnych. Obszerna literatura przedmiotu na temat języka wypowiedzi dziennikarskiej zawiera wiele informacji, która bezpośrednio wskazuje na przeobrażenia tej odmiany języka w odniesieniu do różnych gatunków i sposobów prezentacji wypowiedzi (por.: Wojtak 2007; Podracki 2012). Niniejszy artykuł stanowi próbę interpretacji spostrzeżeń, a mianowicie porównania materiałów prasowych, radiowych i telewizyjnych, reprezentujących jeden gatunek dziennikarstwa, jakim jest wywiad. Artykuł ponadto ma ukazać zasadnicze podobieństwa i różnice wynikające ze sposobu organizacji i prezentacji tekstu przez różne media w warunkach presji stylu potocznego, a w szczególności form językowych, które wskazują na familiarność.

Z uwagi na wielość definicji, które odnoszą się do stylu potocznego (odmiany potocznej języka narodowego) oraz nadal skomplikowany status potoczności jako kategorii semantycznej i stylistycznej (Markowski 1992), na potrzeby artykułu przyjmuję definicję D. Buttler (1977: 91):

[Styl potoczny obejmuje] „sferę kontaktów codziennych, ale stosunkowo mniej związanych z określonymi potrzebami bytowymi [...]; dostarcza on mianowicie środków ekspresji, słownictwa o małej frekwencji, ale bardzo wyrazistego i obfitego. Bywa ono używane w sytuacjach nieformalnych (np. w rozmowach z członkami rodziny, z przyjaciółmi), gdy mówiący chce zasygnalizować swój familiarny stosunek do adresata wypowiedzi, podtrzymać swobodny, nie skrepowany nastrój”.

Ta definicja (podobnie jak inne) wskazuje na takie cechy stylu potocznego, jak konkretność,¹ obrazowość, ekspresywność, nieoficjalność i familiarność,²

¹ Konkretność realizowana m. in. na poziomie leksyki (por. Pisarek 2001: 236).

² Por.: „Jedną z metod zmniejszania dystansu, chyba najbardziej spektakularną, jest nadzwyczaj chętnie i łatwe rozpoczynanie znajomości od razu od „tykania się”, i to

prostota składni, większa tolerancja na błędy językowe i in. Przedstawiona poniżej analiza tekstów z obszaru dyskursu medialnego będzie swoistego rodzaju potwierdzeniem ich powszechnego funkcjonowania w stylu dziennikarskim.

2. Zmiany w języku a wywiad

Każdy gatunek wypowiedzi dziennikarskiej posiada przypisane mu właściwości, które stają się jego wyznacznikami. Rozróżnienie gatunków tekstów w zakresie komunikacji masowej, określanych łącznie mianem stylu dziennikarskiego, odbywa się bowiem na płaszczyźnie nie tylko treści, ale także stosowanego języka. Już za pomocą określonych jednostek językowych (leksemów i in.), a właściwie ich doboru, autorzy tekstów mają możliwość określić przynależność tworzonego przez nich tekstu do odpowiedniego gatunku. Rozważmy fragmenty tekstów prasowych:

Odkąd skończyłem 21 lat, zmieniło się w moim życiu wszystko i w sumie nadal się zmienia, z wyjątkiem jednego. Cholerne go cyklu tycia i chudnięcia (Meller, M., Góra-dół, góra-dół. *Newsweek* № 28, 2012).

Stopa bezrobocia w marcu wynosiła 13,3 proc. i była o 0,2 pkt proc. niższa niż w lutym. (Krzemień, E., Co się dzieje. *Gazeta Wyborcza*, 26 kwietnia 2012).

We wskazanych fragmentach czytelnik może wskazać elementy, dzięki którym można umieścić wypowiedź w ramach konkretnego gatunku tekstu. W pierwszym fragmencie kolokwializm *cholerny* niejako automatycznie przypisuje tekst do grupy wypowiedzi o charakterze publicystycznym, z kolei szczegółowe dane liczbowe, obecne w drugim fragmencie, mogą być oznaką przynależności do grupy tekstów informacyjnych stylu dziennikarskiego. Mimo tak powierzchownej i ogólnej analizy należy uznać zasadność doszukiwania się korelacji pomiędzy typem tekstu a jego językiem.

Język, rozumiany dość szeroko – jako system znaków, jest zatem w przestrzeni komunikacji językowej w mediach uznawany przede wszystkim za narzędzie służące do przekazywania informacji, a także za element umożliwiający tworzenie, kreowanie komunikatów w sposób charakterystyczny dla danego medium, gatunku i in., a mianowicie w szczególności wyrazisty, perswazyjny.

Jednym z gatunków tekstów stylu dziennikarskiego jest wywiad. To forma organizacji wypowiedzi, która praktykowana jest od wielu lat przez media o zróżnicowanym charakterze, profilu etc., co oznacza, że jest to gatunek uniwersalny.

[Wywiad] „to podstawowa metoda zdobywania informacji od osobowych jej źródeł przez dziennikarza (również przez etnologów, historyków, śledczych, lekarzy

niezależnie od wieku rozmówców i często także bez zwracania uwagi na oficjalność sytuacji” (Dąbrowska 2001: 187).

itd.) polegająca na zadawaniu pytań i uzyskiwaniu na nie odpowiedzi. [...] Zarejestrowany w formie pisanej, audiowizualnej oraz przygotowywany przez odpowiednie redagowanie, do publikacji w całości szereg pytań i odpowiedzi staje się odrębnym gatunkiem dziennikarskim” (Pisarek 2006: 236–237).

Specyfika wywiadu, z perspektywy zarówno twórcy, jak i odbiorcy komunikatu, polega przede wszystkim na takich cechach, jak: nastawienie na rozmówcę, założenie uzyskania/nawiązania interakcji poprzez wykorzystanie formuły dialogu jako sposobu komunikowania, wymiana poglądów, spostrzeżeń pomiędzy rozmówcami, uzyskanie informacji istotnej z punktu widzenia odbiorców wywiadu (w istocie chodzi tu o odbiorcę masowego), możliwość przekazania komunikatu werbalnego wzbogaconego o instrumenty komunikacji niewerbalnej (zwłaszcza w przypadku wywiadów audiowizualnych). Ze względu na wspomnianą już uniwersalność gatunku, jakim jest wywiad, należy wskazać na zróżnicowanie tej formy wypowiedzi z uwagi na medium, w którym funkcjonuje.

Odrębność i zróżnicowanie wywiadów w prasie, radiu i telewizji nie stanowi głównego zagadnienia tego artykułu, jednak z uwagi na późniejszą analizę tekstów dziennikarskich należy wskazać na najistotniejsze charakterystyki różnych realizacji wywiadu.

Wywiad prasowy reprezentuje medium posługujące się pismem, wzbogaconym jedynie o elementy wizualizacji tekstu (np. zdjęcia). Jest to zatem gatunek, którego efektem jest zapis rozmowy dziennikarza i jego rozmówcy, przeniesiony w finalnym etapie na papier. Nie można jednak powiedzieć, że jest to dosłowny zapis dialogu. Istnieją w komunikacji językowej tzw. elementy pozajęzykowe, które nie mogą być uwidocznione w formie tekstu pisanego, co składa się na specyfikę tego właśnie gatunku. Dodatkowo z uwagi na rozpowszechnianie tekstu w formie pisanej, gatunki prasowe (nie tylko wywiad) podlegają wymogom formalnym (m. in. autoryzacji przez rozmówcę) oraz poprawnościowym, co ogranicza znacznie dowolność oraz swobodę autora tekstu, a wręcz obligują go do ich przestrzegania. Stąd też istnieje powszechne przekonanie o staranności, precyzji i dokładności w konstruowaniu, przygotowaniu komunikatu prasowego, które *notabene* opiera się na wieloletniej tradycji prasy i randze tego właśnie medium.

To, co wyróżnia wywiad radiowy, to z pewnością jego dynamika. Radio, które posługuje się nie tylko słowem mówionym, ale także falami akustycznymi, dźwiękiem muzycznym oraz ciszą, nie toleruje oczekiwania, przerw w komunikacji. W związku z tym, dla wyeliminowania próżni dźwiękowej, oczekuje się, że wywiad będzie co do zasady przybierał postać: szybkie pytanie – szybka odpowiedź. Co więcej, zgodnie z zasadą *W radiu głos mówi tyle samo co słowa* (zob.: Grobler 2006: 49), zawartość przekazu powinna zostać wzbogacona o element komunikacji niewerbalnej, której nie da się zaprezentować wyłącznie za pomocą głosu i jego właściwości (Bardijewska 2001: 136). Język wywiadów ra-

diowych przybiera formę naturalnej rozmowy, spontanicznego dialogu, jednak należy pamiętać, że z wyjątkiem wywiadów na żywo, taka forma prezentowania tekstu podlega montażowi, obróbce technicznej, która redukuje niedoskonałości wypowiedzi rozmówców lub niekiedy pozwala usuwać mniej istotne fragmenty wypowiedzi. Mimo pozornego uczestnictwa w danym momencie w rozmowie przez odbiorcę, nie należy przyjmować za oczywiste pełnej autentyczności i rzeczowego odzwierciedlenia konkretnego dialogu w skali 1 : 1.

Wywiad telewizyjny, ale także inne gatunki telewizyjne korzystają z największej ilości przymiotów przekazu informacji. Oprócz słowa, w postaci mówionej i pisanej, dysponuje się w tym medium także obrazem i dźwiękiem w ich różnych formach. Język wywiadów telewizyjnych może zatem być wzbogacony o elementy komunikacji niewerbalnej, które zostaną bezpośrednio odebrane i odkodowane przez naocznych świadków tego typu komunikatów, czyli widzów. Nie umniejszając roli wywiadam odtwarzanym, niezwykle osobliwym przypadkiem jest forma wywiadu prowadzonego na żywo, gdzie dialog pomiędzy rozmówcami przyjmuje formę najbardziej naturalną, odpowiadającą codziennej komunikacji językowej. Można zatem spostrzec, że analiza wywiadu telewizyjnego może odbywać się niejako na dwóch płaszczyznach – werbalnej, *stricte* informacyjnej (która będzie dotyczyła treści komunikatu) oraz niewerbalnej (w znacznej mierze polegającej na obserwacji elementów pozajęzykowych).

Podsumowując, warto zauważyć, iż sztuka prowadzenia wywiadu, a także jego zawartość informacyjna z uwagi nie tylko na zasób treści, ale także język (pisany, mówiony) oraz elementy komunikacji niewerbalnej stanowi osobliwe, szczególne źródło wiedzy na temat tego wybranego gatunku tekstu w przestrzeni komunikacji językowej w ogóle.

3. Charakterystyka języka wywiadów (wyniki badań własnych)

Teksty dziennikarskie docierają do odbiorcy masowego. Pojęcie *odbiorca masowy* sprowadza się, najogólniej ujmując, do odbiorcy zróżnicowanego ze względu na wiele czynników społecznych i psychologicznych – z tego względu komunikaty masowe muszą być tak skonstruowane, aby mogły być odczytane zarówno przez osoby wykształcone, jak i niewykształcone, zarówno przez osoby o wysokim, jak i osoby o niskim poziomie inteligencji, zarówno przez tzw. wymagających odbiorców, jak i tych niewymagających etc. Zjawisko dopasowania się mediów, a właściwie dopasowania zawartości informacyjnej do odbiorców, dotyczy w znacznym stopniu sfery komunikacji językowej. Oznacza to, że język wypowiedzi dziennikarskiej nie może, a raczej nie powinien być utożsamiany z wybraną grupą społeczną (oczywiście normom takim nie będą podlegały teksty

dziennikarstwa specjalistycznego), a swoimi właściwościami powinien zachęcać do percepcji jak najszerze grono odbiorców.³

Potrzeba umożliwienia dostępu do swoich tekstów jak największej liczbie odbiorców przyniosła za sobą konkretne zmiany w przestrzeni komunikacji językowej. Wśród wielu przeobrażeń języka, z jakimi mamy do czynienia na tym polu badawczym, wskazać można jako główne: interakcyjność, familiarność, dyferencjację, kolokwializację oraz upotocznienie dyskursu dziennikarskiego.

O ile interakcyjność czyli ekspansja dialogowości tekstu, nastawienie na interakcję w komunikacji masowej, oraz familiarność przejawiająca się poprzez skracanie dystansu pomiędzy instytucjonalnym nadawcą a indywidualnym odbiorcą – są wynikiem zmian w szerszej perspektywie funkcjonowania mediów, o tyle pozostałe zjawiska dotyczą przeobrażeń *stricte* językowych.

Przykłady takich zmian w języku można zaobserwować, analizując teksty dziennikarskie o charakterze właśnie interakcyjnym, który poniekąd wzmacnia, nasila obecność cech różnych stylów funkcjonalnych, w swej istocie nie korespondujących bezpośrednio z komunikatami o charakterze publicznym, masowym.

Analiza nawet niewielkiej ilości materiału tekstowego pozwala wy prowadzić dość klarowne wnioski na temat stanu przeobrażeń aktualnego języka wypowiedzi dziennikarskiej, bowiem zawiera mocne dowody na istnienie takich właśnie zmian w komunikacji językowej na poziomie masowym. Na potrzeby artykułu przeanalizowane zostały teksty, reprezentujące interakcyjny gatunek dziennikarstwa, jakim jest wywiad. Wyselekcjonowane teksty zostały wybrane w taki sposób, aby były zbliżone względem siebie tematyką, objętością, a także aby reprezentowały media ogólnopolskie, przedstawiające zróżnicowane organizacje medialne i pracujących w nich dziennikarzy. Sprawdzeniu poddane zostały wypowiedzi dziennikarzy oraz ich rozmówców, które ukazały się w prasie, radiu i telewizji. Dzięki przeanalizowaniu transkrypcji poszczególnych wywiadów powstało zestawienie ilościowe, które ukazuje stopień nasilenia w poszczególnych komunikatach masowych elementów o charakterze potocznym oraz kolokwialnym. Wyniki przeprowadzonych badań przedstawia poniższa tabela.

³ Jest to poniekąd przyczyna do tworzenia tekstów według określonych schematów. Współczesna stylistyka tekstologiczna określiła nawet kanon językowo-stylistycznych elementów, które mają ułatwić percepcję odbiorcy tekstu oraz zwiększyć jego potencjalną grupę odbiorców. Por. siedem kanonów stylu komunikatywnego – jasność, prostota, zwięzłość, dynamiczność, konkretność, konstrukcyjność i stosowność (Wolański 2008).

Źródło: materiały własne

Typ wywiadu	Symbol wywiadu	Potoczny			Kolokwializmy/ wulgaryzmy	Familiarność	Inne środki językowe
		Leksykalne	Składniowe	Fonetyczne			
Wywiad prasowy	1 ⁴	22	9	0	5	8	11
	2 ⁵	24	3	0	0	5	6
Wywiad radiowy	3 ⁶	12	15	7	2	3	6
	4 ⁷	26	12	7	2	7	8
Wywiad telewizyjny	5 ⁸	26	26	12	1	6	9
	6 ⁹	19	16	3	1	3	6

Choć metoda ilościowa nie jest idealnym sposobem ukazania problemów z zakresu językoznawstwa, to powyższe zestawienie jest o tyle ważne, że pokazuje skalę i rozmiar badanego zjawiska w postaci liczbowej. Dzięki tabelarycznemu układowi możemy porównać stopień udziału elementów językowych o charakterze potocznym czy kolokwialnym w różnych formach przekazu (rozdzielonych na podstawie kryterium, jakim jest środek komunikowania masowego).

Dogłębna analiza zebranego materiału badawczego pozwoliła wysunąć następujące wnioski. Wśród licznych zmian zaobserwowanych w dzisiejszym języku przekazów medialnych dominuje stosowanie elementów stylu potocznego. Na potrzeby badań własnych wyszczególniono trzy grupy potoczności – elementów odmiany potocznej języka, które kolejno odnoszą się do sfery słownictwa (potoczność leksykalna), sfery budowy wypowiedzi (potoczność składniowa) oraz, w odniesieniu do treści wywiadów audiowizualnych, sfery samej artykulacji wypowiedzi (potoczność fonetyczna).

Mając na uwadze dotychczasowe wyniki badań językoznawców w zakresie oddziaływania odmiany potocznej na ogólną polszczyznę, należy stwierdzić, iż jest to problem dość obszernie opisywany w literaturze (m. in. w pracach J. Anusiewicza i F. Nieckuli (1992), J. Warchali (1991, 2003), W. Lubasia (2003) i in.), jednak przede wszystkim są to opracowania na temat korelacji pomiędzy oficjalną polszczyzną a stylem potocznym w perspektywie szerokiej, dość ogólnej. Jest to jednak na tyle wartościowy materiał, że stanowi wstęp do rozważań na temat bardziej szczegółowego związku pomiędzy oficjalnym dyskursem wystą-

⁴ Najsztub, P. – Stasiuk, A., Niech się święci czarny baran! *Wprost* № 17, 26.04.2011.

⁵ Stankiewicz, A. – Śmiłowicz, P. – Kaczyński, J., Chcę być premierem. *Newsweek* № 40, 3.10.2010.

⁶ Piasecki, K. – Schetyńska, G., Kontrwywiad. *RMF FM*, 17.12.2010.

⁷ Burzyńska, A. – Kurski, J., Przesłuchanie. *RMF FM*, 13.11.2010.

⁸ Lis, T. – Palikot, J., Tomasz Lis na żywo. *TVP2*, 13.12.2010.

⁹ Lichočka, J. – Pawlak, W., Z refleksją. *TVPI*, 11.05.2010.

pień publicznych w mediach a stylem potocznym w postaci trzech grup jego składników.

Grupa potocyzmów leksykalnych jest stosunkowo podobnie reprezentowana w różnych typach wywiadów. Jednak o ile w przypadku wywiadów prasowych występuje ona w postaci elementu dominującego, o tyle w wywiadach audiowizualnych zależność między tym elementem a pozostałymi zmiennymi nie jest aż tak widoczna. Leksyka potoczna zrealizowana została w wybranych materiałach poprzez użycie takich jednostek językowych, które stoją w opozycji do tzw. oficjalnej odmiany języka, por. *taki psikus; dostał po głowie; to takie wygłupy; byłem w potwornym szoku; taki prostaczek z niego; na serio; słabo to wygląda; a diabli wiedzą* i in. Zastosowanie w języku przekazów publicznych jednostek o negatywnym zabarwieniu emocjonalnym najprawdopodobniej służyć ma wprowadzeniu swobody i naturalności. Upotocznienie leksyki realizuje się także za pomocą wzrostu liczby stosowanych zaimków wskazujących, odsyłających do bezpośrednio obserwowanej sytuacji komunikacyjnej. W pewnym stopniu zubożają one cały przekaz, który okazuje się niejako niedostępny dla odbiorców „na zewnątrz” tej sytuacji komunikacyjnej.

Badanie pokazało także nadmierne stosowanie przez rozmówców partykuł, np. takich jak *tak, no, nie, oby*.

Ponadto zwraca na siebie uwagę używanie regionalizmów, jak również form pochodzących z żargonów, gwar etc., które wprost wskazują na zabarwienie potoczne dyskursu publicznego – pewną niedbałość językową wypowiedzi. Są też obecne błędy językowe, które wynikają z braku precyzji wypowiedzi, niewystarczającej staranności mówiącego.

Jako odrębne zagadnienie można traktować operowanie w przestrzeni komunikacji publicznej jednostkami leksykalnymi, jakimi są kolokwializmy oraz wulgaryzmy, które także potwierdzają tezę o upotocznieniu tej sfery komunikacji językowej. Kolokwializmy i wulgaryzmy pojawiają się sporadycznie w przywołanym materiale badawczym i stanowią niski odsetek, jednak mimo to ich użycie jest zauważalne oraz, o czym świadczy ich specyfika, dosadne – chodzi o wyrazy typu *cholerny, dymać, rozpieprzyły, rozdupczyły* i in. Te jednostki językowe w wywiadach, szczególnie prasowych, pełnią określoną rolę – wzmacniają przekaz. Jest to związane z brakiem możliwości przekazania negatywnych emocji za pomocą kodu niewerbalnego, dlatego też jednostki leksykalne w postaci kolokwializmów stają się sposobem ich wyrazu.

Wśród grupy potocyzmów składniowych, która pod względem ilościowym jest drugim wyznacznikiem zmian, jakie zachodzą w dzisiejszych dyskursach medialnych, można zauważyć widoczne zróżnicowanie pomiędzy wywiadami prasowymi a audiowizualnymi. Przeobrażenia w zakresie składni w znacznej mierze dotyczą wypowiedzi ustnych z uwagi na specyfikę tego rodzaju komunikacji językowej, która charakteryzuje się pewnego rodzaju dowolnością,

brakiem dbałości w konstruowaniu tekstu. Sytuacja wygląda inaczej w przypadku tekstów prasowych. Co jednak istotne – nawet teksty drukowane zawierają odstępstwa od poprawnej składni wypowiedzi, choć są to marginalne przypadki, głównie realizujące się w formie niedokończonej konstrukcji zdaniowej, bądź niepoprawnego szyku zdania. Inaczej sytuacja przedstawia się w wywiadach radiowych i telewizyjnych, gdzie ustny charakter komunikacji językowej niejako wzmacnia występowanie potocyzmów składniowych, które z reguły są wynikiem błędów o takim właśnie charakterze. Najczęściej zauważalne stają się wypowiedzi o zaburzonym szyku zdania (por. *To był błąd prezydenta to zaproszenie; Możliwość wyboru tego na serio; Tylko trzeba wybrać taką jedną firmę sondażową, może w przetargu, żeby ona się zdecydowała*), a także będące wynikiem tzw. potoku składniowego mówcy. Częstym zabiegiem językowym jest pozostawienie rozpoczętej wypowiedzi niedokończoną (por. *I takie tam...; Ja pamiętam, więc...; No wie Pani...*), co zaburza ogólną percepcję tekstu.

Grupa potocyzmów fonetycznych nie wymaga szczegółowego omówienia, gdyż jej występowanie wydaje się być naturalne dla przekazów o charakterze mówionym. Oczywisty jest brak tego rodzaju zabiegów językowych w wywiadach prasowych. Wywiady audiowizualne, szczególnie w postaci rozmów prowadzonych na żywo, obfitują w błędy fonetyczne, które to odzwierciedlają naturalne zachowania językowe rozmówców, którzy spontanicznie tworzą swoje komunikaty, stąd też obecność takich jednostek fonetycznych, jak *yyy, yhy, hmm* i in.

Liczną grupę jednostek językowych stanowią także inne środki stylistyczne, które wzbogacają wypowiedzi zaprezentowanych i poddanych analizie komunikatów językowych. To elementy językowe, z których często korzystają uczestnicy – rozmówcy wywiadów prasowych. Dzięki środkom stylizacji tekstu są w stanie uwypuklić swoje wypowiedzi, zobrazować, zastąpić brak możliwości korzystania z elementów komunikacji niewerbalnej w tak prezentowanym gatunku tekstu. Dlatego też w zebranych materiale badawczym wykazać można obecność m.in. związków frazeologicznych – często w błędnej formie, odbiegającej od prawidłowego użycia (np. *komuś gębę, to jest jak na dłoni* i in.); zdrobnień (np. *prostaczek, troszkę*); neologizmów (np. *arcyskandal*); wyrażen hiperbolicznych (np. *z wielką przyjemnością*), wykrzyknień (np. *Brawo!*) oraz uogólnień, metafor, powtórzeń i in.

Przeobrażenia dyskursu dziennikarskiego ściśle powiązane są z relacjami pomiędzy rozmówcami, czyli dziennikarzem i jego gościem. Co do zasady, stosunki pomiędzy rozmówcami w komunikacji typowo publicznej – jakimi są wywiady prezentowane w mediach – opierają się na zasadach oficjalnych kontaktów o statusie wysoce formalnym. Dzisiejsze wywiady, a w szczególności ich język, negują te zasady w celu uspołecznienia swoich przekazów. Służy temu zjawisko familiarności, które – w uproszczeniu – polega na skracaniu dystansu pomiędzy

nadawcą i odbiorcą mającym odmienny status w przestrzeni komunikacyjnej. W poddanym analizie materiale możemy wyróżnić także fragmenty, które potwierdzają tezę o familiaryzowaniu się kontaktów językowych dwóch podmiotów komunikacji publicznej. Por. takie zwroty do rozmówcy, jak: *Cieszysz się?* (brak zwrotu oficjalnego *Pan/Pani* w kierunku rozmówcy), *A samego Ludwika?* – chodzi o Ludwika Dorna, znanego polskiego polityka. Takie zachowania językowe, coraz częściej dostrzegalne przez badaczy komunikacji medialnej oraz lingwistów, wymagają poświęcenia większej uwagi, gdyż w widoczny sposób redukują, obniżają rangę kontaktów oficjalnych w sytuacjach językowej komunikacji dla nich przeznaczonych.

Przeprowadzona analiza pozwoliła ukazać istniejące relacje pomiędzy stanem komunikacji językowej a wybranym gatunkiem dziennikarstwa. Nieodwracalne chyba już upotocznienie dyskursu w mediach realizuje się na wielu płaszczyznach języka. Poszczególne formy stosowania odmiennych stylów polszczyzny w przekazach skierowanych do odbiorcy masowego są dowodem na postępujący proces dyferencjacji języka. Oczywiście nie należy zapominać o korzyściach, jakie wynikają z pluralizacji języka wypowiedzi dziennikarskiej (m. in. docieranie do coraz większego, wyspecjalizowanego audytorium), jednak upotocznienie oraz wzrost familiarności tekstów o charakterze publicznym niesie także zagrożenia. Postępujące przeobrażenia tego obszaru komunikacji językowej mogą być przyczyną obniżenia poziomu dyskursu publicznego i roli mediów w ogóle.

LITERATURA

- Anusiewicz, J. – Nieckula, F. (red.), *Potoczność w języku i kulturze*. Wrocław: Wydawnictwo Wiedza o Kulturze, 55–59. (= Język a kultura, t. 5.)
- Bardijewska, S. 2001, *Nagie słowo: Rzecz o słuchowisku*. Warszawa: Elipsa.
- Buttler, D. 1977, Polskie słownictwo potoczne. *Poradnik Językowy*, z. 2. Warszawa, 89–98.
- Dąbrowska, A. 2001, O sposobach zmniejszania dystansu między rozmówcami. W: Habrajska, G. (red.), *Język w komunikacji, t. 1*. Łódź: Wydawnictwo Wyższej Szkoły Humanistyczno-Ekonomicznej.
- Grobler, L. 2006, *Sztuka wywiadu: Lekcje mistrza*. Warszawa: Wydawnictwo Wojciech Marzec.
- Lubaś, W. 2003, *Polskie gadanie: Podstawowe cechy i funkcje potocznej odmiany polszczyzny*. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego.
- Markowski, A. 1992, Kategoria potoczności w języku i w opisie języka. W: Anusiewicz, J. – Nieckula, F. (red.), *Potoczność w języku i kulturze*. Wrocław: Wydawnictwo Wiedza o Kulturze, 55–59. (= Język a kultura, t. 5.)
- Pisarek, W. 2001, *Nowa retoryka dziennikarska*. Kraków: Universitas.
- Pisarek, W. (red.) 2006, *Słownik terminologii medialnej*. Kraków: Universitas.

- Podracki, J. 2012, Potoczne elementy językowe w polszczyźnie radia i telewizji. W: Kita, M. – Loewe, I. (red.), *Język w mediach: Antologia*. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 178–186.
- Warchał, J. 1991, *Dialog potoczny a tekst*. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego.
- Warchał, J. 2003, *Kategoria potoczności w języku*. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego.
- Wojtak, M. 2007, Potoczność w wypowiedziach prasowych a konwencje gatunkowe. W: Boniecka, B. – Grabias, S. (red.), *Potoczność a zachowania językowe Polaków*. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 131–145.
- Wolański, A. 2008, Siedem kanonów stylu komunikatywnego, czyli jak pisać, by nas czytano chętnie i powszechnie. W: Wierzbicka, E. – Wolański, A. – Zdunkiewicz-Jedynak, D. (red. nauk.), *Podstawy stylistyki i retoryki*. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 7–38.

К ВОПРОСУ О ВНУТРЕННЕМ И ВНЕШНЕМ ЗНАЧЕНИИ ГЛАГОЛОВ СОВЕРШЕННОГО ВИДА

Йожеф Крекич

(Krékits József, H–6800 Hódmezővásárhely, Szivárvány u. 25.)

1. Онтологические основы поведения славянских глаголов обнаружены известными славянскими лингвистами. Представители самого распространенного направления сосредоточивают свое внимание на **достижении правой границы действия**, считая ее общим значением формы совершенного вида. Эта точка зрения стала известной в формулировке В.В. Виноградова (1947: 489): «Основная функция совершенного вида [...] сосредоточение внимания на одном из моментов процесса как его **предела**» (выделено нами – *Й. К.*). Обращая наше внимание на правую границу действия, Виноградов не отрицает в значении глаголов СВ целостного проявления действия. Категория целостности совмещает в себе на уровне «особенного» («определенно-общего») все **временно-предельные**, **количественно-предельные** и **качественно-предельные** значения, в зависимости от того, какого предела достигают перфективы: временного, количественного и качественного.

Вся их предыстория объясняется обращением славянских лингвистов к книге Аристотеля под названием *Метафизика*, в которой он различает следующие категории: субстанцию, время, количество, качество, пространство, ситуацию, действие, состояние, претерпевание изменения и отношение (Aristoteles 1936: 290). Речь идет о количественном изменении, о росте, когда возрастает, увеличивается аспектуальный актанта, речь идет о количественном уменьшении или сокращении, когда уменьшается, сокращается количественное состояние субстанциального элемента ситуации, а что касается места ситуации, речь идет о сдвиге, о смещении субстанциального элемента ситуации (там же, 352).

Аристотель из всех своих категорий отдает предпочтение субстанции. Остальные категории имеют смысл, если их можно связывать с субстанцией, которая представляет собой «один реальный и конкретный предмет» (там же, 18).

Чтобы значение глагола надлежащим образом отвечало действительности, мы не имеем права отвлекаться от изучения субстанциальных явлений ситуации (от предметов, от лиц), потому что «предметы составляют – пишет Виттгенштейн – субстанцию мира» (Wittgenstein 1989: 13), следовательно, вскрытие значения глагола немыслимо без изучения предметов, лиц, которые являются участниками (Mitspieler) глагольной ситуации.

2. Аспектологи до сих пор не различали (не разделяли) внутренние значения от внешних, не устанавливали различия между длительностью (протяженностью) и процессом (или процессообразными действиями).

2.1. Чтобы теорию Бергсона (Bergson 1923) привести в соответствие с действительностью, мы предполагаем придать ей противоположную интерпретацию, без которой мы считаем немыслимым разграничение или различение двух основных значений введенного им научного термина *длительность*₁ и *длительность*₂ (по-иному: протяженность₁ – протяженность₂ или *durée*₁ – *durée*₂).

2.2. Бергсон слову *длительность* придает два противоположных значения: одно гетерогенное и одно гомогенное значение (там же, 193). Гетерогенное значение он считает «чистым» и настоящим значением, которое мы считаем нечистым, ненастоящим значением, т.е. процессом или процессообразным значением. Чистая длительность всегда гомогенная, характеризующаяся нами только чистым временем. Длительность – это временная категория, несет в себе чистое временное значение. Я полностью согласен с А.Г. Зарубиным (2012: 1), который заявляет, что «временность всегда „наша” и „в нас”», что она вне нас не существует, что она в нашем сознании. Длительность свободна от смешения значений, свободна от всяких дополнительных элементов значения (Крекич 1989).

3. В прошлом году мы рассмотрели длительное и процессуальное значения имперфективных глаголов (Крекич 2012). В этом году мы поставили себе цель внимательно рассмотреть в этом же смысле глаголы совершенного вида: хотим провести различие между значениями длительнообразных и процессообразных ситуаций.

Прежде чем приступить к изложению этого вопроса, нам предстоит выяснить, что подразумевается под денотатом глагола. Р.М. Гайсина (1982: 60) денотатом глаголов считает ситуацию, которая состоит из несубстанциальных и субстанциальных элементов. Несубстанциальные элементы ситуации – это процесс, факт или событие (т.е. время и действие); субстанциальные элементы – это те лица и предметы, которые участвуют в ситуации. Применяя вышеизложенное к русским перфективным глаголам, мы свели денотат, т.е. ситуацию глагола к трем существенным компонентам: 1) **ко времени**, 2) **к действию**, и 3) **к аспектуальному актанту**. Если в значении глаголов СВ на первый план выдвигается время, тогда мы говорим о временно-предельных глаголах, если действие – тогда о количественно-предельных глаголах, и если аспектуальный актант (субстанциальный элемент перфективной ситуации), тогда речь идет о результативно-предельных глаголах (Крекич 1978: 114). В этом отношении нашу точку зрения подтверждают и И. Пете (Pete 1985–1986: 163) и Б. Ваха (Wacha 2001: 40),

которые отмечают, что эти три компонента аспектуальной ситуации стоит изучать и в венгерском языке.

4. В дальнейшем на некоторых примерах рассмотрим по очереди (время, действие, аспектуальный актант), как осуществляют глаголы СВ длительнообразные и процессообразные значения в своем внутреннем и внешнем составе.

4.1. Во временно-предельных глаголах на первый план выдвигается время. Встает вопрос, как ведут себя точечные глаголы по отношению к категории длительности? По мнению М.Я. Гловинской (1998: 128–129) точечность несет в себе только два фазисных элемента: начало и законченность, которые в значении перфективных моментальных глаголов совпадают. Недостает в них середины действия, поэтому в значении моментальных глаголов целостное проявление действия терпит ущерб. М.Я. Гловинская (там же) под точечностью понимает совпадение начала и конца действия: «Точечность (начало и конец действия совпадают)». Подобно ей высказывается и Л. Ясаи (Jászay 2007: 160) о значении моментальных глаголов: «Der Beginn und die Unterbrechung der Handlung fallen praktisch zusammen». По-иному высказывается об этом в своей монографии известный финский философ Г.Х. фон Вригт (1986: 525), который подчеркивает, что «темпоральная последовательность предполагает, что мы можем отделять моменты (occasions) друг от друга во времени. Но момент имеет также **длительность**, которая является его длиной или „размером”» (выделено нами – *Й. К.*).

Самую точную интерпретацию дает немецкий словарь *Duden* (1989: 1031): «Der Moment = sehr kurzer Zeitraum». *Венгерский синонимический словарь* (О. Nagy–Ruzsiczky 1980: 328) интерпретирует слово *моментальный* удачнее всего: «(время) очень краткой продолжительности». Такая интерпретация предполагает и середину действия, которая неразделимо срастается (сливается) в единое целое с началом и концом перфективного действия. Из всего этого можно сделать вывод, что моментальность и целостность (тотальность) не исключают друг друга. Сюда относятся главным образом *семельфактивные глаголы* (*крикнуть, прокричать*) и *пересекающиеся с ними точечно-начинательные глаголы* (*закричать*).

4.2. Начинательные глаголы причисляются к временно-предельным глаголам. Начинательная протяженность составляет начинательный интервал с гомогенным значением, т.е. наступление начинательного действия несет в себе, наперекор своей краткости, значение протяженности, (длительности), начало началось и закончилось, а продолжение действия необязательно, как не обязательно иногда и при результативном глаголе в следующем примере:

- (1) *Из бочки вытекло уже пол-литра вина, и оно продолжает вытекать* (пример Бондарко 1997: 39).

5. До сих пор аспектологи мало внимания обращали в видовом отношении на категорию определенности/неопределенности (в их корне со словом *предел*), связанную с именем А. Мейе (Meillet 1923). Ю.С. Маслов (1958: 11), высоко оценивая теорию А. Мейе, считает важным подчеркнуть, что виды возникли из индоевропейской категории определенности/неопределенности. Дж. Грубор (1953: 192), полемизируя с С. Карцевским, заявляет, что категория определенности совпадает с категорией перфективности: «Од-реѣненост опћенито призната перфективности». Польский лингвист, Э. Кошмидер (Koschmieder 1934: 224), при анализе так называемых аспектуальных ситуационных типов исходит из оппозиции наступления (Eintritt) и длительности (Währen). В своей формулировке Э. Кошмидер выдвигает левую границу перфективного действия, не отрицая при этом целостного проявления перфективного действия: «Das perfektive Aspekt [...] drückt aus, dass das Ausgesagte von Sprechendem als Ganzes betrachtet wird» (Koschmieder 1929: 104, выделено нами – *Й. К.*).

Из вышеизложенных взглядов выявляется, что А. Мейе свое внимание сосредоточивает на правой границе действия, в то время как Э. Кошмидер устремляет свое внимание на левую границу действия (или ситуации).

С точки зрения философии и языка наиболее приемлемые определения можно связать с именами Ю.С. Маслова (1959: 221) и Ф. Кифера (Kiefer [2000]: 276–277).

5.1. На обе границы перфективного действия обращает наше внимание Ю.С. Маслов (1958: 9), по мнению которого перфективный глагол передает действие «в своей неделимой целостности». А.В. Бондарко оказывается прав, когда отмечает, что «значение неделимой целостности следует понимать, прежде всего, как невозможность деления действия на отдельные фазы» (Бондарко–Буланин 1967: 31), т.е. глаголы совершенного вида представляют собой (поскольку невозможно делить их на отдельные фазы) интервал времени, т.е. длительность, протяженность времени, пустой промежуток. Это значит, что перфективный глагол СВ ограничивает действие с двух сторон, справа и слева, в то время как границы имперфективного глагола стираются (размываются), потому что имперфективное действие нецелостно (Маслов 1959: 9).

Что касается инварианта глаголов совершенного вида, нет противоречия между вышеизложенным высказыванием Ю.С. Маслова и истолкованием Ф. Кифера, который с философской и математической точностью выясняет различие между перфективными и имперфективными видами. По

мнению Ф. Кифера (Kiefer [2000]: 276), «событие является перфективным, если событийное действие относится только ко всему данному интервалу, или другими словами, данный интервал не имеет в себе ни одной такой части, ни одного дробления, к которому событийное действие могло бы быть отнесено в отдельности». «Об имперфективном действии идет речь, если событийное действие относится к большей части промежутков дробления интервала» (там же).

5.2. А. Мейе (Meillet 1923: 244) в аналогичном духе излагает определенные перфективные и неопределенные имперфективные видовые значения, интервалы: «L'aspect déterminé [...] indique *un procès* qui aboutit à un terme défini»; «L'aspect indéterminé [...] indique *un procès* qui se poursuit sans terme défini». Уже из вышеприведенных цитат выясняется, что при определении значения перфективных и имперфективных глаголов понятие процесса фигурирует два раза.

При исследовании возникли новые вопросы, какие свободные от контекста и какие зависящие от контекста значения фиксируются ситуациями, выраженными имперфективными глаголами, а какие перфективными. Я согласен с Ф. Кифером (Kiefer 2000: 127), который утверждает, что «когнитивная лингвистика не представляет собой новую парадигму, которая предназначена для того, чтобы сменить более ранние теории». Действительно, мы не должны стремиться к описанию одного только свободного от контекста значения, но следует также стремиться к описанию внешнего значения, зависящего от контекста: «когнитивные точки зрения – это основные части существующих теорий, и их существенная роль в языковой теории состоит в том, что они открывают новые размерности для описания языка» (там же, 121–122).

5.3. Толкования Маслова, Кошмидера и Кифера на тему целостности (интервального проявления действия) приближает нас к пониманию категории определенности/неопределенности, которая играет важную роль в понимании внутренних и внешних значений глаголов совершенного вида. В делимитативной ситуации время, т.е. чистая длительность отодвигает акцессорное значение аспектуального актанта на задний план: внутреннее значение делимитативной ситуации совмещает в себе, даже при чистой длительности, не только время, но и акцессорный элемент делимитативной ситуации–действие, не изменяя при этом гомогенного проявления времени и действия: они близки друг к другу в семантическом отношении. Совместное наличие времени и акцессорного значения действия не изменяет внутреннего значения делимитатива. Делимитативный глагол способен передавать как и ситуацию, приуроченную к одному моноситуативному временному плану (2), так и ситуацию, неприуроченную к одному временному плану (3):

- (2) *Я посижу еще немножко, немножечко* (М. Горький. Жизнь Клима Самгина, I, 27).
- (3) *Двадцать четыре годочка всего и пожил – сказала старушка покорно* (В. Шукшин. На кладбище, 390).

Смешение временного значения с количественным подмечает и Р.Г. Карунц (1972: 77–78), утверждающий, что в ряде глаголов на детерминативное значение приставки *по-* как бы наслаивается и так называемое деминутивное. При таком смешении значений на первый план выдвигается потенциально либо временное, либо количественное значение:

- (4) *А она, правда, мало похворала-то, скоро убралась* (В. Шукшин. Сны матери, 204).

5.4. После рассмотрения значения длительности некоторых временно-предельных глаголов, вкратце перейдем к следующему вопросу, к вопросу изучения категории длительности в количественно-предельных глаголах. О количественном пределе глаголов совершенного вида идет речь, если действие глагола количественно исчерпывает себя, если действие глагола СВ определено (в корне со словом *предел*): измеряется количество, степень меры и интенсивности действия. В значении количественно-предельных глаголов на первый план выступает действие, отодвигая на задний план аспектואльный актанта и время.

Ниже мы перечислим отличительные черты количественно-предельных глаголов в отношении внутренних и внешних значений:

а) Действие: рост, нарастание, мера, интенсивность, количественное изменение, внутреннее развитие.

б) Аспектואльный актанта: количественное изменение аспектואльного актанта; эмоциональное значение; положительное значение удовлетворенности противополложено отрицательному признаку 'быть сытым по горло'; надоесть.

в) Время: начало, середина и конец действия не идентичны, т.е. действие гетерогенно.

В ситуации (5) лица положительно инволвированы, а в ситуации (6) негативно:

- (5) *Здорово набегался в этот свой самый последний денек* (Б. Васильев. Самый последний день, 343).
- (6) *Мы с тобой и так предостаточно навоевались за 5 лет, зараз нехай другие пробуют* (М. Шолохов. Тихий Дон, IV, 239).

6. С точки зрения длительности и процесса глаголы СВ можно противопоставить глаголам НСВ по категории А. Мейе, т.е. по категории определенности/неопределенности. Глаголы НСВ фиксируют неопределенную (неограниченную) длительность или процесс, а глаголы СВ определенную длительность или определенный процесс.

С точки зрения перфективных ситуаций временно-предельные глаголы типа *посидеть, постоять* способны выражать **чистую длительность**, а количественно-предельные глаголы (*вдоволь наплаваться, утрудиться больно*) и результативно-предельные глаголы (*построил дом; выбелил стену*) **нечистую длительность** (или другими словами определенный процесс).

7. Дж. Грубор (1953) – подобно З. Вендлеру (Vendler 1967) – результативно-предельные глаголы причисляет к глаголам исполнения. «Пантивни: постепено радња извршена сва, од почетка до краја, или који било њезин одређени дио сав» (Грубор 1953: 16). По характеру действия глаголы **исполнения** осуществляют процессное и результативное действие трояким способом (там же):

1. креативно:

гради кућу
строит дом →

соградно кућу (сву)
построил дом (весь)

2. трансформативно:

бели кућу
белит дом →

бели кућу (сву)
выбелил дом (весь)

3. мотивно:

враћа се
возвращается →

врати се из сајма
возвратился с ярмарки

7.1. Под аспектуальным актантом мы понимаем то лицо или тот предмет, которые в предложении выполняют либо субъектную, либо объектную функцию, и которые характеризуют глагол «извне». Совершенно прав Дж. Грубор (1962: 74), утверждая, что действие может быть полностью закончено, а результата нет, так как результат зависит от факторов, лежащих вне действия, т.е. от аспектуального актанта, претерпевающего качественные или количественные изменения.

Соотношение трех важных факторов (время, действие, аспектуальный актант) решающим образом влияет на механизм всей видовой системы: способствует образованию видовых пар или тормозит его.

7.2. Проблему представляют, между прочим, те перфективные глаголы, как например, *понять, заметить*, которые Е.В. Падучева (1996: 156) относит к глаголам достижения. По мнению А.А. Зализняк и А.Д. Шмелева

(1997: 49) глагол *почувствовать* тоже относится к глаголам достижения, выражающим моментальный переход из одного состояния в другое, а что касается глагола *заметить*, А.В. Бондарко (1997: 82) считает, что он обозначает скачкообразный переход из одного состояния в другое.

7.3. В связи с вышеизложенным мы должны указать на то, что перфективные глаголы *увидеть*, *узнать*, *поверить*, *заметить*, *понять*, *почувствовать*, *полюбить* способны передавать не только моментальное, но и постепенно наступающее результирующее действие (см. (7)–(13)):

- (7) *Несколько дней я с ней не расставался и постепенно увидел, насколько сильное влияние Ходасевич оказал на русскую поэзию, в том числе на лучших советских поэтов, моих старших современников* (<http://www.NovayaGazeta.ru>).
- (8) *Но, глядя на нее, он мало-помалу увидел в ней и другое и понял, что она совершенно не похожа на все, когда бы то ни было виденное или слышанное* (<http://www.litru.ru>).
- (9) *Постепенно он привык к такой жизни, освоился, перенял манеру держаться, мало-помалу узнал, что за мир его окружает* (<http://www.virlib.ru>).
- (10) *Дон Хозе изумился содержанию этого письма, сначала он не верил ему, но мало-помалу поверил* (<http://www.erlib.com>).
- (11) *Мало-помалу [ср. постепенно] я заметила, что Катя становится со дня на день задумчивее* (Ф. Достоевский. Неточка Незванова, 259).
- (12) *Но наконец, передо мною прояснело мое положение, и я мало-помалу [ср. постепенно] поняла, что осталась одна совершенно и живу у чужих людей* (Ф. Достоевский. Неточка Незванова, 232).
- (13) *Мало-помалу он почувствовал, что вся его кровь прихлынула к голове и в ушах стоит непрерывный приглушенный шум* (А. Дюма. Охотник на водоплавающую дичь, 12).

Выяснилось, что вышеприведенные глаголы достижения способны передавать не только моментальные действия, но и **постепенно** (акцессивно) осуществляемые (немоментальные) действия. Без внешних показателей (*постепенно*, *мало-помалу*) передается ими их **внутреннее значение**, т.е. значение моментальности, а индикаторы *постепенно*, *мало-помалу* оказывают воздействие на субъект действия извне. Иными словами, глаголы достижения обозначают в позиции, свободной от контекста, моментальное действие, а в позиции, несвободной от контекста, сукцессивное достижение результата действия.

8. В конце статьи хотелось бы все вышеизложенное кратко суммировать. Здесь шла речь о том, как отделить процессообразные действия от длительнообразных в отношении перфективных глаголов.

8.1. Мы убеждены в том, что кроме семантического критерия нужен и синтаксический. Главным семантическим критерием мы считаем изучение целостности проявления действия, но для категории вида характерно, что она помимо морфологических признаков выражается в широком смысле синтаксически, синтаксическими средствами. Без учета «синтаксических средств», т.е. без вербального и ситуативного контекста немыслимо изучение видовых значений.

8.2. При изучении глаголов совершенного вида мы рассмотрели, как ведут себя свободные от контекста действия и как – несвободные от контекста. Этот подход помог нам разединить внутренние значения от внешних значений видов. Хочется отметить важность этого подхода: он помог нам сосредоточить пристальное внимание на видовом инварианте, который предполагает изучение внутреннего значения видов.

8.3. Временно-предельные глаголы совершенного вида выражают чистую длительность, не зависящую от дополнительных (от добавочных) значений. Эти ситуации свободны от смешений значений. Они гомогенны, для них характерна статика.

8.4. В значении количественно- и качественно-предельных глаголов речь идет о сукцессивном значении: они гетерогенны, для них характерен признак развития.

8.5. В статье речь шла о дистинкции длительнообразных и процессообразных глаголов совершенного вида. Статические состояния всегда однородны, т.е. гомогенны, передают чистую длительность; обладают не конкретным, а абстрактным значением.

Сукцессивное действие непрерывно продвигается, постепенно, шаг за шагом доходит до высшей фазы и фиксирует гетерогенную ситуацию: исходное и конечное состояние не идентичны.

ЛИТЕРАТУРА

- Бондарко, А.В. 1997, Семантика вида и тендентивная/нетендентивная предельность глаголов. В кн.: Кароляк, С. (отв. ред.), *Семантика и структура славянского вида* II. Kraków: Wydawnictwo naukowe WSP, 31–48.
- Бондарко, А.В. – Буланин, Л.Л. 1967, *Русский глагол*. Ленинград: Просвещение.
- Виноградов, В.В. 1947, *Русский язык*. Москва–Ленинград: Учпедгиз.
- Гайсина, Р.М. 1982, К вопросу о специфике значения глаголов. *Известия Академии наук СССР: СЛЯ* 41, № 1, 59–64.

- Гловинская, М.Я. 1998, Инвариант совершенного вида в русском языке. В кн.: Чертова, М.Ю. (отв. ред.), *Типология вида: Проблемы, поиски, решения*. Москва: Языки русской культуры, 125–134.
- Грубор, Ђ. 1953, *Аспектна значења*. Загреб: ЈАЗУ. (Посебни отисак из књиге Рад 293 и Рад 295.)
- Грубор, Дж. 1962, Из книги «Видовые значения». В кн.: Маслов, Ю.С. (отв. ред.), *Вопросы глагольного вида*. Москва: Изд-во иностранной литературы, 68–76.
- Зализняк, А.А. – Шмелев, А.Д. 1997, *Лекции по русской аспектологии*. München: Verlag Otto Sagner. (= Slavistische Beiträge 353.)
- Зарубин, А.Г. 2012, *М.М. Бахтин и экзистенциализм (проблема времени)*. http://www.chronos.msu.ru/biographies/zarubin_bachtin.htm
- Карунц, Р.Г. 1972, Глаголы звучания с приставкой *по-* в современном русском языке. В кн.: *Актуальные проблемы русского словообразования*, ч. 2. Самарканд, 75–82.
- Крекич, Ё. 1978, Соотношение трех основных семантических компонентов глаголов совершенного вида в значении так называемых финитивных глаголов с приставкой *от-*. *Dissertationes Slavicae* XIII. Szeged, 113–130.
- Крекич, Ё. 1989, *Семантика и прагматика временно-предельных глаголов: Изменения значений*. Будапешт: Танкёньвкiado.
- Крекич, Ё. 2012, Длительность и процесс в славянских глаголах. В кн.: Kocsis, M. – Majoros, H. (ред.), *Legendák, kódexek, források: Tanulmányok a 80 esztendő H. Tóth Imre tiszteletére*. Szeged: JATEPress, 177–183.
- Маслов, Ю.С. 1958, *Роль так называемой перфективации и имперфективации в процессе возникновения славянского глагольного вида*. Москва: АН СССР.
- Маслов, Ю.С. 1959, Глагольный вид в современном болгарском литературном языке (значение и употребление). В кн.: Маслов, Ю.С. (отв. ред.), *Вопросы грамматики болгарского литературного языка*. Москва: АН СССР, 157–312.
- Падучева, Е.В. 1996, *Семантические исследования*. Москва: Языки русской культуры.
- фон Вригт, Г.Х. 1986, *Логико-философские исследования*. Москва: Прогресс.
- Aristoteles 1936, *Metafizika*. Budapest: Pécsi Egyetemi Könyvkiadó és Nyomda R.T.
- Bergson, H. 1923, *Idő és szabadság*. Budapest: Franklin-Társulat.
- Duden – *Duden: Deutsches Universalwörterbuch*. Mannheim: Dudenverlag, 1989, 2., völlig neu bearb. u. stark erw. Aufl.
- Jászay, L. 2007, Zur Frage der momentanen Handlung im heutigen Russischen. *Studia Slavica Hung.* 52/1–2, 157–164.
- Kiefer, F. [2000], *Jelentésmélet*. Budapest: Corvina.
- Kiefer, F. 2000, A kognitív nyelvészet: Új paradigma? В кн.: Pléh, Cs. – Kampis, Gy. – Csányi, V. (ред.), *A megismeréskutatás útjai*. Budapest: Akadémiai Kiadó, 120–144.
- Koschmieder, E. 1929, Studien zum slavischen Verbalaspekt. *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen* 56, 78–105.
- Koschmieder, E. 1934, *Nauka o aspektach czasownika polskiego w zarysie: Próba syntezy*. Wilno: Nakł. Towarzystwa przyjaciół nauk w Wilnie. (= Rozprawy i materiały wydziału i towarzystwa przyjaciół nauk w Wilnie, t. 5., z. 2.)
- Meillet, A. 1923, Grec ἐρχομαι. *Mémoires de la Société de Linguistique de Paris* 35, t. 23.

- O. Nagy, G. – Ruzsiczky, É. 1980, *Magyar szinonimaszótár*. Budapest: Akadémiai Kiadó, 2-e изд.
- Pete, I. 1985–1986, Az aspektuális jelentés az igei jelentésfajták rendszerében. *Néprajz és Nyelvtudomány XIX–XX*. Szeged, 159–172.
- Vendler, Z. 1967, *Linguistics in Philosophy*. Ithaca NY: Cornell University Press.
- Wacha, B. 2001, *Időbeliség és aspektualitás a magyarban*. Budapest: Akadémiai Kiadó. (= Nyelvtudományi Értekezések 149.)
- Wittgenstein, L. 1989, *Logikai-filozófiai értekezés*. Budapest: Akadémiai Kiadó.

ИСТОЧНИКИ

- Васильев, Б. Самый последний день. В кн.: *А зори здесь тихие. Иванов катер. Самый последний день*. Москва: Советский писатель, 1972.
- Горький, М. *Жизнь Клима Самгина, т. I–IV*. Москва: Советский писатель, 1947.
- Достоевский, Ф. Неточка Незванова. В кн.: Достоевский, Ф. *Избранное: Бедные люди. Белые ночи. Неточка Незванова*. Москва: Современник, 1971.
- Дюма, А. *Охотник на водоплавающую дичь*. <http://www.erlib.com>
- Шолохов, М. *Тихий Дон, т. I–IV*. Москва: Художественная литература, 1953.
- Шукшин, В. На кладбище. В кн.: Шукшин, В. *Избранные произведения в двух томах, т. I: Рассказы. Калина красная*. Москва: Молодая гвардия, 1975.
- Шукшин, В. Сны матери. В кн.: Шукшин, В. *Собрание сочинений в трех томах, т. III: Рассказы 1972–1974 годов. Повести. Публицистика*. Москва: Молодая гвардия, 1985.

МОДЕЛІ РЕЧЕНЬ З ПРЕДИКАТАМИ ЛОКАЛІЗОВАНОЇ НАЯВНОСТІ/ВІДСУТНОСТІ В СУЧАСНІЙ УКРАЇНСЬКІЙ МОВІ

Наталія Василівна Мелескесцева

(Кам'янець-Подільський національний університет імені Івана Огієнка,
УФЖ, Кафедра української мови, nataliya.melekesceva@mail.ru)

Самостійний тип у межах буттєвих становлять речення локалізованої наявності/відсутності, екзистенційна семантика яких ускладнена додатковим значенням розташування в просторі. Модель місцеперебування дає загальну характеристику наявності/відсутності субстанцій у світі та має ознаки статичності, безперервної тривалості або абстрагованості від безпосереднього протікання в часі. Організаційним центром таких речень є предикати локалізованої наявності/відсутності, об'єднані значеннєвою семою 'перебування/відсутність особи чи предмета в просторі' (Леута 2008: 157).

Виокремлення групи предикатів локалізованої наявності/відсутності в межах буттєвих здійснено за такими критеріями: 1) статичний характер місцеперебування суб'єкта; 2) переважно пасивний суб'єкт наявності/відсутності; 3) зумовлений валентністю предиката локалізатор, який конкретизує просторове розташування предмета.

До проблеми предикативних конструкцій локалізації неодноразово зверталися російські (Арутюнова 1983, Гак 1996, Васильєв 2000, Селиверстова 2004) й українські (Андерш 1987, Вихованець 1992, Грущенко 1997, Масицька 1998, Лонська 2001, Степаненко 2004, Загнітко 2007, Леута 2008, Кавера 2009) мовознавці. Не зважаючи на значну кількість наукових робіт, у яких ґрунтовно досліджують засоби вираження просторових відношень, багато питань є дискусійними: відсутня загальноприйнята думка щодо найменування, обсягу та класифікації предикатів локалізації, недостатньо схарактеризовані структурні компоненти моделі наявності/відсутності в просторі. Отже, актуальність нашого дослідження зумовлена необхідністю визначення та опису моделей речень з предикатами локалізованої наявності/відсутності, що сприяє з'ясуванню закономірностей валентної сполучуваності предикатів та уточненню реєстру моделей речення в українській мові.

Мета статті – на основі огляду наукових розвідок і власних спостережень визначити базові схеми простих речень з дієслівними предикатами локалізованої наявності/відсутності та їх морфолого-синтаксичне втілення в сучасній українській мові. Для досягнення сформульованої мети потрібно розв'язати такі основні завдання: 1) з'ясувати сутність предикатного значення локалізованої наявності/відсутності; 2) обґрунтувати поняття моделі

речення та мінімуму структурних компонентів; 3) визначити основні типи мінімальних реченневих структур з аналізованими предикатами та їхні морфолого-синтаксичні варіанти.

Традиційно дослідження з синтаксису здійснюються на основі системного підходу до вивчення синтаксичних явищ, який передбачає застосування методу синтаксично-семантичного моделювання – виявлення й опису моделей речення як абстрактних синтаксичних зразків, на базі яких конституюються елементарні речення (Андерш 1987: 16). Необхідний мінімум структурної моделі детермінований валентно-інтенційними властивостями дієслівного предиката.

У формуванні семантичної структури речення, отже, основну роль відіграє предикат, природа якого визначає якісний і кількісний склад компонентів. Предикативну модель локалізації репрезентують дієслівні конструкції, що описують просторову ситуацію. Вона складається з трьох компонентів: суб'єкта локалізації, предиката локалізованої наявності/відсутності та локалізатора (об'єкта, відносно якого локалізується суб'єкт). Семантична структура таких речень характеризується трикомпонентною будовою $S - VfPraed - Adv$: дієслівний предикат із семантикою місцеперебування передбачає позиції суб'єкта і локалізатора.

Ці позиції у реченні програмує лексико-семантична природа предиката локалізованої наявності/відсутності: вони є необхідними для забезпечення інформативної достатності речення. Крім того, визначення локатива як обов'язкового елемента семантичної структури речень локалізації у просторі ґрунтується й на граматичній природі предиката, його морфемній структурі. Необхідність поширення предиката із значенням місцеперебування локативною синтаксею часто спричинена префіксом дієслова, інтенційно зорієнтованим на реалізацію локативних відношень, який утворює префіксально-прийменникову кореляцію з просторовим прийменником (детальніше див. Степаненко 2004: 15).

Речення із значенням статичної локалізації, відображеними моделлю $S - VfPraed - Adv$, формують переважно двовалентні типи предикатів локалізованої наявності/відсутності. Модель динамічної локалізації із зазначенням вихідного/кінцевого пункту руху утворюють чотири-п'ятивалентні дієслова із семантикою переміщення.

У статті предикати локалізації в просторі класифіковані за ознаками фазовості (предикати переміщення та предикати місцеперебування) та позитивної/негативної локативності (предикати локалізованої наявності та відсутності).

Локативні відношення репрезентовані в мові буттєвими моделями, які виявляють ознаку фазовості, що дозволяє зазначити етапи процесу: початок, тривання, кінець. Початкова та кінцева фази наявності/відсутності у

просторі (початок та кінець процесу локалізації) відображають динамічний процес – переміщення. Предикати переміщення вказують на рух, спрямований на подолання меж певного простору: входження та вихід за його межі (Гак 1996: 8):

- (1) *До кімнати **ввійшов** завканц* (О. Теліга, 79).
- (2) *На південь зграями **відлинули** стрижі* (М. Удовиченко, 79).

Основна фаза локативних відношень – тривання – представлена предикатами місцеперебування, що відображають статичний процес розташування, перебування у просторі. Значення просторової наявності/відсутності охоплює такі варіанти (Грущенко 1997; Лонська 2001; Леута 2008; Кавера 2009):

1) загальна характеристика розташування суб'єкта в просторі:

- (3) *Там палац **є*** (П. Мирний, 349);
- (4) *Бачиш, **вже** онде **є** трава помежи рястом* (Літературні шедеври, 345);
- (5) *Наступного дня він уже **був** у Черкасах, куди також докотився **грім** революції* (В. Шкляр, 35);

2) фізична характеристика розміщення суб'єкта (вертикальне, горизонтальне розміщення, заповненість/незаповненість обмеженого простору, протяжність і спосіб розміщення):

- (6) *Перед їх очима **розстелився** чудовий вид* (Літературні шедеври, 166);
- (7) ***Вмістилися** в ній звуки Небесні та земні, Всі радощі і муки, І світло в тайні* (М. Удовиченко, 34);
- (8) *Ген **бовваніє** у сутінках його стодола, і від самого її вигляду тебе **переймає** неспокій* (В. Шкляр, 149);

3) соціальна та біологічна характеристика розташування суб'єкта в просторі (в певній суспільній сфері, навколишньому світі):

- (9) *А по Дніпру, де нині Дніпрогес, **жили** вже царські скіфи – паралати* (Л. Костенко. Вибране, 426);
- (10) *В нього при дворі **трудився** тоді якийсь зайшлий митець, ще молодий, з блаженними очима, русобородий, босий і бідний, як усі справжні митці* (П. Загребельний, 226);

4) спосіб самовиявлення, буття предмета або явища, що набуває семантики місцеперебування під впливом контексту:

- (11) *Ото лиш зозулині черевички жовтіли та ще тут і там цвіли куцики синіх фіалок, медуниць і курячої сліпоти* (В. Шкляр, 324);
- (12) *Чари світилися в очах* (М. Удовиченко, 12);
- (13) *Понад ставом білілися крізь туман хатки, ген угору від їх зеленіли городи* (П. Мирний, 362);

5) просторове розташування предмета з додатковою характеристикою якісної ознаки вияву буття (інтенсивність, домінування, послаблений характер, прихованість):

- (14) *Страждання невичерпні, поки в людині жевріє життя* (М. Матіос. Щоденник страченої, 15);
- (15) *Ще ж французи придумали: "Диявол ховається в деталях"* (М. Матіос. Щоденник страченої, 159);

6) перебування предмета в просторі із вказівкою на тривалість, часову детермінацію стану чи процесу:

- (16) *До вечора пересиджує Дарка в гостині у ляльок* (І. Вільде, 38);
- (17) *У м'якому, вразливому дитячому серці недовго тривали ті турботи* (Українська класична література, 297);

7) одно- та різноспрямований рух у просторі:

- (18) *Життя кружляє на вузькій межі Нових поривів, таємничих ключів* (О. Теліга, 39);
- (19) *Щось темне бродило в ньому, каламутило розум і серце* (В. Шкляр, 94);
- (20) *І довкола фабрики вешталосся багато людей* (Літературні шедеври, 200).

Предикати входження (початкова фаза локалізації) та предикати місцеперебування репрезентують позитивну локативність; предикати відсутності та виходу (кінцева фаза) – негативну.

Отже, семантика предикатів локалізації у просторі охоплює: 1) значення наявності/відсутності; 2) компонент, який характеризує звичний для предмета, явища, події спосіб існування; 3) сему місцеперебування, що актуалізується у цих реченнях (Леута 2008: 156).

Лівобічну позицію в моделі S – V/Praed – Adv займає локалізований суб'єкт, який є різновидом суб'єкта наявності/відсутності. Це переважно пасивний суб'єкт (суб'єкт локалізації в просторі, що сполучається з преди-

катами руху, характеризується динамічністю), якому приписується предикативна ознака 'бути наявним/відсутнім, перебувати в певному місці'.

Суб'єкт локалізованої наявності в українській мові представлений формою називного відмінка іменника та займенника, в конструкціях відсутності – родового:

- (21) *Але скрізь є живі люди, може, і в них вони є* (М. Матіос. Солодка Даруся, 112).
- (22) *Його ніде на світі вже **немає*** (Л. Костенко. Гіацинтове сонце, 48).
- (23) *Але в його голосі **немає** ласки до мене* (Г. Тютюнник, 17).

У ролі суб'єкта локалізації функціонують конкретно-предметні імена, що номінують реалії матеріального світу (природні об'єкти, артефакти, предмети), імена осіб, тварин, подій, явищ, відношень; рідше – репрезентанти нематеріального світу: абстрактні поняття, компоненти внутрішнього світу людини (почуття, настрої, переживання, здатність відчувати та сприймати навколишнє середовище):

- (24) *А трохи далі, в торфі під корчами, **лежав** скелет з коштовними речами* (Л. Костенко. Вибране, 419).
- (25) *У такій воді **водиться** гарна сильна риба* (П. Загребельний, 54).
- (26) *Там **царювала** вже Лучіка* (І. Вільде, 299)
- (27) *Навкруг Землі мої **кружляли** мрії* (В. Стус, 16).
- (28) ***Важка** туга **лежала** на її серці* (П. Мирний, 409).

Предикати локалізованої наявності/відсутності експліковані насамперед дієсловами буття та локалізації особи чи предмета в просторі. Така дієслівна лексика характеризується обов'язковою правобічною валентністю і потребує поширення локативним компонентом, наприклад:

- (29) ***Сонце, прокравшись** крізь густу листву золотими віхтями, **розстелилося** на стінах, по долівці* (П. Мирний, 345).

Просторовий предикат виявляє локативну валентність і відкриває позиції для компонентів із значенням місця, що є необхідними для структурно-семантичної завершеності конструкції (*Сонце, прокравшись крізь густу листву золотими віхтями, **розстелилося***) (Степаненко 2004: 21).

Семантика просторового компонента в конструкціях локалізованої наявності/відсутності є досить широкою і охоплює такі значення: світ/Всесвіт загалом, його фрагмент (частина світу, материк, країна, назва одиниць адміністративного поділу; елементи географічного ландшафту, земельні

угіддя, водний і повітряний простір; дороги, вулиці, площі; заклади громадського призначення, організації; приміщення, їх частини; предмети побуту та їх частини; транспортні засоби; рослини та їх частини; напрям руху), невизначений простір, зовнішній та внутрішній мікросвіт людини (частина тіла, свідомість, психічний світ) тощо:

- (30) *Але хіба тепер десь є Бальзак?! (М. Матіос. Щоденник страченої, 30).*
 (31) ***Нема** на світі України, **Немає** другого Дніпра (Золоті скарби, 301).*
 (32) *Аж он під старою сосною латка шишок **рябіє** (Г. Тютюнник, 29).*
 (33) ***Шумлять** вітри у нього в голові (Л. Костенко. Гіацинтове сонце, 51).*

Локативний компонент виконує функцію своєрідного конкретизатора локалізації, вказуючи на початковий/кінцевий пункт руху, місце перебування або розташування суб'єкта. Тому компонент Adv у моделі S – VфPraed – Adv залежно від характеру статички/динаміки локалізації у просторі може набувати вигляду Adv loc [stat] або Adv loc [dir].

Облігаторними поширювачами при предикатах локалізації в просторі виступають прислівники місця, а також прийменниково-відмінкові та безприйменникові форми субстантивів, які забезпечують реалізацію аналізованої моделі в таких морфолого-синтаксичних варіантах: 1) $N_1 - V_f - Adv$ (прислівник місця); 2) $N_1 - V_f - N_5$; 3) $N_1 - V_f - \text{праер}N_2$; 4) $N_1 - V_f - \text{праер}N_4$; 5) $N_1 - V_f - \text{праер}N_5$; 6) $N_1 - V_f - \text{праер}N_6$.

У реченнях $N_1 - V_f - Adv$ обставинний компонент експлікований прислівниками місця: відіменниковими (*вдома, навколо, навкруги, збоку, спереду, позаду*), відприкметниковими (*близько, далеко*) та відзайменниковими дериватами (*тут, там, усюди, скрізь, десь, ніде*):

- (34) *Десь, кажуть, є страшна богиня – Мойра (Л. Костенко. Вибране, 379).*
 (35) *Тут **жив** коваль на все село – Залізо квітами цвіло В руках великих (М. Удовиченко, 16).*
 (36) *Позаду **роzkошував** вогонь (П. Загребельний, 53).*

Систему спеціальних засобів вираження локалізованої наявності/відсутності утворюють прийменниково-відмінкові форми, морфологічними виразниками яких є родовий, знахідний, орудний та місцевий відмінки. Семантико-морфологічна своєрідність локативних синтаксем зумовлена наявністю в сучасній українській мові численної групи локативних прийменників, згрупованих навколо центральної семантичної осі 'контактність/дистантність', 'статичність/динамічність' (Вихованець 1992: 130). На думку мовознавців (Безпояско–Городенська–Русанівський 1993), перша ознака є

основною, оскільки характеризує всю прийменникову систему, незалежно від семантичного наповнення відмінкових форм.

Найбільш поширеним засобом репрезентації локативного компонента, а також просторових відношень в цілому, виступає місцевий відмінок. Він функціонує як спеціалізована локативна граєма категорії відмінка, що продукує морфологічний варіант локативної синтаксеми (Масицька 1998: 141). У реченнях статичної локалізації $N_1 - V_f - \text{праер}N_6$ місцевий відмінок вживається із просторовими прийменниками *в, на, по, при*:

- (37) *В канцелярії, де була зайнята Ніна, з самого ранку був надзвичайний рух* (О. Теліга, 75).
- (38) *А висить же в музеях твій портрет* (Л. Костенко. Вибране, 352).
- (39) *Червоне листя винограду Яскри́ть на хатній білині* (М. Удовиченко, 78).

Просторовим компонентом із значенням статичності в українській мові виступає прийменниково-орудний відмінок, який у реченнях $N_1 - V_f - \text{праер}N_5$ сполучається з просторовими прийменниками *за, між (межи), над (наді, надо), поперед, попід (попіді, попідо), перед (переді, передо), під (піді, підо), поза, понад (понаді, понадо), побіч з, поряд з*:

- (40) *Цвіте над світом небо ясно-синє* (М. Удовиченко, 32).
- (41) *За нею стояли віки, неситна сила життя, незнищенність плодючості й проростання, чужі тимчасовому дріб'язкові клопотів і метушні* (П. Загребельний, 127).
- (42) *Знову пливе між ним і Даркою спокійна, холодна ріка часу* (І. Вільде, 372).

Орудний безприйменниковий відмінок також виконує локативну функцію. У мовознавстві поширеною є думка, що просторовий детермінант, виражений іменниковою словоформою в орудному відмінку, характеризує тільки динамічну субстанціальну локативність – шлях руху – і зовсім не пов'язується із статичною локалізацією. Проте зафіксовані випадки речень локативно-статичного типу, утворених за схемою $N_1 - V_f - \text{праер}N_5$:

- (43) *Залізо валяється шанцями, берегами і попід самим клубом* (М. Матіос. Солодка Даруся, 53).

Продуктивним морфологічним засобом вираження локативної синтаксеми із статичним субстанціальним значенням є прийменниковий родовий відмінок – $N_1 - V_f - \text{праер}N_2$. У таких реченнях родовий відмінок спо-

лучається із просторовими прийменниками *біля, близько, близько від, в (у), вдовж, вздовж, вище, подовж, впоперек, усередині, довкола (довкіл), довкруг (довкруги), збоку, збоку від, зверху, зверху, ззаду, кінець, коло, край, круг, кругом, між (межи), навколо (навкіл), навкруг (навкруги), навпроти, напроти, насупроти, недалеко, недалеко від, неподалік, неподалік від, нижче, обабіч, обік, обіч, обіруч, оддалік, оддалік від, округ, осторонь, побіля, побіч, поблизу (поблиз), поверх, повздовж, поздовж, позаду, поміж (помежи), поперед (попереду), поруч, поряд, посеред, проміж, просто, проти, серед, спереду, супроти* тощо:

- (44) *Затишшя гостює В стебельця малого* (М. Удовиченко, 59).
 (45) *Он серед пісочку зелене жабуриння **чорніє*** (П. Мирний, 286).
 (46) *Біля столу **стримів** червоний прапор із серпом та молотом* (В. Шкляр, 79).

Прийменниковий родовий відмінок використовується також для опису динамічної локалізації з директивно-фінішною семантикою. У реченнях ‘виходу’ назовні, за межі певного простору, що репрезентують кінцеву фазу локалізації, предикати переміщення, експліковані дієсловами руху, прогнозують компоненти, виражені родовим відмінком з прийменниками *від, з (зі, із), з-за, з-поза, з-понад, з-під, з-перед, з-посеред, з-поміж (з-помежи), з-межи (з-між), з-позад*:

- (47) *Другого дня Мелашка з ріднею **вийшли з Києва*** (І. Нечуй-Левицький, 110).

Основним засобом вираження динамічної локативності із значенням ‘входу’ в українській мові є знахідний відмінок у поєднанні з прийменниками *в (у), за, крізь, між (межи), на, над, перед, під* тощо:

- (48) *Раптом двері відчинилися, але у кімнату **ввійшов** не завідуючий канцелярією, а звичайний собі сторож з ганчіркою, відром і щіткою* (О. Теліга, 78).

У структурі речень локалізованої наявності/відсутності із семантикою динамічності можуть функціонувати два просторові поширювачі, що зазначають вихідний і кінцевий пункти руху. Реченнєва структура представлена чотирикомпонентною моделлю $S - V_f \text{Praed} - \text{Adv}_1 - \text{Adv}_2$, яка найчастіше має таке морфологічне вираження: $N_1 - V_f - \text{праер}N_2 - \text{праер}N_2$, $N_1 - V_f - \text{праер}N_2 - \text{праер}N_4$.

- (49) *Прибули з України на Поділля двоє побратимів – такі вони зближені, що ближчі за рідних братів* (Літературні шедеври, 297).

Значення просторової наявності предмета або явища може бути репрезентоване “синтаксичним нулем”, коли в реченні має місце послаблення пропозитивно-предикативних властивостей дієслова, що зумовлює еліпсис предиката локалізованої наявності/відсутності. “Надлишковість дієслівної синтаксеми зумовлена структурно-семантичними якостями моделі, її типовим значенням, можливістю вираження значення локалізованої наявності предикативним сполученням двох іменних синтаксем – суб’єкта і локатива – без участі дієслова” (Леута 2008: 157). Моделі локалізації з еліпсованим присудком представлені реченнями праерN₆ – N₁, праерN₆ – Adv (прислівник місця):

- (50) *У вікнах – перші вогні* (О. Теліга, 35).
 (51) *Ти в пастці* (М. Матіос. Щоденник страченої, 126).
 (52) *Обоє поруч* (М. Удовиченко, 17).

Отже, реченнєву структуру речень з предикатами локалізованої наявності/відсутності реперезентують переважно три- та чотирикомпонентні моделі. Семантико-синтаксична структура речень локалізованої наявності/відсутності характеризується: 1) наявністю предиката із значенням розташування, перебування в просторі; 2) переважно пасивним суб’єктом наявності, буття; 3) валентно зумовленим локалізатором, який конкретизує перебування предмета в просторі; 4) певним відрізком на часовій осі або поза часовими межами. Семантико-синтаксичні ознаки розглянутих моделей ще потребують подальшого наукового аналізу.

ЛІТЕРАТУРА

- Андерш, Й.Ф. 1987, *Типологія простих дієслівних речень у чеській мові в зіставленні з українською*. Київ: Наукова думка.
 Арутюнова, Н.Д. 1983, *Русское предложение: Бытийный тип*. Москва: Русский язык.
 Безпояско, О.К. – Городенська, К.Г. – Русанівський, В.М. 1993, *Граматика української мови: Морфологія. Підручник*. Київ: Либідь.
 Васильєв, Л.М. 2000, *Системный семантический словарь русского языка: Предикатная лексика*. Уфа: Восточный университет.
 Вихованець, І.Р. 1992, *Нариси з функціонального синтаксису української мови*. Київ: Наукова думка.
 Гак, В.Г. 1996, *Функционально-семантическое поле предикатов локализации*. В кн.: Бондарко, А.В. (отв. ред.), *Теория функциональной грамматики: Локатив-*

- ность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. Санкт-Петербург: Наука, 6–26.
- Грущенко, Л. 1997, Семантика статичного локативного предиката двоскладного речення дієслівної будови в українській мові. В кн.: Гуйванюк, Н.В. (ред.), *Актуальні проблеми синтаксису: Матеріали Всеукраїнської наукової конференції, присвяченої 85-річчю проф. І.І. Слинька*. Чернівці: ЧДУ, 56–57.
- Загнітко, А.П. 2007, *Теорія сучасного синтаксису*. Донецьк: ДонНУ.
- Кавера, Н.В. 2009, Значеннєве розмежування дієслівних предикатів зовнішнього стану. *Мовознавчий вісник: Зб. наук. пр. МОН України. Черкаський нац. ун-т ім. Б. Хмельницького*, вип. 8. Черкаси, 108–116.
- Леута, О. 2008, *Структура і семантика дієслівних речень в українській літературній мові*. Київ: Такі справи.
- Лонська, Л.І. 2001, *Структурно-семантичні особливості буттєвих речень в українській мові*. Автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філ. наук: спец. 10.02.01. “Українська мова”. Київ.
- Масицька, Т.Є. 1998, *Граматична структура дієслівної валентності*. Луцьк: Вид. відд. Волин. держ. ун-ту імені Лесі Українки.
- Селиверстова, О.Н. 2004, *Труды по семантике*. Москва: Языки славянской культуры.
- Степаненко, М.І. 2004, *Просторові поширювачі у структурі простого речення*. Полтава: АСМІ.

ДЖЕРЕЛА

- Вільде, І. *Метелики на шпильках. Б'є восьма. Повнолітні діти*. Дрогобич: Відродження, 2007.
- Загребельний, П. *Євпраксія*. Київ: Дніпро, 1987.
- Золоті скарби – *Золоті скарби української класики: Поезія, проза*. Донецьк: ТОВ “ВКФ «БАО»”, 2010.
- Костенко, Л. *Вибране*. Київ: Дніпро, 1989.
- Костенко, Л. *Гіацинтове сонце*. Київ: Либідь, 2010.
- Літературні шедеври – *Літературні шедеври видатних українських жінок-письменниць*. Донецьк: ТОВ “ВКФ «БАО»”, 2009.
- Матіос, М. *Солодка Даруся*. Львів: ЛА “ПРАМІДА”, 2011.
- Матіос, М. *Щоденник страченої*. Львів: ЛА “ПРАМІДА”, 2011.
- Мирний, П. *Повія*. Харків: Фоліо, 2007.
- Нечуй-Левицький, І. *Кайдашева сім'я. Гетьман Іван Виговський*. Харків: Клуб Сімейного Дозвілля, 2011.
- Стус, В. *Дорога болю: Поезії*. Київ: Рад. письменник, 1990.
- Теліга, О. *Вибрані твори*. Київ: Смолоскип, 2008.
- Тютюнник, Г. *Твори*. Київ: Молодь, 1984.
- Удовиченко, М. *Материнське вікно: Поезії*. Київ: Веселка, 1990.
- Українська класична література – *Українська класична література. Вибране: проза, поезія*. Донецьк: ТОВ “ВКФ «БАО»”, 2009.
- Шкляр, В. *Залишенець. Чорний ворон*. Харків: Клуб Сімейного Дозвілля, 2011.

СОМАТИЧНИТЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМИ – УНИВЕРСАЛНИ И НАЦИОНАЛНО ОБУСЛОВЕНИ

Галина Якова Молхова

(Софийски университет „Св. Климент Охридски“, ДЕО, molhova55@yahoo.com)

Културният диалог в условията на европейската интеграция придобива особена значимост. Преди всичко трябва да се осмисли проблемът за универсалното и уникалното в културата. Скрито желание на всеки народ, участващ в общоевропейското културно пространство е да съхрани дълбоките връзки с архетипа на майчината си култура. Още през XIX в. известният руски философ А.С. Хомяков (по Алефиренко 2008: 143) утвърждава, че формите взаимствани отвън не могат да служат за изразяване на родната култура и духовността на нацията може да се изрази само с форми създадени от нея самата. Защо е толкова важно за етническата идентификация съхранението на неповторимостта на етническата култура? Очевидно в това, че неповторимостта има особен резултат, свойствен само на дадена културна системна организация на елементите от опита, които сами за себе си не винаги се явяват уникални и се повтарят в разни култури. Доказаната в когнитивната психология мисъл за това, че „в основата на светогледа и възприятието на света от всеки народ лежи собствена система за предметните значения, социалните стереотипи, когнитивните схеми. Затова съзнанието на човека винаги е етнически обусловено, погледът към света на един народ не трябва с просто «прекодиране» да се премести на езика на културата на друг народ“ (Леонтьев 1993: 20). Не трябва, защото „всеки език притежава своя вътрешна форма, под която той разбира характера на организацията на мислещата материя, способа на представяне, осмислянето, модификацията на нейните елементи“ (Гумбольдт 1984: 103). Преобразуваната по такъв начин мислеща материя съставя интелектуална (вътрешно съдържателна) сфера на езика, която получава материално изразение в структурна, външна форма и преди всичко в единиците на фразеологичната подсистема – винаги актуално средство за изразяване на етноезиковото съзнание.

Национално-културното своеобразие във фразеологизмите на един или друг език се обясняват с особеностите на лингвокреативното мислене, етноезиковата специфика на интерпретации на познатия свят и особеностите на вторичната концептуализация и категоризация на отразените в нашето съзнание представи за ценностно смисловия статус на жизнено значими обекти. С натрупването на достатъчно голямо количество културни значе-

ния възниква необходимост от тяхното подреждане, категоризация и адекватна вербализация, обуславяне на системно смислови отношения, определящи концептосферата на всеки език. С тази цел лингвокреативното мислене използва вече сформирани в един или друг език значения, поражда нови производни семантични структури: напр. *дървена глава, с кокоши ум* – ‘глупав, тъп, прост съм’. В началния етап се включват прости смислопораждащи механизми, използващи способа на аналогия и сходство, а по-късно – конвергентно-дивергентни процеси.

За щастие, обаче, човек възприема света не такъв, какъвто е, а по съвкупност от различни модели на неговата интерпретация. Затова всъщност и служи лингвокултурологичната база на вторичната семантизация на действителността във формата на така наречената „скрита култура“, която за разлика от „явната култура“, подразбира идеи и чувства. Това са феномени непосредствено ненаблюдаеми, но проявяващи се чрез фразеологията. „Скритата култура“ се явява най-проблемната област на когнитивно-семиологическата лингвокултура, свързана с интерпретационните особености на лингвокултурното мислене на една или друга народност. Разкриването спецификата на първичната семантизация се базира на това, че интерпретационните възможности се зараждат в рамките на съответстващото ценностно смислово пространство, формиращо поле на взаимодействие на етнокултурното съзнание с реалността. „Концептуалният компонент на значението на фразеологизмите съотнесен към явленията от обкръжаващата ни действителност, чрез тяхното отражение в етноезиковото съзнание, носи в себе си характерните признаци на езикова категоризация, системно-структурна организация на фразеомообразуващи езикови единици. Интерпретационният компонент в семантиката на фразеологизмите се формира под въздействието на няколко фактора: а) избирателност на обектите на мисловното отражение; б) модификация на вербално смисловото съдържание, пътят на неговото включване в създадените модели на семантични отношения в системата на един или друг език; в) потенциалното многообразие на денотативно-когнитивна комбинаторика, обуславяща национално-културната уникалност на семантиката на идиомите; г) възможност за експлицитно и имплицитно представяне на смисловото съдържание на идиомите“ (Алефиренко 2008: 155). Твърде съществен се явява семиотичния диапазон на интерпретация на семантиката на фразеологизмите, основаващи се на множество произволни асоциативни връзки, отразяващи своеобразието на образа на света на етнокултурното съзнание.

В.Г. Гак (1999) предлага да се различават националната и културна специфика на езиковите единици в това число и на фразеологичните. Тяхната национална специфика се проявява при съпоставката на фразеологизми от различни езици и се предопределя от два фактора: обективен и субективен.

Обективният фактор предполага отделяне на обективизиращите фразеологизми на естествените и културни реалии, характерни за живота на един народ, но отсъстващи в живота на друг народ. Субективният фактор се състои във факултативна изборност: фразеологизми отразяващи едни и същи реалии в различни езици, като правило са представени с различни структурно-семантични модели. С други думи, националната специфика се проявява във всички случаи на различия, даже в сходни фразеологизми, които могат да бъдат обусловени или необусловени от причини от културен характер.

Културната специфика предполага съответствие на езиковите единици на елементите на менталитета или духовната култура на социума, неговата история, вярвания, традиция и естествени условия на живот (Гак 1999: 260–261). Сложният характер на взаимодействие на националния и културен компонент за пореден път свидетелства за неразривна връзка между тях. И все пак различната национална и културна специфика на съотносими фразеологизми на различни езици не се явяват единствено възможни за тълкуване на анализираното явление. Обикновено в качествено предметният анализ се избира национално-културната специфика на фразеологизмите.

Н.М. Фирсова (2001: 23–24) дава трактовка на националната специфика като „наличие на специфични признаци на езиковите единици, които могат да се отразят (експлицитно или имплицитно) като интерлингвистични (фонетични, лексикални, граматични, стилистични), така и екстралингвистични (преди всичко социални, исторически, културни, психологически, етнически) факти, свойствени на носителите на езика на една или друга национално-културна общност“. Националната специфика на фразеологизмите е етнически обусловена още от самата си принадлежност към определен етнос.

„Националната специфика на фразеологизмите се проявява в следните компоненти на културата: а) традиции, които се определят като устойчиви елементи на културата, обичаи, разбираани като традиции в соционормативната сфера на културата и обряди, които изпълняват функция на неосъзнато приобщаване към господстващата в дадено общество система на нормативно изискване; б) в битовата култура; в) във всекидневното поведение; г) в националните особености на мислене; д) художествената култура, отразяваща културните традиции на етноса; е) способността за усвояване на географската среда; ж) особеностите на социално-политическото устройство“ (Алефиренко 2008: 172).

Въпреки казаното до сега лингвокултурната специфика и лингвокултурните универсалии не се намират в отношения на взаимоизключване. Те съществуват паралелно. Б. Ръсел (Russell 2001: 74) казва, че „нашето по-

знание за света и предметите (в този случай става дума за знание изразено чрез езика) се състои от два вида познание – когато предметите са известни, като конкретни и като универсалии“. Съответно универсалната и етнокултурната съставна се намират в комплиментарни отношения една към друга. Размишлявайки за света на универсалиите, Ръсел отбелязва, че този свят е „неизменен, неподвижен, точен, възхитителен за математици, логици, създатели на метафизични системи и всички, които обичат съвършенството повече от живота“ (пак там, 68).

Наличието на лингвокултурни универсалии е обусловено от общочовешкия характер на нашето мислене, общото прогресивно развитие на човешката култура и цивилизация, всеобщия бит и познание и съответно техните универсални закони и категории. Лингвокултурната специфика се явява в резултат от своеобразно езиково кодиране на обекти от обкръжаващия ни свят. Всички изброени дотук фактори встъпват в сложно взаимодействие, което обуславя различни конфигурации в тяхното съчетание един с друг. Многообразната комбинаторика на споменатите фактори се обуславят във фразеомообразуването и различното количество взаимодействия фактори и различното им съчетание в различните езици.

Фразеологията е универсална защото нейните единици едновременно се явяват и прагова величина на дискретизацията на реалността и максимално асоциативно-образно обобщение на културно значимите елементи на етноезиковото съзнание. Съответно фразеологичното значение се оказва способно максимално да диференцира и да определя границите на смисловото съдържание и следователно да „преведе“ или „конвертира“ смислови структури, изразени в други кодови системи. Въпросът е там, че духовно практическият опит на човек в пространството на когото се осъществява образуването и функционирането на фразеологизмите – това е не толкова предметно знаков изоморфизъм, колкото ценностните чувства, преживявания, които съпровождат живота и действията на хората. И все пак „преживяванията не се разкодират като пасивно отражение на обкръжаващия ни предметен свят, не само съзерцание, изразяващо непосредствената даденост на психическото съдържание на съзнанието, а като дейност, постоянна работа по реорганизиране на психичния свят“ (Алефиренко 2008: 156).

Соматичните фразеологизми (гр. *soma* – ‘тяло’) представляват особен тип устойчиви словосъчетания, съдържащи номинация на части или органи на човешкото тяло. По своята природа соматичните фразеологизми (СФ) отразяват първичният опит на интерпретация на човека и обкръжаващия го свят и заедно с това и вторичният опит на познание и преосмисляне, възникващ в процеса на историческото развитие. По такъв начин СФ представят принципа на двойната интерпретация – първичният, заключаващ се в това, че човекът се опитва да концептуализира опита и познанието на

самия себе си, на собствените си усещания и вторичният свързан с проекция на знанията за обкръжаващия ни свят върху собственото ни тяло. Например, първичният израз *хващам се за главата* номинира естествен жест, като реакция в ситуации предизвикващи удивление, отчаяние; впоследствие тази единица обозначава само емоционално състояние на отчаяние без да се отнася към непосредственото телесно поведение.

Соматичните фразеологизми възникват спонтанно, независимо един от друг в различни периоди и в различни езици, тъй като имат за обща основа наблюденията на човека върху самия себе си, частите на неговото тяло, общите психически и физически признаци, общите условия за развитие и накрая действията и емоциите на човека. Тези наблюдения лежат в основата на общите семантични закони по които в лексемите се развива преносно значение, което става изходно при образуването на фразеологизми. Например:

1. Характеристика на човек: български примери: *златно сърце* 'отзивчив, добър човек'; *дебела ми е кожата (дебелокож)* 'нечувствителен, груб съм'; *с открита душа* 'откровен, искрен, прям'; английски примери: *a big heart* 'великодушен, благороден човек'; *a stiff upper lip* 'издръжлив, мъжествен'; *have a thick skin* 'дебелокож, нечувствителен'.

2. Емоции и състояние на човек: бълг.: *пръсвам се/пръсна се от към гърба си* 'обхваща ме силен гняв, яд'; *с примряло сърце* 'с безпокойство, тревога, страх'; *ще ми изскочи сърцето* 'силно вълнение от радост, страх, нетърпение'; англ.: *lose heart* 'падам духом, унивам, отчайвам се'; *make a poor mouth* 'правя се на беден'; *set one's heart on smb.* 'страстно желая някого'.

3. Действия на човек: бълг.: *подавам/подам ръка* 'подкрепям, подпомагам някого, оказвам помощ'; *плюя си на ръцете* 'залавям се, захващам се усилено за работа'; *изтривам/изтрия от лицето на земята* 'премахвам нещо, унищожавам напълно'; англ.: *bear a hand* 'помагам, съдействам, вземам участие'; *dirty one's hand* 'цапам си ръцете, унизявам се'; *one's mouth waters* 'текат ми слюнките, светнаха ми очите'.

4. Характеристика на ситуацията: бълг.: *в ръцете ми е* 'в моята власт, в пълна зависимост и подчинение'; *на една ръка разстояние* 'съвсем близо'; *колкото ти душа иска* 'много, в голямо изобилие'; англ.: *a big hand* 'голям успех, бурни аплодисменти'; *by hand* 'доставка по куриер, по човек'; *blood will be spilled* 'ще се лее кръв, това няма да свърши добре' и др.

Необходимо е да се спомене работата на Р.М. Вайнтрауб (1975: 159) в която авторът анализирайки СФ на славянските езици стига до извода, че те принадлежат към най-древните лексикални пластове, които се явяват причина за голямата фразеобразователна продуктивност на тази група фразеологични единици. Те се характеризират с устойчивост, голяма честотна

употреба и разклонения в семантичната структура. Общеизвестно е, че колкото са по-стари лексемите в езика, толкова по-широка е тяхната семантична структура и следователно по-голяма възможност, за тези лексеми, да образуват ФЕ, доколкото развитието на фразеологизмите върви паралелно с развитието на преносното значение на лексемите в резултат на тяхната метафорична и метонимична употреба в различни съчетания.

Вайнтрауб (1975: 159) дели СФ на две групи – натурални и конвенционални. Първите се пораждат спонтанно, независимо един от друг в различните езици, тъй като природните явления, жизнените наблюдения, психологическите черти на човека, неговото закономерно развитие носят общочовешки характер и затова те могат да бъдат общи и за генетично различни езици. Например: бълг. *минавам от ръка на ръка*, англ. *change hands* – и двете със значение: ‘последователно минавам от един собственик на друг’; бълг. *със здрава ръка*, англ. *with high hand* ‘властно, решително, енергично’; бълг. *вирвам/виря си носа*, англ. *look down one's nose at smb.* ‘високомерен, надменен съм’; бълг. *тикам си носа някъде*, англ. *poke one's nose into smb.'s affairs* ‘меса се в чужди работи’ и др. Втората група соматизми, обратното, възникват благодарение на специфичните условия на развитие на материалната и духовна култура на даден народ. Например: бълг.: *жегва ме под лъжичката* ‘остра душевна болка’; *да се кръстиш с две ръце* ‘възклицание за недоумение от нещо нередно, необичайно’; *едно джезве кокали* ‘много съм слаб’; англ.: *under one's hand* ‘собственоръчно, с подписа и печата на някого’; *all hand* ‘всички участници’; *a big (good) hand* ‘бурни аплодисменти, голям успех’; *a blind hand* ‘нечетлив почерк’ и т.н.

Човекът, като част от обкръжаващия го свят винаги се опитва да го сравни със себе си, със своя образ и мисли, до приписва на явленията в съществуващия свят такива свойства, каквито има сам и отъждествявайки се с природата да изразява своето физическо и душевно състояние. Затова голяма част от СФ имат семантични съответствия в различните езици, тъй като частите на тялото са универсални и имат едни и същи функции, така както са общочовешки и психичните процеси.

Когато говорим за езикови универсалии във фразеологията най-много се открояват соматичните фразеологизми. Обаче, независимо от универсалния характер на човешкото мислене, усвояването на окръжаващата реалност се извършва със специфични, присъщи за дадена национално-културна общност способности, които не могат да не се отразят във фраземиката на един или друг език.

Всичко казано до тук свидетелства в полза на това, че наличието на културно езикова специфика съвсем не отменя действието на културно-

езиковите универсалии. Езиковите факти представят богат материал, показващ разнородния характер на взаимодействие на универсалното и специфичното.

ЛИТЕРАТУРА

- Алефиренко, Н.Ф. 2008, *Фразеология в свете современных лингвистических парадигм*. Москва: Элпис.
- Вайнтрауб, Р.М. 1975, Опыт сопоставления соматической фразеологии в славянских языках: к вопросу о сравнительном изучении фразеологии. *Вопросы востоковедения, вып. 288, IX*. Самарканд, 157–162.
- Гак, В.Г. 1999, Национально-культурная специфика меронимических фразеологизмов. В: Телия, В.Н. (отв. ред.), *Фразеология в контексте культуры*. Москва: Языки русской культуры, 260–265.
- Гумбольдт, В. фон 1984, *Язык и философия культуры*. Москва: Прогресс.
- Леонтьев, А.Н. 1993, *Проблемы развития психики*. Москва: Наука, 5-е изд.
- Фирсова, Н.М. 2001, *Языковая вариативность и национально-культурная специфика речевого общения в испанском языке*. Москва: РУДН.
- Russell, B. 2001, *The selected letters of Bertrand Russell V/2*. London: Routledge.

ГЛАВНЫЕ ТИПЫ ОРИЕНТАЦИЙ В РАЗНЫХ ЯЗЫКАХ

Иштван Пете

(Pete István, H–6726 Szeged, Közép fasor 15/C)

1. Категоризация в лингвистике

М.В. Всеволодова (2000: 75) отмечает, что каждая наука оперирует категориями, которые имеют онтологический, гносеологический и лингвистический характер. Онтологический аспект отражает фрагмент внешнего мира (предметы, их действия, признаки предметов, действий и других признаков, факты, ситуации и события), который является единым для всех. Гносеологический аспект отражает структурализацию мира человеческим разумом и самовыражение говорящего или пишущего. Лингвистический аспект служит представлению онтологического и гносеологического аспектов всеми средствами данного языка. Грамматикализация разных языковых систем не совпадает. Встречается множество примеров, которые свидетельствуют о внутриязыковой концептуальной специфике членения понятий и грамматических категорий.

2. Типы ориентирования

На основе коммуникативной модели К. Бюлера П.В. Дурст-Андерсен (1995) различает языки, ориентированные на говорящего, на слушающего или на реальность. Эта типология Дурст-Андерсена требует уточнения и расширения. Выше названные и не названные им ориентации в неодинаковой пропорции имеются в каждом языке. Категоризация в лингвистике и коммуникация в обществе без говорящего, слушающего, денотата и референции невозможны.

2.1. В языках, ориентированных на говорящего, прямое и не прямое восприятия выражаются в парадигматической оппозиции личных форм глаголов по-разному. Одни формы имплицитуют, что говорящий сам ответствен за истину обозначаемого, другие же формы показывают слушающему, что говорящий не отвечает за истину выражаемого. В турецком языке, напр., ‘Сегодня погода прекрасная’ и ‘В Истанбуле погода прекрасна’ обозначаются двумя формами глагола ‘быть’ – формой на \emptyset и формой на *-dir*: *Bugün hava güzel. – İstanbul’da hava güzeldir.* В немецком языке в косвенной речи, когда говорящий сомневается в истинности чужих слов, может употребляться форма конъюнктива. Ср.: *Die Länge des Weges ist 21 Kilometer.* ‘Длина дороги 21 км.’ – *Die Länge des Weges sei 21 Kilometer.* ‘Предположим, что длина дороги 21 км.’ В болгарском языке несвидетельские формы

изъявительного наклонения означают, что говорящий не считает себя свидетелем сообщаемого действия, прошедшего до момента речи: *Иван излезе.* 'Иван ушел.' – *Иван излязъл.* 'Оказывается, Иван ушел, а я не заметил.'

2.2. В языках, ориентированных на слушающего, указывают на известность/неизвестность слушающему ситуаций, либо на старую, либо на новую для него информацию. Центральными категориями этой системы являются артикли и видовые формы глагола. Они базируются на понятиях 'актуальность' и 'неактуальность': *I bought an interesting book.* 'Я купил (одну) интересную книгу.' – *Here is the book you want to read.* 'Вот (та) книга, которую вы хотите прочесть.' *Неделю назад бабушка приехала/приезжала к нам.* В венгерском языке глаголы имеют субъектную и определенно-объектную ориентации спряжения: *Most olvasok egy érdekes könyvet.* 'Jetzt lese ich ein interessantes Buch.' – *Most én ezt a könyvet olvasom.* 'Jetzt lese ich dieses Buch.'

2.3. Русский язык относится к языкам, ориентированным на реальность. Они вербализуют ментальную модель событий и состояний (присутствие/отсутствие предметов в ситуации): *Ута выучила уроки. Кто-то звонил тебе.* – *Кто-нибудь звонил* ('отсутствие референции')? *Я ни с кем не говорил* ('был хоть один, с кем я мог бы поговорить'). – *Мне не с кем было поговорить* ('отсутствие референции').

2.4. Русский язык можно отнести также к языкам, ориентированным на эмотивность. А. Вежбицкая (1997: 34–55) отмечает, что русские являются людьми экспрессивными, эмоционально живыми. Общая эмоциональная окраска русской речи гораздо выше, чем в английском языке, и выше, чем в других славянских языках. Русский язык богат эмоциональными глаголами, существительными, прилагательными и наречиями.

2.5. Указательная ориентация может быть одностепенной, двух-, трех- или четырехстепенной. В русском языке анафорическое и катафорическое указание, т.е. указание на ранее и позже сказанное, далее дейктическое указание на признаки и количество предметов являются одностепенными: *Кончается зима. Все радуются этому.* – *Все радуются тому, что кончается зима. Такие книги нам нужны. Среди стольких знакомых ни одного друга.* Дейктическое указание на предметы – двухстепенное: *этот – тот.* В латинском, древнерусском и сербском языках этот тип указания трехстепенный: указание на близкие (*hic, сь, ова*), дальние (*iste, ть, та*) и отдаленные (*ille, онъ, она*) предметы. В венгерском языке имелось указание на близкие, более близкие, далекие и отдаленные предметы, признаки и количества: *ez – emez, az – amaz; ilyen – emilyen, olyan – amolyan; ennyi – mennyi, annyi – amannyi.*

2.6. При однородных членах 3-го лица в русском и немецком языках местоимение *этот/dieser* заменяет имя предмета, упомянутое говорящим позднее (обвиатив), местоимение же *тот/jener* – имя предмета, упомянутое раньше (проксиматив). В английском языке в таких предложениях употребляются прилагательные *latter* ‘последний’ и *former* ‘прежний’, в венгерском же языке наоборот:

- (1) *Карл и Петр оба умные: этот (т.е. Петр) усерднее, чем тот.*
- (2) *Karl und Peter sind beide intelligent: dieser ist aber fleißiger als jener.*
- (3) *Charles and Peter are both intelligent: the latter is however more diligent than the former.*
- (4) *Károly és Péter két okos fiú: az előbbi azonban szorgalmasabb, mint az utóbbi.*

3. Агентивные и пациентивные подходы к жизни

А. Вежбицкая (1997: 55) указывает, что «данные синтаксической типологии языков говорят о том, что существует два разных подхода к жизни, которые в разных языках играют разную роль: можно рассматривать человеческую жизнь с точки зрения того, ‘что делаю я’, т.е. придерживаться агентивной ориентации, а можно подходить к жизни с позиции того, ‘что случится со мной’, следуя пациентивной [...] ориентации». При пациентивной ориентации подход может быть пассивным и безличным.

3.1. Агентивный подход – это активный подход, который подчеркивает контролируемость субъектом-агентом действий, чувств, происшествий, состояний и др. В предложениях, содержащих этот подход, субъект обозначается подлежащим в форме именительного падежа имен, предикат же выражается личными глаголами, изменяющимися по категории лица. Категория одушевленности маркирует объект действия. Субъект и объект действия у неодушевленных имен мужского и среднего рода обозначаются одинаково. В эргативных языках – напр. в грузинском – нет винительного падежа. Подлежащее (субъект действия) переходных глаголов маркируется: ставится в эргативном падеже, подлежащее непереходных глаголов и объект переходных глаголов же выражается одинаково: абсолютивом (именительным падежом). При переводе: *Брат* (эргатив) *пишет письмо* (им. п.). *Брат* (им. п.) *спит*.

3.2. При пассивном подходе говорящего интересует главным образом объект (пациент) действия или сам факт совершения действия, а не агент, который в пассивных конструкциях часто отсутствует. Ср.: *Суп съеден. Сделано. Приказано*. Пассивный подход возможен при употреблении переходных глаголов. Объект действия ставится в им. падеже, субъект же действия в твор. падеже. Реже оформляется при помощи предлогов *от, у,*

при, в, на: Хозяйкой/у хозяйки приготовлен обед. Субъект предиката в польском, болгарском, немецком, английском языках образуется предлогами *przez, om, von, durch, by*, в венгерском послелогом *által*.

В английском языке возможен и двойной пассив, когда два им. падежа в одном предложении: *I gave this book to her. → This book was given to her. / She was given this book*. В немецком языке имеются статальный и процессуальный пассивы (*Zustandspassiv und Vorgangspassiv*), которые в русском языке обычно не различаются: *Die Tür ist geschlossen. – Ich weiß nicht, wann sie geschlossen wurde*. 'Дверь закрыта.' – 'Я не знаю, когда она была закрыта.' В русском языке процессуальное значение имеют страдательные формы НСВ, редко и СВ с постфиксом *-ся*: *Небо затягивается тучами. – Небо затянулось тучами* (процесс произошел как бы перед глазами). – *Небо затянуто тучами* (состояние).

3.3. В русском языке один и тот же фрагмент действительности (денотат) в некоторых случаях может отражаться в активных, пассивных и полупассивных подходах говорящего: *Волна унесла лодку. ↔ Лодка унесена волной. ↔ Лодку унесло волной*. В полупассивных предложениях форма логического субъекта совпадает с формой творительного падежа пассивных конструкций, форма же объекта – с формой винительного падежа активных предложений. Полупассивные предложения противоречат вербоцентрическому анализу предложений, поскольку условием их реализации является неодушевленность случайного производителя действия. Ср.: *Мотоциклист сбил щенка. → *Щенка сбilo мотоциклистом. / Щенка сбilo мотоциклом*. В качестве случайного агента могут выступать силы природы (*молния, волна*), природные вещества (*песок, снег*), предметы вооружения и техники (*пуля, граната; Машиной оторвало ему руку*), иногда произвольные реакции человеческого нутра: *Меня так и проняло страхом*. По мнению А.М. Пешковского (1956: 344), в таких предложениях «подлежащее устраняется [...] как неизвестная причина того явления, которое выражено в глаголе». Это замечание, однако, действительно только в отношении примеров типа *Чтоб тебя язвило! Лодку несло по течению*. Полупассивные конструкции по оценке Р. Мразека (1987: 104) наиболее распространены в русском языке. Сфера их употребления в украинском языке меньше, чем в русском (*Дорогу завіяло снігом*), в белорусском же языке их количество заметно меньше (*Дорогу заб'е снегам*). Они ограниченно реализуются в польском языке (*Drogę zawiało śniegiem*), в виде исключения появляются в словацком языке (*Zasypalo jich všetkých lavinou* 'Их всех завалило лавиной'). В венгерском языке им соответствуют активные личные конструкции: *Az utat hóval fújta be a szél*. 'Дорогу занесло снегом.' В немецком, английском языках этим конструкциям соответствуют личные активные или страда-

тельные предложения: *Der Wind hat den Weg mit Schnee verweht. / Der Weg ist vom Wind mit Schnee verweht. – The wind has covered the path with snow. / The road is snow-bound.*

3.4. Безличный подход подчеркивает неконтролируемость, стихийность действий, состояний и чувств и бессилие их носителей. На основании обилия типов безличных конструкций русский язык можно было назвать также языком, ориентированным на стихийность. В русском языке безличные предложения могут обозначать: а) явления природы: *Сверкает*; б) физические или психические состояния живого существа: *Меня знобит, Мне здесь страшно*; в) наличие или недостаток: *Еды хватит на троих*; г) модальные значения: *Как мне поступить?* Безличные предложения по способу выражения субъекта могут быть аккузативными (*Меня знобило*), генитивными (*Долгов накопилось*), дативными (*Мне плохо*), предложно-именными (*С мамой плохо, С неделю прошло*).

Считается, что безличный глагол выражает действие или состояние, протекающее само по себе, при котором употребление подлежащего невозможно. В предложениях типа *Вечереет, Морозило* подлежащее-субъект инкорпорирован в глаголе, предложения же *Меня знобит, Мне нездоровится, Мне жарко* изменяются аналитически по лицам (ср. *Я – ты, он – читал*). По Ю.С. Степанову (1990: 272) категория личности – безличности «градуируется по линии пространственно-временной определенности предмета, на который указывает субъект предложения». По его мнению, предложения *Здесь тепло, Там темно* безличные, «хотя слова „здесь“, „там“ имеют определенную референцию и являются подлежащими» (там же). Относительно референции Ю.С. Степанов прав, относительно подлежащего его мнение неприемлемо: *здесь, там* остаются обстоятельствами. Ср.: *Там в той комнате сегодня уже тепло*. Субъектная референция слов типа *тепло, темно* инкорпорируется в корне 4-х частей речи: существительных, глаголов, прилагательных и наречий: *теплота – теплый – теплеть – тепло одеться, темнота – темный – темнеть – темно горит свеча*. При пациентивной (страдательной и безличной) ориентации предложений формы сказуемого употребляются только в 3-м лице ед. числа. При выражении ориентации на стихийность в функции сказуемого употребляются глаголы и краткие формы прилагательных в форме среднего рода и ед. числа. Такие краткие формы прилагательных в одно время в грамматиках составляли категорию состояния (или предикативные наречия): *Мне нужна эта книга. – Мне нужно эту книгу*.

ЛИТЕРАТУРА

- Вежбицкая, А. 1997, *Язык. Культура. Познание*. Москва: Русские словари.
- Всеволодова, М.В. 2000, *Теория функционально-коммуникативного синтаксиса*. Москва: МГУ.
- Дурст-Андерсен, П.В. 1995, Ментальная грамматика и лингвистические супертипы. *ВЯ* № 6, 30–42.
- Мразек, Р. 1990, *Сравнительный синтаксис славянских литературных языков: Исходные структуры простых предложений*. Brno: Univerzita J. E. Purkyně.
- Пешковский, А.М. 1956, *Русский синтаксис в научном освещении*. Москва: Учпедгиз РСФСР, изд. 7-е.
- Степанов, Ю.С. 1990, Категория личности – безличности. В кн.: Ярцева, В.М. (гл. ред.), *Лингвистический энциклопедический словарь*. Москва: Советская энциклопедия, 272–273.

РОЛЯ НА ПЕРФОРМАТИВНИТЕ ИЗКАЗВАНИЯ
В СТРУКТУРАТА И СЪДЪРЖАНИЕТО НА ДИРЕКТИВНИТЕ
РЕЧЕВИ АКТОВЕ ВЪВ ВРЪЗКА С БЪЛГАРСКИЯ РЕЧЕВ ЕТИКЕТ

Татяна Иванова Попова

(Софийски университет „Св. Климент Охридски“, ДЕО, tania_ariania@abv.bg)

Етикетът е **антропоцентричен** и **диалогичен** – той отразява тази част от действителния свят, която е свързана с човека в отношението му към другите хора, а оттук – и с природата на човешката комуникация. „Етикетът е в пряка връзка с предписанията на езика и общуването“ (Мандева 2004: 26).

Често употребявани в комуникативните процеси и излизаци на преден план са съдържащите се в редица периферни езикови структури изразявания на **интенция**, на **модални отношения**, на **оценки**, на **емоционални състояния**. Като „периферни“ определя Н. Формановская (2007: 9) езиковите единици, които, отпадайки от линейната системно-структурна плоскост в прагматичното обемно пространство, получават нови, съществени за дейността на общуването черти и свойства, носят прагматична информация, която има **етикетно значение**.

На проучването на тези черти на езиковите единици, които, правейки възможно общуването, го превръщат в социално-комуникативно взаимодействие (най-малко между двама) с обмен на информативно и фатическо съдържание в съответствие със статуса, ролевите и личните отношения на комуникантите, определящи взаимното им въздействие един на друг чрез регулиране на речевото поведение с цел достигане на извънкомуникативен и комуникативен резултат; на тези „многократни образувания, зад чиято банализирана употреба се крие странна природа“ (Бенвенист 1993: 200), основно ще бъде обърнато внимание в настоящата разработка, като една от техните по-специализирани употреби и функции ще бъде обект на изследването, поставящо си за цел да посочи важността на ролята, която изпълняват перформативните изказвания в структурата и в съдържанието на директивните речеве актове, съставлящи част от корпуса на речевия етикет.

Названието на перформативните изказвания произлиза от *perform* – ‘изпълнявам, правя, осъществявам’ – глагол, съчетаващ се със съществителното *action* ‘действие’. Това, посочва Дж.Л. Остин (1986: 25), показва, че създаването на изказване се явява осъществяване на действие, като в този случай протича не „просто говорене“. На анализ първоначално били подложени делокутивни глаголи – „глаголи, образувани от изрази“ (Бенвенист 1993: 200), а съвсем скоро и изказванията-действия, получили название **пер-**

формативи. По думите на В.В. Богданов, цитиран от Ю.В. Вознесенская (2009: 135), перформативен глагол или експлицитно перформативно изказване се използва тогава, когато „илокутивната сила трябва да бъде изразена точно и еднозначно“. С помощта на „явните“ (Остин 2006: 274) – директно изразени перформативни глаголи, както и чрез използването на косвени речеви актове с имплицитна илокуция – „особено характерно за сферата на учтивостта“ (Пантелеева 1994: 94), поясняваме какъв точно акт се извършва при произнасянето на едно или друго изказване.

Перформативният глагол предикат (*Благодаря; Моля*) представлява и **минимално изказване**. В тази функция той напуска глаголната парадигма (*аз моля, ти молиш, той моли*) и встъпва с еквивалентни изказвания (*Моля Ви, Бих искал да Ви помоля, Мога ли да Ви помоля*) в други системни връзки, обусловени от общо **интенционално значение**.

Интенцията (комуникативното намерение на говорещия да изрази определено мисловно съдържание чрез езикова форма (Серебренников 1970)) може да се представи като замисъл да се построи речта в информативно или фатическо поле, в официално-делови, разговорен или в друг стил, в монологична или в диалогична форма, устно или писмено, по една или друга стратегия или тактика. Интенцията или комуникативно-интенционалното съдържание на изречението е явление, което се характеризира първо с това, че се актуализира само в условията на речево общуване и второ – че то се съотнася с някакъв факт, с условия, лежащи извън границите на даденото изречение (като такова условие И.П. Иванова, В.В. Бурлакова и Г.Г. Почепцов (1981) посочват речевата или друга реакция на адресата). **Речевата интенция** е намерението да се изпълни действие с помощта на такива средства като език – реч – изказване, т.е. – да се осъществи **речев акт**.

Речевият акт, съгласно теорията за речевите актове, представлява сложно образуване, състоящо се от три едновременни фази, нива, актове. Изборът и организацията на езиковите средства се осъществява във фазата на **локуцията** – акт на референция и предикация, изразена в пропозицията на изказването. Това е съдържанието, което представя семантиката на езиковите единици, отразява положението на нещата (Формановская 2007: 256). Фазата на **илокуцията** е най-същественият компонент на речевия акт. Там се осъществява комуникативното намерение на говорещия да извърши нещо с помощта на речта. Силата, функцията за въздействие върху адресата с помощта на изказването, осъщественото интенционално значение – това е основата на основите на речевото действие. Същността на речевата интенция като определено психично състояние е двустранна: от една страна, тя е мотив и цел, т.е. подбуждащ фактор на речевото действие, от друга страна – тя е психически субстрат, своеобразен денотат на значението на речеактовото изказване (пак там, 280). Фазата на **перлокуцията** настъпва при до-

стигане на илокутивно въздействие върху адресата и получаване на очакван/неочакван резултат. Перлокутивният ефект се разпознава по реакцията, действена/емоционална, на адресата, а речевото действие придобива значение (Ницолова 1984 по Вундерлих), при изменение на социалната ситуация.

Теорията на речевите актове е оказала значително влияние върху развитието на комуникативната лингвистика. Илокутивната сила (функция) на перформативното изказване-действие и перлокутивният ефект като възможна реакция на адресата определят речевия акт като **първична единица на общуването**.

Класификацията на речевите актове се определя от илокутивната сила, която притежава изказването. По-детайлна класификация може да се направи с помощта на допълнителни критерии като силата на речевия акт, статуса или позицията на съкомуникантите, техните интереси, определеното от илокутивната роля пропозиционално съдържание, отношенията на речевия акт към контекста, както и „възможността един речев акт да се изрази с изречение, което съдържа перформативен глагол“ (Ницолова 1984: 13 по Фивегер). Съществуват пет илокутивни цели (Сърл–Вандервекен 1986): асертивна, декларативна, комисивна, експресивна и директивна. Последната, която пряко засяга темата на настоящата разработка, се състои в извършването на опит да бъде заставен някой да направи нещо – в изразите, създадени с директивна цел, говорещият се опитва да подбуди слушащия да реализира линията на действия, репрезентирана в пропозиционалното съдържание на изказването. Тези подбуждения: предписания, заповеди, молби, указания, съвети и др. съставят класа на речевите актове, обединени под названието *директиви*.

Всеки речев акт, отбелязва Б.А. Серебренников (1970), обичайно се съотнася с някаква **типична ситуация**. Високата степен на истинско овладяване на езика, според него се определя от уменията да се каже нещо така, както е прието това в определени типични условия. За хармоничното взаимодействие на своите членове обществото изработва стандартизирани норми на социално поведение, представени чрез образци, шаблони. Поведението на индивидите, в това число и речевото, за да не бъде анархично, се осъществява в рамките на неписани (и писани) закони, изработвани от обществото по силата на многократно повторение на единични прояви в стандартни ситуации (Формановская 2007: 396). Преди всичко в социалното общуване се излага стандартизацията на най-простите, милиони и милиарди пъти повтарящи се комуникативни прояви, всяка от които носи атрибути на значимост, а съвкупността тях образува жизнено важната база, основа на човешките взаимоотношения. Във връзка с това етикетът и речевият етикет имат водеща роля, свързана съответно с поддържането на неантагонистични контакти при човешкото съжителство, както и със съобразяването и прила-

гането на регулиращи правила, които са въплътени в система на: 1. означаване на ситуациите и речевите действия (актове) на речевия етикет; 2. стереотипни изказвания – речеви перформативни актове, тематически организирани в комуникативно семантични групи. Контактите прерастват в семиотични стереотипи. Те се усвояват от детството в процеса на възпитание и се реализират в комуникативните ситуации (пак там, 397). За речевото поведение като автоматизирана, стереотипна речева проява, лишена от осъзната мотивировка, е типична употребата на **устойчиви формули**, „клишета“ за предаване на „стандартните“ ситуации при общуването. Отделни речеви актове, така наречените речеви ритуали, които са във висша степен конвенционални, са едновременно и културно обусловени.

Перформативност и илокутивност – това са двете, отбелязани от Остин измерения, на които се опира теорията на речевите актове.

Сърл и Вандервекен (Сърл–Вандервекен 1986) наричат илокутивните сили, имащи директивна цел, *директивни илокутивни сили*, а перформативните и илокутивните глаголи, притежаващи директивни илокутивни сили – *директиви*, например – *моля, нареждам, изисквам, заповядвам, подбуждам, подстрекавам, скланям, умолявам, съветвам, препоръчвам*.

В класа на **директивните** речеви актове вторият член на групата след типа *Аз Ви моля* се оказва **императивно изказване**, като при това императивната форма е образувана от глагола на конкретното действие, т.е. представлява обозначение на бъдещото действие на адресата, а интенционалното значение на изказването преминава в имплицитно подбудително перформативно допълнение – *Моля (съветвам) те направи това*. М. Жерева (2012: 27) отделя следните основни типове перформативи маркери за подбуждане към действие: 1. перформативи, които предписват действия на адресата – заповед, разпореждане, изискване, забрана. Тези речеви актове са основани на приоритета на говорещия, на неговия висок статус, власт. Такива още са и командите, наставленията, принудите, по Формановская (2007: 309), определяща тази група като група на инюнктивите; 2. перформативи, подбуждащи към действие, което се извършва в интерес на говорещия – молба, покана, предупреждение, предсказване, разрешение; 3. перформативи, които изразяват съвет, предложение за осъществяване на някакво действие или изменение на положението на нещата. По Формановская (2007), подбудите, които не се определят и не са зависими от социалните признаци и положение на говорещия, съставят две групи по признака „изгода“, „полза“ от бъдещото действие. Ако то е в полза на говорещия, това са молбите – реквестиви. Ако ползата е насочена към адресата, това са съветите, инструкциите, препоръките, поканите – адвисиви. **Подбудителността** е една от водещите цели на говорещия, отразяваща неговата волеизява, от една страна, а от друга – подбуждането към действие на ад-

ресата. По този начин тук се комбинират *аз искам* и *ти си длъжен*. С това се свързва семантико-синтактичната сложност на подбудителното изказване като „двусубектно“: *Съветвам те да промениш решението си*, например, където говорещият *аз* се явява субект на речевото действие, чиято интенция е „съвет, съветвам“, която се изпълнява „тук“ и „сега“ и е насочена към адресат – обект на въздействие. На свой ред адресатът на интенцията се оказва субект на бъдещо действие, обозначено като „промяна“ (на решението), към което е подбуден от адресанта.

Смята се (Формановская 2007: 294), че императивът нагледно демонстрира множествеността на понятието парадигма, дори като се прилага към една граматична форма: от гледна точка на „мрежата“ от глаголни форми императивът се разглежда като повелително наклонение, от гледна точка на теорията на речевите актове – като минимално адресирано подбудително изказване, лежащо в речевата зона на *аз – ти* отношенията. Следователно императивът от позицията на речевите актове не се разглежда в парадигма *правя, правиш...*, а в парадигма на перформативни изказвания с широко интенционално значение на подбуждение (в императивната ситуация „се реализира регулативната подбудителна функция на перформатива“ (Жерева 2012: 27)) – *Направете това, моля; Бихте ли направили това?; Ще Ви затрудни ли да направите това?* В този прагматичен ред императивът има и отношение към категорията наклонение, но сам по себе си той предава единствено обобщено значение на волеизява-подбуждение, като във всяка ситуация на общуване се конкретизира като съвет, като молба, забрана и т.н.

В подбудителните ситуации, свързани с **речевия етикет**, са били отделени структури с модални думи (като важен признак на изказването, както и на свързаните с него пресупозиции, модалността е част от субективната информация, от отношението на субекта към обективното съдържание на изказването) и глаголна форма в *да*-конструкция – *трябва, необходимо, задължително е да направиш* – за изискване, молба, заповед; *няма да е лошо, по-добре би било, струва си да направиш* – за изразяване на съвет; *не трябва, недопустимо е, не се разрешава да* – за забрана. Конструкцията с модална дума + глагол в *да*-конструкция, приложена с перформативна употреба, образува член на перформативна група: *Искам да Ви благодаря; Готов съм да се съглася с Вас; Принуден съм да Ви откажа*. В едни случаи модалният компонент на изказването е представен от глагола *искам*, в други от *мога*, в трети – *готов съм*, в четвърти – *радвам се*, също и – *принуден съм, длъжен съм* и т.н. Глаголът в *да*-конструкцията на перформативната група, съчетан с модалната дума, притежава интенционална семантика в изказването. Глаголи с неинтенционална семантика не могат да участват в перформативна употреба – *Искам малко да си почина* – изразът е съобщение за желанието да направя нещо, което не изисква отговор – *Починете си, щом*

искате, например. Такава ответна реакция не е допустима при речевите актове с перформативна употреба на глагол в *да*-конструкция и модална дума, особено в етикетния клас от изрази – *Искам да Ви благодаря!* – **Благодарете ми; Искам да Ви помоля* – **Помолете ме; Искам да Ви поздравя!* – **Поздравете ме*, където реалността на речевия акт „тук“ и „сега“ е налице, а фокусът на вниманието е съсредоточен в този случай не върху субективната модалност на желанието, а върху интенционалното значение на перформативната *да*-конструкция на глагола, като на тези изказвания са еквивалентни – *Благодаря, Моля, Поздравявам Ви*, както е и при *Мога да се закълна* – *Заклевам се; Мога да Ви посъветвам* – *Съветвам Ви*. С перформативна употреба може да бъде приложена и следната конструкция: модален компонент, участващ в състава на сложна форма на условно наклонение (сложните форми на условно наклонение се употребяват за „изразяване на «деликатност», скромност – проличава някакво колебание при искането на някаква услуга, например“ (Пашов 1999: 185) – *Бих те помолил да отидеш ти до магазина*) + глагол в *да*-конструкция – *Бих искала да се извиня; Бих могла да Ви посъветвам*. Отново е налице реалност на речевото действие в момента на говорене, както и невъзможност, по-скоро непрепоръчителност от гледна точка на етикетията, за ответна реакция. Недопустими са и такива изрази като – **Бих Ви заповядал; *Бих Ви се извинил; *Бих Ви благодарил* (освен, ако не става дума за някава специфична речева ситуация, която позволява на адресанта подобна реплика като – *Бих Ви заповядал веднага да излезнете от тук, но ще почакам да видя докъде ще стигне наглостта Ви*, например, където формата е носител и изразител на определено положение и състояние на адресанта и отношението му към слушателя) като речеви актове на заповед, извинение, благодарност, докато е съвсем допустима употребата на следния начин за изразяване на молба – *Бих Ви помолил; на съвет* – *Бих Ви посъветвал*.

Изразяване на перформативност срещахме и при изказванията със съчетание на императив (*Разрешете, Позволете*) + перформативен глагол в *да*-конструкция (*да Ви благодаря; да Ви поздравя*), също еквивалентни на преките перформативни изказвания (*Благодаря Ви, Поздравявам Ви*), но притежаващи социостилистичен оттенък на официалност (Формановская 2007: 297). Официален оттенък имат и изказванията, образувани от императив + девербатив, представляващ номинация на интенцията (*Приемете благодарността ми*), както и с глагол от 1 л. (*Поднасям благодарността си*).

Извън императивните и преките перформативни изказвания подбуждение се изразява в езика и речта чрез множество най-разнообразни стереотипни и нестереотипни структури.

В центъра на семантико-прагматичното поле на подбудителността намира място молбата. **Молбата** не е свързана със статусните и ролеви при-

знаци на комуникантите (*Трябваше да ме помолите, щях да ви откъсна каквото пожелаете* – Крадецът на праскови, Ем. Станев), действащите лица не са познати, „крадецът“ – сръбски военнопленник, „стопанката“ – жена на полковник). Ограничението се свързва само със знанието на говорещия за възможностите на адресата да осъществи действието, за което е помолен. Силен прагматичен признак е това, че молбата е реквестив – резултатът от действието, извършено от адресата, е в полза на молящия. Тогава императивните конструкции съдържат максимум **вежливост**, като тяхната функция е да действат като социално „погалване“ (Формановская 2007: 310), особено в сферата на *Вие*-общуването. Когато *моля* е в съчетание с кратка местоименно винителна форма (*моля те; моля Ви*), молбата, според К. Цанков (1969), е едновременно учтива и строга, като, според мен, когато обръщението е във 2 л., ед. ч, тя носи и признак на близост между общуващите, а при подходяща интонация може да се превърне дори в заповед „без възражение“ (пак там, 42) – *Моля те, излез!* Заповедта и изискването не са съпроводени със задължителна вежливост; при съвета тя също не е задължителна, както и при предупреждението и забраната. За молбата вежливостта е obligatorна, тя е етикетно зададена (както пише Н. Формановская (2008), да помолим – трябва вежливо) относно *Вие*-партньорите. При това значение има и степента на сила, интензивността на речевото действие на говорещия, която е свързана с важността от извършването на някакво действие от адресата.

К. Цанков (1969) посочва няколко значения на маркера за вежливост *моля* при самостоятелна употреба, които обслужват **речевия етикет**: 1. *моля* с въпросителна интонация, използвано от говорещия, когато не е дочул реплика на съкомуниканта си, със смисъл – *Моля, повторете (ако обичате)*; 2. *моля* – за привличане на вниманието (отправена в обикновена битова ситуация към човека, на кого вече е дошъл реда в магазина, например, или пък в случай като следния: – *Кой е? – Моля, по служба!* (Лице, Бл. Димитрова)); *моля* – вместо (или заедно със) *заповядайте*; 3. вежлива, но и настояща молба – с помощта на конструкция с повелителна форма на спомагателния глагол *съм* – *бъди (така добър)*, като ефектът се подсилва с трансформацията на конструкцията от подбудителна във въпросителна (*Ще бъдете ли така добър да ми кажете истината?*); 4. използване на въпросителни изречения за изразяване на молба. Молбата става по-вежлива, ако започва с модалния глагол *мога* (във 2 л., ед. или мн. ч., в сегашно или в бъдеще време, както и в безлична употреба), последван от *да*-конструкция – *Може (можеш) ли да ми помогнеш?*; 5. за изразяване на „подсилена вежливост“ (Цанков 1969: 67) се употребяват форми за условно наклонение. Силно изразена, подчертана вежливост, има в етикетна формула, изградена с отрицателна конструкция – *Господине, не бихте ли ми задържали вратата?*

Значението на *моля* може да се определи като: „обръщам се с кротки думи към някого, скланяйки го да извърши желаното от мен“ (Стефанова 1997: 84, по Л. Андрейчин).

Когато молбата не постига перлокутивен ефект, говорещият прибегва към **умоляване, уговаряне, увещаване**, добавяйки в текста си убедителност като усилвател, за да разбере събеседникът важноста на молбата: *Наистина Ви моля; Какво ще ви струва това; Влезте ми в положение* (просене на съчувствие); *За мен това наистина е важно* (аргументация) и т.н. Тук не толкова вежливостта, колкото силата на убеждението, че говорещият не може да постигне поставените си цели без помощта на адресата, е от по-голямо значение. В общуването между близки самото действие може да бъде полезно именно за адресата, но субективно се усеща като необходимо за говорещия (*Умолявам те, облечи се топло*). В тези случаи често се употребява експлицитен перформатив, но още по-често интенцията изисква за реализацията си целия текст/дискурс – *Наистина, елате у дома!* (Лице, Бл. Димитрова). По-„гореща“ молба се изразява, когато се използва възвратната конструкция *моля ти се* – молбата може да се подсили, като се прибавят модификатори – наречия или адвербиални изрази – *много Ви се моля; от сърце (от цялата си душа) ти се моля*.

Инюнктивите са такива речеви действия, при които говорещият притежава правото да заповядва, да командва, да изисква. При това изгодата, ползата е насочена към говорещия, но не към неговата личност, а към неговата роля и положение – заповядвайки, говорещият изпълнява свой служебен или ролеви (Формановская 2007: 312) дълг.

Заповедта обичайно е официална и извъндиалогова – тя не изисква отговорно съгласие или отказ. Пропозицията на перформатива е пряк перформатив *Заповядвам – Ще стреляш по всеки, който влезе в лозето – заповяда му той, като му предаваше пушката* (Крадецът на праскови, Ем. Станев), със семантична структура, която може да бъде предадена така: *Заповядвам ти да стреляш...*, а самият акт на предаване на пушката изразява невъзможността за наличие на отказ или съгласие. Друг вид заповеди са близки до твърдите изисквания. Що се отнася до **командата**, която нерядко бива отъждествявана със заповедта, то при нея „няма време“ да се прибегне до перформативен показател за характера на речевото действие, имащо подобен израз – *(Аз) командвам*. Поради това говорещият често използва еднословни или немногословни косвени конвенционални формули, където илокуцията е имплицитна, а пропозицията е явна – *Пиши!; Стани!* (в това число се включват военните команди); *Излез, излез веднага!* (Крадецът на праскови, Ем. Станев); *Идвайте, ви казвам!* (Лице, Бл. Димитрова). Командите на учителя към учениците, обаче, са завоалирани, той нерядко прибегва към индикативни формули, изразяващи съвместно действие – *Отва-*

ряме *тетрадките и пишем!* Ако, според учителя, действието на учениците е не достатъчно бързо, в речта му намират място и форми в минало неопределено време – *Открили сме упражнението; Поправили сме грешките*, за да подчертае, че в момента на говоренето вече има някакъв резултат, накакво ново състояние, „породило се е някакво ново отношение“ (Пашов 1999: 153). **Изискването**, като инюнktiv, е силно, категорично речево действие, оформено в битовите ситуации като императивно изказване без актуализиране на вежливост – *Ела насам!; Не приближавай!* В официална ситуация се прилага пряк перформатив – *Изисквам от Вас да изпълнявате задълженията си!* Нерядко изискването *Вашият билет!; Вашият паспорт!* се смекчават под формата на молба – *Моля да ми покажете билета си!* В тези случаи действието на адресата не е нужно лично за говорещия, а само доколкото той изпълнява задълженията, характерни за определена социална позиция (контрольор, например). Когато изгодата, ползата от действието на адресата е насочена към личността на говорещия, изискването граничи с молба. **Забраната и принудата** са видове отрицателни инюнktиви. Забраната е извършване на неблагоприятно за адресата действие, като социалното положение на адресанта е толкова безспорно, че той може и да не скрива намерението си, а открито да изрича забраната чрез експлицитен перформатив: *Забранявам ти да ми говориш по този начин!*, например, както и: *Забранявам носенето на обеци в училище!*, типични са заповедите с обществен характер – *Влизането на външни лица забранено!; Забранено внасянето на храни и напитки!* В много комуникативни ситуации говорещият се старае да прикрие неблагоприятното действие на забраната по косвен начин – *Не ти ли се струва, че тази вечер е по-добре да си останеш вкъщи.* Забраната е представена като съвет, препоръка (*Аз те съветвам да не ходиш* (Крадецът на праскови, Ем. Станев)), а доказателство, че този речев акт не е съвет, а забрана, намираме в контекста, и по-точно в следващата реплика – *Никоя порядъчна жена не бива да вижда такива безобразия.* Функция на смекчаване на забраната изпълняват ситуативно-контекстуалните „обходи“ (Формановская 2007: 315) на пряката заповед чрез косвени речеви актове с помощта на субективно-модални елементи: в първата част на изказването – модална дума на неувереност, размисъл, а във втората – препоръка да се постъпи по друг начин (*Струва ми се, че е възможно да постъпиш и по друг начин*); както и конструкции с модалност на желание (*Би ми се искало да постъпиш по друг начин*). Говорещият може да прибегва и към различни видове оценъчни изказвания, в това число и негативна оценка спрямо адресата – *Не ти подхожда такова поведение; Това не ти стои добре*, както е възможна и оценка на състоянието и реакцията на говорещия – *Не мисля, че това е добре; Това ще завърши зле.* Що се отнася до **принудата**, то експлицитен перформатив с такова значение отсъства – *Заставям те; Принуждавам Ви.*

Подобна употреба би довела до илокутивно самоубийство. Изпълняването на фатическото действие е толкова нежелателно за адресата, че говорещият скрива намеренето си зад молба, уговаряне. Всъщност принудата, заставянето започва тогава, когато говорещият се досеща или предполага за нежеланието на адресата да откликне на дадена молба, като говорещият е сигурен, че адресатът не само, че може, че е способен, но и че е длъжен да изпълни това, за което го молят, а след това, или поради съмнението, че ще откликне на молбата – принуждават, например: *Ела да ми платиш фиданките и да се потъкмим човешки, защото иначе ще те изправа пред зелената маса!* (Дум-Павли и магаретата, Чудомир); или: *Ще дойдеш ли с мен да изберем подарък за Ина? – Не можеш ли и сама... – Не! Необходимо ми е мнението ти. Ела с мен, а? – Не ме карай да правя неприятни за мен неща. – Моля те, какво ти струва? – Ох, хайде да тръгваме и да се свършва побързо!* В текста има и молба, и отказ, и принуда, и повторение на молбата, и отказ с аргументация, включваща имплицитно желание за „влизане в положение“ и разбиране, и уговаряне, и недоволство, и отстъпка, и съгласие.

Адвисивите – съвет, препоръка, предложение, покана, се характеризират с това, че като резултат от действието „печели“ адресатът. За съвет, предложение, покана обикновено се благодари, но не и за изискване, заповед, молба. Различават се ситуации на „неискан“ и на „искан“ (Формановская 2007: 318) **съвет**. В първия случай или адресатът не моли за съвет, но го иска, не го отхвърля, или става дума за съвет, който не е искан и не е премлив, като възниква ситуация на отхвърляне на съвета – или чрез вежливо *Вие-общуване*: *Благодаря, ще помисля върху вашето предложение; Може би имате право, но ще опитам по моя начин*, или при приятелско, фамилиарно или грубо *ти-общуване*: *Никой не те пита!; Ще мина и без твоите съвети!; „Единственото, което мога да ви посъветвам: да се запишете задочник след година-две, тъкмо време да узреете идейно. – Благодаря, презрял съм вече!“* (Лице, Бл. Димитрова). В ситуациите на „искан“ съвет молбата за съвет се осъществява в съответствие с приетите начини на изразяване на молба – *Посъветвайте ме, моля; Бихте ли ми дали съвет от-носно; Искам да Ви помоля за съвет*. В контекста на молбата и на съвета нерядко се срещат комплименти към партньора – *Вие най-добре ще ме разберете; Имате по-голям опит, дайте ми съвет*, среща се и обосноваване върху недостатъците на собствения опит и знание – *Не знам как да постъпя* и др.

Препоръката, за разлика от стилистично неограниченото съветване, е приета в официалното общуване и се осъществява от висшестоящо лице – *Препоръчвам Ви да не избързвате с оставката си. Предложението* може да означава предписание нещо да се изпълни – *Предлагам ти да прочетеш тази книга по време на отпуската си*. По-скоро към предложението, би трябвало да се съотнесе следният речев акт: *Ставай! Ставай, че работа ни чака*

(Село, Чудомир), а не към заповедта, тъй като при употребата на императива се прилага аргументация със смисъл *предлагам ти да станеш, защото...*, която смекчава заповедния тон. Глаголът *предлагам* може да се употреби в две значения: ‘искам, предписвам нещо да се направи’ и ‘поднасям, предоставям нещо някому’. Има и още едно тълкуване – да се представи на обсъждане някаква възможност (проект, например). **Поканата** притежава експлицитни (*Каня ви на вечеря в събота вечер; Предлагам Ви разходка в парка; „Половин глас, придружен от половин жест за поканване: – Ех, заповядайте!“* (Лице, Бл. Димитрова)) и имплицитни (*– Хайде, какво чакате! – сопва се и щраква електрическия бутон в антрето* (Лице, Бл. Димитрова)) показатели за място, време, цел. В речевите актове **предупреждение**, насочени към предотвратяването на възможни бъдещи нежелателни събития (*Предупреждавам ви, ще се разкайвате!* (Лице, Бл. Димитрова)), съевременно се извършва и акт на подбуда – преди тяхното настъпване – *Навий си часовника, да не забравиш после*. Сред директивите интерес представляват речевите актове за **подстрекателство** – подбуждане към не толкова „балговидна“ (Формановская 2007: 321) постъпка. От това става ясно, че тук не може да се използва пряк перформативен предикат (*Подстрекавам те*), защото това би довело до илокутивно самоубийство. *Я се опитай, да те видя!* (Дум-Павли и магаретата, Чудомир) – в този случай подстрекателството към действие е реакция на заплахата и може да цели или неосъществяването на заплахата от отсрещната страна, или демонстрация на сила и вътрешна убеденост за справяне със ситуацията. В повечето случаи за удовлетворение на интенцията подстрекателство се изгражда верига от речеви актове, разгарящи страстта и хазарта на адресата, за да се реши той на такова действие – Формановская (пак там). Съответният перформативен глагол, предизвикващ илокутивно самоубийство, успешно и леко може да се употреби с отрицание – *Не те подстрекавам; Не искам да ти влияя*, но без да носи всъщност интенционално значение на отмяна, отрицание на подстрекателството, като е възможен и допълнителен отенък на оправдание или извинение.

Разглеждането на основните директивни речеви актове и предизвикващите ги и отразени в тях речеви интенции показва, че тези речеви актове се отличават с висока степен на интензивност. Различията се свеждат и до степента на скритост/откритост на комуникативното намерение на говорещия, също и към това, получава ли интенцията осъществяване чрез единично изказване (молба), или за това се изисква верига от изказвания (умоляване), или диалогичен дискурс (принуда). В настоящата работа беше показано как ритуализираните речеви актове, като част от етикета, представляващ правила на ритуализирано поведение (в по-широк смисъл – социално), които отразяват важните, съществени за дадено общество морални

и етични норми, свързани в частност със статусните и ролеви признаци на общуващите, създават отделни социоопределящи перформативни актове, които, обаче, не са привързани към строго определен дискурс или жанр, като това се определя от функцията, която изпълнява перформативът. Основно бяха разгледани молбата, изискването, заповедта, командата, забраната, принудата, съветът, препоръката, предложението, поканата, предупреждението, подстрекателството като елементи от класа на директивните речеви актове, за да се стигне до извода, че **всяко ритуализирано перформативно речево действие се възприема не като информация, а като етичен код с ценностен характер** (понятието за изискана или правилна (Блумфилд 1968) реч е допълнителен продукт на определени социални условия, като според автора, лингвистът е длъжен да изучава тези факти така, както изучава и другите езикови явления).

ЛИТЕРАТУРА

- Бенвенст, Е. 1993, *Езикът и човекът*. София: Наука и изкуство.
- Блумфилд, Л. 1968, *Язык*. Москва: Прогресс.
- Вознесенская, Ю.В. 2009, Перформативные глаголы как эксплицитное речевое средство выражения конфликта в политической коммуникации: на материале немецкого языка. *Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена* № 101. Санкт-Петербург, 135–140.
- Жерева, М. 2012, *Перформативи и перформативни изказвания в съвременния български език. Автореферат*. http://www.uni-sofia.bg/index.php/bul/.../1/.../avto_referat_M.Jereva.pdf
- Иванова, И.П. – Бурлакова, В.В. – Почепцов, Г.Г. 1981, *Теоретическая грамматика современного английского языка*. Москва: Высшая школа.
- Мандева, М. 2004, *Лингво-методически основи на етикетното обучение в българското начално училище*. Велико Търново: Фабер.
- Ницолова, Р. 1984, *Прагматичен аспект на изречението в българския книжовен език*. София: Народна просвета.
- Остин, Дж.Л. 1986, Слово как действие. В: Городецкий, Б.Ю. (ред.), *Новое в зарубежной лингвистике, вып. 17: Теория речевых актов*. Москва: Прогресс, 22–129.
- Остин, Дж.Л. 2006, *Три способа пролить чернила: Философские работы*. Санкт-Петербург: Алетейя – Изд. дом СПб.ГУ.
- Пантелеева, Хр. 1994, *Грамматика на вежливата реч*. София: Наука и изкуство.
- Пашов, П. 1999, *Българска граматика*. Пловдив: Хермес.
- Серебрянников, Б.А. (отв. ред.) 1970, *Общее языкознание: Формы существования, функции, история языка*. Москва: Наука.

- Сёрль, Дж. – Вандервекен, Д. 1986, Основные понятия исчисления речевых актов. В: Петрова, В.В. (общ. ред.), *Новое в зарубежной лингвистике, вып. 18: Логический анализ естественного языка*. Москва: Прогресс, 242–263.
- Стефанова, М. 1997, *Познаваме ли българския речев етикет*. София: Психолингвистика и социолингвистика.
- Формановская, Н. 2007, *Речевое взаимодействие: Коммуникация и прагматика*. Москва: ИКАР.
- Формановская, Н. 2008, *Русский речевой этикет*. Москва: ЛКИ.
- Цанков, К. 1969, *Речев екетет*. София: Просвета.

ИЗТОЧНИЦИ

- Димитрова, Бл., *Лице. Събрани творби, т. 11*. София: ТИХ-ИВЕЛ, 2011.
- Станев, Ем. 1973, *Крадецът на праскови*. София: Български писател.
- Чудомир. *Съчинения в три тома, т. 1: Разкази и фейлетони*. София: Български писател, 1980.

КОНТРАСТИВНЫЙ АНАЛИЗ АНАФОРИЧЕСКИХ МЕСТОИМЕНИЙ В ВЕНГЕРСКИХ И РУССКИХ СЛОЖНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ¹

Мартина Каталин Сабо

(Szabó Martina Katalin, Szegedi Tudományegyetem, BTK,
Nyelvtudományi Doktori Iskola, szabomartinakatalin@gmail.com)

0. Введение

В данной работе рассматривается использование анафорических местоимений единственного числа третьего лица в сложных предложениях в русском и венгерском языках. Исследовательским материалом анализа служат результаты тестирования завершения сложных предложений. Свойства использования анафорических местоимений анализируются, прежде всего, с точки зрения теории имплицитной каузальности.

Имплицитная каузальность – это относительно новая теория (Dankovics 1998), касающаяся факторов, влияющих на процесс интерпретации анафорических местоимений. Согласно теории, определенный семантический признак, а именно имплицитная каузальность глагола определяет выбор антецедента местоимения из круга возможных антецедентов. Тестирование имплицитной каузальности глаголов разделяется на два основных типа: тестирование понимания и тестирование использования анафорических связей, в зависимости от того, какой тип глагола содержат тестовые предложения. Исследования, относящиеся к первой группе, рассматривают временную характеристику осмысления анафорической связи или ищут ответ на вопрос: какая именная группа (ИГ или NP) выбирается антецедентом анафоры у отдельных глаголов. Исследования второго типа занимаются, в большинстве случаев, эмпирическими данными о завершении предложений в зависимости от глагола в предложении. Данная работа опирается на второй метод.

Структура тестовых предложений следующая: *NP1 V NP2, союз...*, в которой как NP1, так и NP2 – существительные единственного числа третьего лица. Эта конструкция заслуживает внимания, так как она позволяет реализовать местоименное анафорическое отношение, не обладающее однозначной репрезентацией. Например (Caramazza–Grober–Garvey 1977: 601):

¹ Это исследование было поддержано Венгерским комитетом стипендий (Magyar Ösztöndíj Bizottság).

- (1) *John¹ telephoned Bill² because he^{1/2} wanted some information.*
 ‘Джон позвонил Биллу, так как он нуждался в информации.’

С помощью данного исследования, в первую очередь, мы постараемся получить информацию о следующих свойствах русского и венгерского языков: во-первых, как соотносятся русские и венгерские глаголы с точки зрения имплицитной каузальности; во-вторых, можно ли наблюдать влияние других тенденций (стратегия параллельных функций; подлежащее как предпочитаемый антецедент; минимальная дистанция; см. Dankovics 1998) на продолжение предложений, если да, то при каких обстоятельствах; в-третьих, в зависимости от того, на какую именную группу (NP1 или NP2) реферирует анафорическое местоимение во второй части сложного предложения, какими анафорическими средствами пользуются в продолжении предложений; в-четвертых, что случится, если мы заменим союз *потому что/mert* союзами *однако/de, u/és* и *поэтому/ezért*? Какие соотношения можно установить между употреблением различных союзов и эффектом имплицитной каузальности, а также эффектом других тенденций в русском и венгерском языках?

Учитывая то, что количество данных, собранных и проанализированных в ходе нашего анализа, ограничено, данная работа считается предварительным исследованием, и результаты, представленные в работе, не являются конечным итогом.

Работа разделяется на следующие части: в первом разделе определяется понятие анафоры и рассматриваются свойства русского и венгерского языков, касающиеся употребления анафор; во втором разделе представляются главные теории использования и осмысления анафорической связи, а более подробно – теория имплицитной каузальности; в основном, третьем разделе работы помещены цель и ход исследования, затем анализ эмпирических данных; в заключительном, четвертом разделе подводятся итоги и обсуждаются перспективы дальнейших направлений исследования.

1. Анафорические связи в русском и венгерском языке

Анафорическое отношение – это отношение между языковыми выражениями, состоящее в том, что в смысл одного выражения входит отсылка к другому (см. Кобзарева 2003: 3–4). В связи с этим, анафорическое отношение составляют два члена: анафора и ее антецедент, которые обозначают один и тот же внеязыковой объект или ситуацию, иначе говоря, они имеют один и тот же референт. В анафорической конструкции (в отличие от катафорической) антецедент анафоры предшествует самому анафорическому выражению.

В венгерском языке, именная группа, выполняющая роль подлежащего в предшествующей части предложения и выполняющая ту же самую функцию в последующей части предложения, всегда заменяется местоимением нулевой формы (Яношка 1984: 20). Однако, в русском языке эта замена не обязательна. Рассмотрим примеры (там же):

- (2) а. *Péter¹ megszerette Máriát² és Ø¹ feleségül vette Ø².*
 б. *Петр¹ полюбил Марию² и Ø/он¹ женился на ней².*

По мнению Ш. Яношки (там же, 34), одна из причин того, что в русском языке личное местоимение «в функции подлежащего употребляется чаще, чем в венгерском языке», состоит в том, что в русском языке – в отличие от венгерского – в прошедшем времени глаголы не обладают категорией лица (РГ 1980: § 1384; Гуськова 2009: 105–106). Примеры (Яношка 1984: 34):

- (3) а. *Однажды я¹ с спокойной мамушкой² поспорил: она² кричала, Ø² не хотела меня¹ слушать.*
 б. *Egyszer megboldogult anyámmal¹ Ø² összetűztem: Ø¹ kiabált, Ø¹ nem akart meghallgatni Ø².*

Пример (3б) демонстрирует, что местоимение-подлежащее последующей части предложения, ссылающееся на N-подлежащее предшествующей части предложения, не редко заменяется местоимением нулевой формы (Яношка 1984: 56), так как благодаря свойству спряжения глаголов однозначно определяется, какой элемент является антецедентом местоимений.

Ч. Плех (Pléh 1994; см. Dankovics 1998: 124) относится к данному вопросу несколько радикально: по его мнению, в венгерском языке личные местоимения употребляются только в том случае, если мы хотим выразить контрастивный топик.²

Кроме вышеописанного различия между венгерским и русским языками, примеры (2)–(3) также демонстрируют следующие различия: в венгерском языке существует определенное и неопределенное спряжение глаголов, что дает возможность ссылаться на предшествующее прямое дополнение единственного числа с помощью местоимения нулевой формы. В то же самое время, подобной дихотомии в русском языке не существует (РГ 1980:

² Контрастивный топик, или контрафокус (Kenesei 1989: 116) – это своеобразный характер интонации и ударения в предложении, которым определяют некоторые выражения, находящиеся перед топиком предложения. Присутствие контрастивного топика значительно влияет на семантическую интерпретацию предложения (Szabolcsi 1981). Подробнее см. Gécseg 2001.

§ 1384–1407), поэтому ссылка на предшествующее прямое дополнение с помощью местоимения нулевой формы либо невозможна (см. пример (26) и (3а) выше), либо она встречается только изредка. См. пример (4) из работы Ш. Яношки (1984: 35):

- (4) *Она¹ любила Ричардсона² не потому, чтобы Ø¹ Ø² прочла.*

В дискуссиях об употреблении указательных местоимений в анафорических конструкциях исследователи соглашались с тем, что по значению указательное местоимение соответствует личному местоимению (Dankovics 1998: 121). Однако, относительно правил употребления указательных местоимений мнения исследователей расходятся.

В русском языке, как представляет Ш. Яношка (1984: 35), указательное местоимение *тот* может ссылаться как на предшествующую, так и на последующую именную группу в предложении.

- (5) а. *Он¹ оглянулся на Варвару²: та² сидела, закрыв лицо руками.*
 б. *Старшего сына Костю¹ Бахаров² тоже очень любил, но тот¹ почти совсем не жил дома.*

На основе опыта анализа текстов, Ш. Яношка (1984: 58) установил, что в русском языке вместо личного местоимения указательное отсылает исключительно только в функции подлежащего последующего предложения к N-неподлежащему предшествующего предложения. Иными словами, указательное местоимение употребляется в случае несовпадения референтов подлежащих.

В венгерском языке, по мнению Ч. Плеха (Pléh 1994; см. Dankovics 1998: 124), указательное местоимение отсылает к последней именной группе. Однако эту гипотезу не подтверждают эмпирические данные. Рассмотрим венгерский перевод (Яношка 1984: 35) русского предложения (56):

- (6) *Kosztját, az idősebbik fiút¹, Baharov² szintén nagyon szerette, de az¹ szinte egyáltalán nem lakott otthon.*

Г. Толчвай Надь (Tolcsvai Nagy 2000: 222) считает, что указательное местоимение *az* 'тот' отсылает к такому потенциальному антецеденту предшествующего предложения, референт которого находится далеко от внешнего субъекта по семантике текста. Иными словами, употребление указательного местоимения определяется углом зрения внешнего субъекта.

- (7) *János¹ odafordult a barátjához². Az² kérdezett tőle¹ valamit.*
 ‘Янош обратился к другу. Тот что-то спросил у него.’

Как Г. Толчвай Надь (Tolcsvai Nagy 2000: 222) объясняет пример (7), друг Яноша представляет собой лицо, находящееся вдали как от внешнего субъекта, так и от Яноша.

Однако, на мой взгляд, то, как Г. Толчвай Надь определяет свойства использования указательного местоимения, не совсем однозначно и точно. Рассмотрим пример ниже:

- (8) *(János és én az utcán beszélgettünk.) Egy járókelő¹ kérdezett valamit Jánostól², de az² nem válaszolt.*
 ‘(Янош и я разговаривали на улице.) Прохожий что-то спросил у Яноша, однако тот не ответил.’

Как демонстрирует пример, указательное местоимение может указывать также на такой субъект предшествующего предложения, референт которого находится близко к внешнему субъекту.

Ш. Яношка (1984: 57) предполагает, что правила использования указательных местоимений в венгерском языке почти полностью совпадают с соответствующими правилами в русском языке: «при смене подлежащих кореферентной парой N-подлежащего предшествующего предложения в функции подлежащего последующего предложения выступает указательное местоимение».³ Иначе говоря, указательное местоимение *az* ‘тот’ обеспечивает замену референта подлежащего (Pléh 1994; см. Dankovics 1998: 124). В то же время, необходимо помнить, что указательное местоимение выступает в роли подлежащего последующего предложения не во всех венгерских предложениях. Указательное местоимение *az* ‘тот’ может выполнять не только функцию подлежащего, но и, например, функцию прямого дополнения:

- (9) *János¹ kérdezett valamit a barátjától², de az² ez a téma nem érdekelte.*
 ‘Янош что-то спросил у своего друга, однако того эта тема не интересовала.’

³ По мнению Ш. Яношки (1984: 58), в русском языке, в отличие от венгерского, на правила использования указательных местоимений влияют также два других фактора: род и число референта. Однако, с точки зрения данного исследования они не релевантны.

2. Основные принципы осмысления анафорической связи

Большинство исследований, посвященных проблеме анафорической связи, касается английского языка (Dankovics 1998: 126). Вследствие этого, основные теории осмысления анафор образовались в ходе анализа английского языка. К ним относятся (там же, 126–127): а) стратегия параллельных функций, б) подлежащее как предпочитаемый антецедент, в) минимальная дистанция и г) имплицитная каузальность.

В случае стратегии параллельных функций мы выбираем антецедентом анафоры элемент, который обладает той же самой синтаксической функцией, что и анафора (там же, 126). Например:

- (10) а. *Bill¹ hit Oscar and he¹ slapped John.*
 ‘Билл ударил Оскара и он дал пощечину Джону.’
 б. *Bill hit Oscar¹ and John slapped him¹.*
 ‘Билл ударил Оскара и Джон дал ему пощечину.’

Вторая теория основывается на том, что мы предпочитаем антецедентом подлежащее первого предложения, несмотря на роль, которую выполняет анафорическое местоимение во втором предложении. Например:

- (11) *Bill¹ hit Oscar and John slapped him¹.*
 ‘Билл ударил Оскара и Джон дал ему пощечину.’

По теории минимальной дистанции мы выбираем антецедентом элемент, который ближе всего расположен к анафоре.

Три представленных выше теории касаются синтаксических свойств предложений и его элементов. Однако, Гарви и Карамазза (Garvey–Caramazza 1974) предположили, что семантическое свойство корня глагола в предложении (которое содержит возможные антецеденты) влияет на выбор антецедента анафоры. Это свойство называется имплицитной каузальностью глагола. Они объясняют имплицитную каузальность следующим образом: Группа глаголов типа NP1, связывающая некоторые факторы (например: качество или намерение) с прямой причиной события или ситуации, имплицитно подразумевает подлежащее антецедентом анафоры, например: *join* ‘примкнуть’, *telephone* ‘позвонить’ или *anger* ‘рассердить’. Группа глаголов типа NP2, связывающая эти факторы со скрытой причиной события или ситуации, имплицитно подразумевает N-неподлежащее антецедентом анафоры, например: *kill* ‘убить’ или *punish* ‘наказать’. Существуют также глаголы типа NPX, которые остаются нейтральными, так как они не связывают данные факторы ни с одной, ни с другой причиной события или ситуации, например: *help* ‘помочь’ или *recognize* ‘узнать’.

Эффект имплицитной каузальности глагола можно проиллюстрировать следующими примерами (Caramazza–Grober–Garvey 1977: 601):

- (12) *Jane¹ hit Mary² because she^{(1)/2} had stolen a tennis racket.*
 ‘Джейн ударила Мэри, потому что она украла теннисную ракетку.’
- (13) *Jane¹ angered Mary² because she^{1/(2)} had stolen a tennis racket.*
 ‘Джейн рассердила Мэри, потому что она украла теннисную ракетку.’

Авторы отмечают, что анафора в обоих примерах может относиться как к Джейн, так и к Мэри (оба существительных в числе и роде согласуются с местоимением), однако, в ходе интерпретации этих предложений, антецедентом анафоры мы предпочитаем разные именные группы. В (12) антецедентом анафоры мы предпочитаем имя собственное *Mary*, а в (13) – имя собственное *Jane*.

Чтобы рассмотреть, как связаны друг с другом представленные выше тенденции, снова возьмем схематическую структуру: NP1 (= подл.) V NP2, союз PRO. В этой конструкции тенденция «подлежащее как предпочитаемый антецедент» поддерживает действие имплицитной каузальности в случае глагола NP1, и действует противоположно в случае глагола NP2. Стратегия параллельных функций действует таким же образом. Тенденция же «минимальная дистанция» действует наоборот. Значит, последняя поддерживает действие имплицитной каузальности в случае глагола NP2, и действует противоположно в случае глагола NP1.

С тех пор, как в 1970-х годах была разработана теория имплицитной каузальности, она являлась темой многих исследований – как в области лингвистики, так и в области социологии и психологии (Greene–McKoon 1995). В специальной литературе происходит ожесточенный спор о том, как точно действует имплицитная каузальность глаголов в ходе использования языка (Hartshorne–Snedeker 2012: 3). Хотя в рамках данной работы не представляется возможным детальное рассмотрение всех этих исследований, все же некоторые направления исследований имплицитной каузальности упоминаются.

Исследования разделяются на три группы в зависимости от того, что считается причиной данного явления (там же). Первая группа работ основывается на предположении о том, что имплицитная каузальность образуется из обширного жизненного опыта, испытываемого в отдельных бытовых ситуациях (LaFrance–Brownell–Hahn 1997; Corrigan 2001; ср. исследования по гендерной лингвистике и социологии ниже). Вторая группа работ рассматривает семантический признак глагола как причину явления имплицитной каузальности, которым глагол обладает уже в лексиконе. Представленная выше версия теории (Garvey–Caramazza 1974; Caramazza–Grober–

Garvey 1977) относится к этой группе. Третья группа работ выделяет семантическую структуру глаголов в качестве причины возникновения имплицитной каузальности глагола. В связи с этим, имплицитная каузальность глагола соотносится с его тематической рамкой (Brown–Fish 1983; Dankovics 1998).

Анализ имплицитной каузальности является интересной проблемой также с точки зрения гендерной лингвистики, социологических исследований и языка детей. Данные области исследования ищут ответ на вопрос: влияет ли пол или социальный статус референта именной группы на проявление имплицитной каузальности глагола в данном предложении. Иначе говоря, влияют ли эти факторы на то, кому мы приписываем причину данного события или данной ситуации (LaFrance–Brownell–Hahn 1997). А также можно ли установить различие касательно имплицитной каузальности в использовании языка между детьми и взрослыми (Corrigan–Stevenson 1994). Также упоминается, что в разных языках на проявление имплицитной каузальности глаголов влияет и культурное различие (Hartshorne–Sudo–Uruwashii 2013). Имплицитная каузальность глаголов может зависеть и от того, в какой текст (письменный или устный) они входят (Metzner 2011).

Что касается тестирования имплицитной каузальности глаголов, оно разделяется на тестирование понимания и тестирование использования анафор. Исследования первого типа анализируют либо временную характеристику осмысления анафорической связи (Greene–McKoon 1995), либо выбор антецедента анафоры (Hartshorne–Snedeker 2012). А исследования второго типа употребляют эмпирические данные, основывающиеся в большинстве случаев на завершение предложений (Garvey–Caramazza–Yates 1976; Dankovics 1998; Ueno–Kehler 2010). При использовании любого из методов, структура тестового предложения вообще не меняется. Это сложное предложение, части которого находятся в сочинительном отношении друг с другом. В первой части предложения находится глагол, который управляет двумя именными группами. Одна из них (NP1) – это логический субъект предложения, а другая (NP2) – (внутренний) аргумент глагола. Две части сложного предложения связываются друг с другом с помощью союза со значением ‘потому что’. Во второй части местоимение реферирует на одну из именных групп предложения.

Имплицитная каузальность была проанализирована не только в английском языке, но и в немецком (Metzner 2011), греческом (Natsopoulos–Grouios–Bostantzopoulou–Mentenopoulos–Katsarou–Logothetis 1993), испанском (Goikoetxea–Pascual–Acha 2008), голландском (Cozijn–Commandeur–Vonk–Noordman 2011), японском (Ueno–Kehler 2010), а также венгерском, эстонском и финском языках (Dankovics 1998). Был проведен сравнитель-

ный анализ глаголов, выражающих эмоцию субъекта, в восьми языках, в том числе в русском (Hartshorne–Sudo–Uruwashi 2013).

Вышеупомянутые исследования имплицитной каузальности подтвердили основной тезис: глагол предложения действительно влияет на то, какая именная группа первого предложения выбирается антецедентом анафоры второго предложения. Основываясь на итоги проведенных исследований, можно предположить, что имплицитная каузальность – общая тенденция, характерная для языков мира.

3. Описание исследования

3.1. Цель и предмет исследования

Настоящим анализом постараемся выяснить следующие проблемы: во-первых, как ведет себя имплицитная каузальность проанализированных глаголов в русском и венгерском языках; во-вторых, можно ли наблюдать влияние других вышепредставленных тенденций (см. раздел 2) на завершение предложений, и если да, то при каких обстоятельствах; в-третьих, в зависимости от того, на какую именную группу (NP1 или NP2) реферирует анафора, какими анафорическими средствами пользуются в завершении предложений; в-четвертых, как меняется эффект имплицитной каузальности (и других тенденций) при замене союза *потому что/mert* союзами *однако/de, u/és* и *поэтому/ezért*. Большинство исследований имплицитной каузальности пользуются тестовыми предложениями, содержащими союз со значением ‘потому что’. В то же самое время установили (см. Caramazza–Grober–Garvey 1977; Dankovics 1998), что употребление союза со значением ‘потому что’ не дает таких же результатов тестирования, как употребление союза со значением ‘однако’: вследствие замены союза эффект имплицитной каузальности ослабевает.

В данном исследовании проверяются следующие гипотезы:

Данкович (Dankovics 1998: 133) считает, что имплицитная каузальность – это семантическое явление: глаголы отдельных языков, обладающие приблизительно тем же самым значением, обладают и подобными тематическими рамками. На этом основании мы предполагаем, что нет большого различия в том, как действует имплицитная каузальность венгерских глаголов и их русских эквивалентов.

Что касается свойств использования отдельных анафорических местоимений, предполагаем, что при завершении предложений действуют определенные правила, представленные во втором разделе данной работы.

Касательно замены союза *потому что/mert* союзами *однако/de, u/és* и *поэтому/ezért* предполагаем, что вследствие замены союза эффект имплицитной каузальности ослабевает (Caramazza–Grober–Garvey 1977; Dankovics 1998), и после замены союзов влияние других тенденций усиливается.

Говоря о возможности сравнительного анализа имплицитной каузальности в различных языках, важно упомянуть несколько факторов. Во-первых, поиск соответствующего иноязычного эквивалента определенного глагола может оказаться проблематичным. С одной стороны, глагол исходного языка не редко обладает двумя или больше эквивалентами в другом языке, с другой стороны, он в большинстве случаев не обладает эквивалентом в другом языке, который целиком и полностью соответствует переводимому глаголу (Dankovics 1998: 130; Hartshorne–Snedeker 2012: 2). Хотя проблема перевода сложная и комплексная, с точки зрения имплицитной каузальности она не является значительной (Hartshorne–Snedeker 2012: 2), поэтому в данной работе не рассматривается в деталях. Во-вторых, в отдельных языках морфосинтаксические свойства тематических рамок глаголов могут отличаться друг от друга (Dankovics 1998: 130). Однако, как уже упоминалось выше, глаголы отдельных языков, обладающие приблизительно тем же самым значением, обладают и подобными тематическими рамками (там же, 133). В этой связи становится возможным сравнительный анализ имплицитной каузальности глаголов разных языков, несмотря на их морфосинтаксические свойства.

3.2. Методология исследования

В тестировании участвовали шесть человек: три венгероговорящих и три русскоговорящих, между тем одна женщина и двое мужчин с высшим образованием с каждой стороны, от двадцати до тридцати лет.

В первой части тестирования участникам было предложено закончить 18 предложений на родном языке таким образом, чтобы во второй части предложения утверждалось что-нибудь об одном из лиц первой части предложения. А во второй части тестирования союз *потому что/mert* был заменен союзами *однако/de*, *и/és* и *поэтому/ezért*.

Элементы предложения имеют следующие свойства: NP1 и NP2 – имена собственные, которые обозначают референты мужского пола в единственном числе. NP1 – это логический субъект предложения, а NP2 – это (внутренний) аргумент глагола. Условие, касающееся пола субъекта, важно учитывать, так как род субъекта влияет на результаты тестирования (La-France–Brownell–Hahn 1997). Используемые в предложениях глаголы относятся к глаголам типа NP1, NP2 или NPX (ср. Garvey–Caramazza 1974; Dankovics 1998). В анализе использовались следующие глаголы:

Так было собрано по 72 предложения от каждого участника, значит, 216 предложений по каждому языку и всего 432 предложения.⁴

⁴ Поскольку завершение нескольких предложений не соответствовало условиям исследования, т.е. участники завершили несколько предложений не в соот-

Таблица 1. Глаголы, использованные в исследовании

NP1		NP2		NPX	
венг.	рус.	венг.	рус.	венг.	рус.
<i>bevall</i>	сознаваться, сознаться	<i>megöl</i>	убивать, убить	<i>segít</i>	помогать, помочь
<i>felhív</i>	звонить, позвонить	<i>fél</i>	бояться	<i>felismer</i>	узнавать, узнать
<i>elad</i>	продавать, продать	<i>hibáztat</i>	винить, обвинить	<i>ad</i>	давать, дать
<i>hazudik</i>	лгать, солгать	<i>csodál</i>	восхищаться, восхититься	<i>vitatkozik</i>	спорить
<i>legyőz</i>	обыгрывать, обыграть	<i>gratulál</i>	поздравлять, поздравить	<i>egyetért</i>	соглашаться, согласиться
<i>csatlakozik</i>	примыкать, примкнуть	<i>kölcsönad</i>	одолживать, одолжить	<i>megijed</i>	испугаться

3.3. Результаты тестирования

Сначала рассмотрим результаты тестовых предложений, содержащих союз *потому что/mert*. Что касается имплицитной каузальности в русском языке, диаграмма 1 показывает, какая именная группа (NP1 или NP2) соответствует антецеденту анафоры у глаголов разного типа NP1, NP2 и NPX.

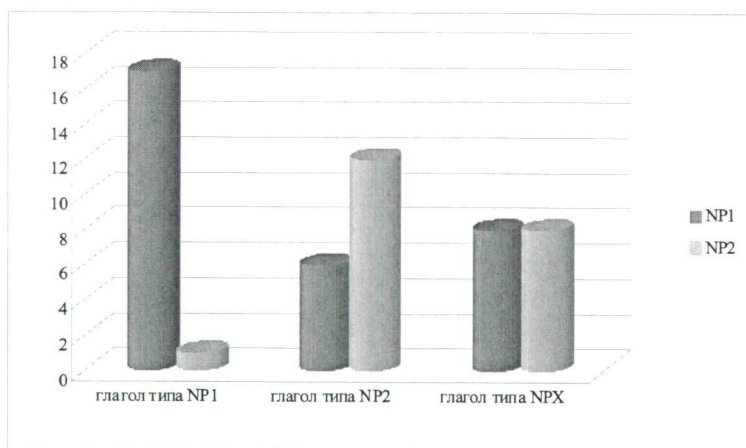

Диаграмма 1. Выбор антецедента русскоговорящими в предложениях с союзом *потому что*

ветствии с полученными инструкциями, в статистику попало всего 418 предложений.

Глаголы, которые предварительно были включены в число глаголов типа NP1, оказались в той же группе, за исключением одного предложения. Однако, в группе глаголов типа NP2 не наблюдается такого единогласия. Из 18 предложений, содержащих глагол типа NP2, в шести случаях антецедентом анафоры выбиралась первая именная группа. Глаголы *бояться* и *одолжить* отнеслись к типу NP1 на основании того, что два участника из трех выбрали первую именную группу антецедентом. Возможно, к этому привело влияние других тенденций, таких как стратегия параллельных функций и тенденция «подлежащее как предпочитаемый антецедент». Так, упомянутые тенденции, поддерживающие первую именную группу в качестве антецедента, и имплицитная каузальность глагола типа NP2 конкурируют друг с другом. Что касается глаголов типа NPX, обе именные группы назначались антецедентом приблизительно одинаково, и ни в одном случае между участниками тестирования не было согласия.

О свойствах употребления русских анафорических местоимений мы узнали следующее: в русском языке использование анафорических местоимений разнообразнее, чем мы ожидали (см. раздел 1). Таблица 2 представляет статистические данные анафорических элементов, использованных в тестах:

Таблица 2. Статистические данные русских анафорических элементов в предложениях с союзом *потому что*

	личное мест.	Ø	указательное мест.	другой элемент	итого
антецедент: первая ИГ	16 / 51,61%	11 / 35,48%	0 / 0%	4 / 12,9%	31
антецедент: вторая ИГ	10 / 47,61%	0 / 0%	9 / 42,85%	2 / 9,52%	21
итого	26 / 50%	11 / 21,15%	9 / 17,3%	6 / 11,53%	52

В таблице сразу бросаются в глаза два момента: во-первых, ко второй именной группе относится почти одинаковое количество личных и указательных местоимений, во-вторых, кроме прогнозируемых вариантов (то есть кроме личного, указательного местоимения и местоимения нулевой формы) встречаются также несколько других элементов. Рассмотрим результаты анализа подробнее.

На основе вышеописанных свойств использования указательного местоимения в русском языке (см. раздел 1) мы предполагали, что в большинстве случаев указательное местоимение будет реферировать на именную группу первой части предложения, выполняющую функцию подлежащего, так как этот тип местоимений обозначает несовпадение референтов

подлежащих (Яношка 1984: 57). Однако, как указано в таблице 2, личным местоимением пользуются почти столько же раз (47,61%), как и указательным (42,85%). Пример:

- (14) *Петр¹ боится Ивана², потому что он² очень строгий.*

О правилах употребления указательных местоимений Ш. Яношка (1984: 58) установил, что в русском языке указательное местоимение ссылается на N-подлежащее первой части предложения исключительно только в функции подлежащего второй части предложения (см. раздел 1). Однако, это утверждение результатами тестирования не подтверждается. Рассмотрим предложение, приведенное из теста:

- (15) *Петр¹ поздравил Ивана², потому что у того² сегодня был день рождения.*

Как видно, указательное местоимение не всегда выполняет функцию подлежащего.

На основе представленных в первом разделе свойств ожидалось, что участники тестирования будут употреблять личное, указательное местоимение или местоимение в нулевой форме. Однако в шести случаях (в 11,53%-х случаев) используются другие элементы: имя собственное (16а–б) и местоимение *сам* (17).

- (16) а. *Петр позвонил Ивану, потому что Петру хотелось с кем-нибудь поговорить.*
 б. *Петр обыграл в карты Ивана, потому что Иван играл в эту игру первый раз.*
 (17) *Петр¹ согласился с Иваном² в вопросе поездки, потому что и сам¹ думал точно так же.*

Примечательно, что в нескольких случаях глагола типа NP1 (см. например (16а)) имя собственное употребляется анафорой первой именной группы, несмотря на то, что в данной конструкции как стратегия параллельных функций и тенденция «подлежащее как предпочитаемый антецедент», так и имплицитная каузальность глагола поддерживают первую именную группу в качестве антецедента анафоры. Однако, имя собственное – это самый однозначный показатель кореференциального отношения.

Что касается правил использования личных местоимений нулевой формы в русском языке, личное местоимение, выполняющее функцию подлежащего и ссылающееся на подлежащее первой части предложения, может

заменяться местоимением нулевой формы, однако эта замена не обязательная (Яношка 1984: 20). Результаты тестирования подтверждают эту гипотезу. Ш. Яношка (там же, 35) также установил, что в русском языке ссылаться на прямое дополнение единственного числа с помощью местоимения нулевой формы либо невозможно, либо редко встречаемо. Из таблицы 2 видно, что результаты совпадают с этим предположением: в русских предложениях местоимение нулевой формы ни разу не ссылается на вторую ИГ.

Перейдем к выбору antecedента венгероговорящими в предложениях с союзом *mert* 'потому что'.

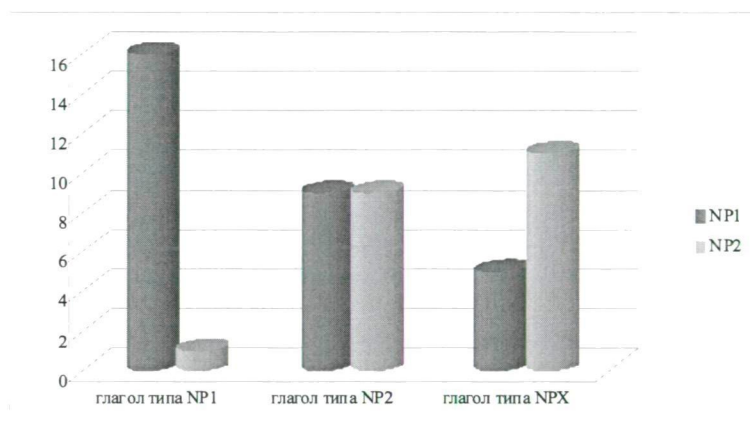

Диаграмма 2. Выбор antecedента венгероговорящими в предложениях с союзом *mert* 'потому что'

Как и в русских тестах, венгерские глаголы, которые предварительно были включены в число глаголов типа NP1, оказались тем же самым типом. Однако, в случае глаголов типа NP2, как и в русских тестах, выбор участников не был единогласным. Из 18 предложений, содержащих глагол типа NP2, в девяти случаях первая именная группа являлась antecedентом анафоры (это больше, чем в русских предложениях). Интересно, что глаголы *fél* 'бояться' и *kölcsönad* 'одалживать/одолжить', как и их русские эквиваленты, оказались глаголами типа NP1, так как два участника из трех выбрали первую ИГ antecedентом анафоры. Кроме этого, глагол *megöl* 'убивать/убить' оказался глаголом типа NP1 в тестах каждого из участников (в случае его русского эквивалента только один участник выбрал первую ИГ antecedентом анафоры). Можно предположить, что этому способствовало влияние стратегии параллельных функций и тенденции «подлежащее как предпочитаемый antecedент», как и в русском языке. В то же время этой гипотезе проти-

воречит тот факт, что в группе глаголов NPX участники тестирования в большинстве случаев выбрали вторую именную группу антецедентом анафоры (подробнее см. ниже). Возможно, глаголы, представляющие собой глаголы (или эквиваленты глаголов) прежних работ (см. Garvey–Caramazza 1974; Dankovics 1998), не правильно классифицированы относительно имплицитной каузальности. Имея в виду то, что результаты данного исследования основываются на небольшом количестве языковых данных, считаем необходимым провести дальнейший анализ проблемы.

В отличие от результатов русских тестов, в группах венгерских глаголов типа NPX, в некоторых случаях наблюдается единогласие. Глаголы *segít* ‘помогать/помочь’, *felismer* ‘узнавать/узнать’⁵ и *megijed* ‘испугаться’ единогласно относятся к типу NP2. Интересно, что глагол *помочь* показывает противоположную тенденцию быть глаголом типа NP1 в русском языке.

О свойствах использования анафорических местоимений в венгерских тестах можно отметить следующее: как и в русском языке, в венгерском анафорические местоимения используются более свободно и разнообразно, чем ожидалось на основе описанных в 1 разделе правил. Таблица 3 представляет статистические данные анафорических элементов в венгерских тестах с союзом *mert* ‘потому что’:

Таблица 3. Статистические данные венгерских анафорических элементов в предложениях с союзом *mert* ‘потому что’

	личное мест.	Ø	указательное мест.	другой элемент	итого
антецедент: первая ИГ	8 / 26,66%	21 / 70%	0 / 0%	1 / 3,33%	30
антецедент: вторая ИГ	3 / 14,28%	13 / 61,9%	1 / 4,76%	4 / 19,04%	21
итого	11 / 21,56%	34 / 66,66%	1 / 1,96%	5 / 9,8%	51

По сравнению с результатами русских тестов, в таблице 3 бросаются в глаза два момента: во-первых, местоимение нулевой формы в венгерском языке употребляется намного чаще, чем в русском, во-вторых, указательное местоимение почти совсем не используется. При этом примечательно, что, как и в русском языке, кроме прогнозируемых вариантов (то есть кроме лич-

⁵ В связи с глаголом *felismer* ‘узнавать/узнать’ Данкович (Dankovics 1998: 134–135) также получила результат, совпадающий с результатами данного тестирования, то есть он относится к группе глаголов типа NP2.

ного, указательного местоимения и местоимения нулевой формы) также встречаются другие элементы. Рассмотрим опыт тестирования подробнее.

В венгерском языке существуют морфосинтаксические свойства глаголов (определенное и неопределенное спряжение глаголов и категория лица глаголов в прошедшем времени, см. раздел 1), которые помогают однозначно определить антецедент местоимения нулевой формы. На основе этого мы предположили, что местоимение нулевой формы употребляется в венгерском языке намного чаще, чем в русском. В таблице 3 видно, что эмпирические данные подтверждают эту гипотезу. В венгерском языке, по сравнению с русским, местоимение, ссылающееся на первую именную группу, используется в нулевой форме почти в два раза чаще (процентное соотношение в русских тестах: 35,48%, а в венгерских: 70%). Кроме этого, в венгерском языке на вторую ИГ также часто ссылается местоимение нулевой формы (61,9%), а в русских предложениях такого местоимения нулевой формы ни разу не встречалось.⁶

Однако следует отметить, что в венгерских тестах хотя и местоимение нулевой формы чаще всего выбирается анафорой (всего 66,66%), участники тестирования не выбрали его в каждом возможном случае. В тестах можно найти такие предложения, в которых – хотя употребление местоимения нулевой формы было возможно – использовалось другое решение. Например:

- (18) *Péter kölcsönadta a könyvet Ivánnak, mert Iván nagyon szeret olvasni.*
'Петр одолжил книгу Ивану, потому что Иван очень любит читать.'

Пример также интересен с точки зрения употребления указательных местоимений. Исходя из работ Ш. Яношки (1984: 57) и Ч. Плеха (Pléh 1994) ожидалось, что в случае несовпадения референтов подлежащих, в функции подлежащего второй части предложения часто выступает указательное местоимение, поскольку оно обозначает смену референта подлежащего (см. раздел 1). Однако, как видно в таблице 3, указательное местоимение проявляется в венгерских тестах всего в одном предложении:

- (19) *Péter¹ megijedi Ivántól², mert az² tréfából a hűtő mögül megijesztette.*
'Петр испугался Ивана, потому что тот в шутку напугал его из-за холодильника.'

⁶ По результатам анализа Данкович (Dankovics 1998: 135) также установлено, что в венгерском языке самая распространенная форма анафоры – это местоимение нулевой формы, независимо от того, какая именная группа является антецедентом анафоры.

Далее рассмотрим, что происходит при замене союза *потому что/ mert* другими союзами в тестовых предложениях.

Как мы предполагали в подразделе 3.1., замена союза действительно влияет на проявление имплицитной каузальности глаголов. Однако, последствия замены не одинаковы в случае всех союзов. Диаграммы 3–5 демонстрируют, как изменяется результат тестирования при использовании отдельных союзов.

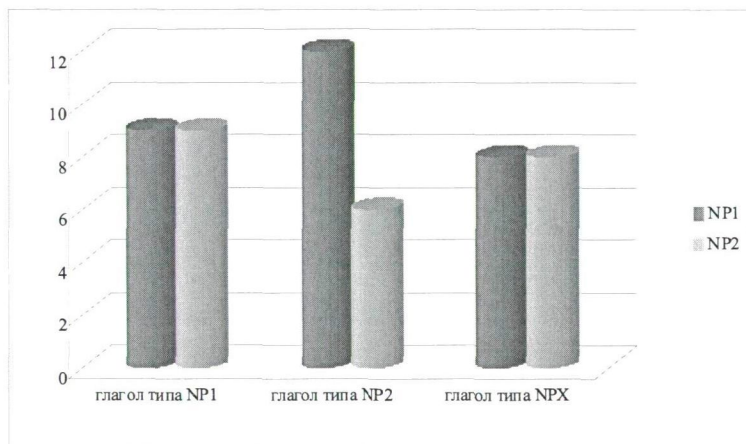

Диаграмма 3. Выбор antecedента русскоговорящими в предложениях с союзом *однако*

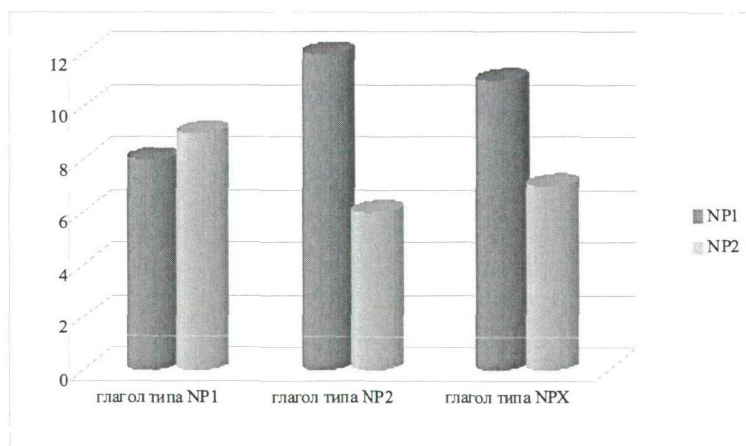

Диаграмма 4. Выбор antecedента русскоговорящими в предложениях с союзом *и*

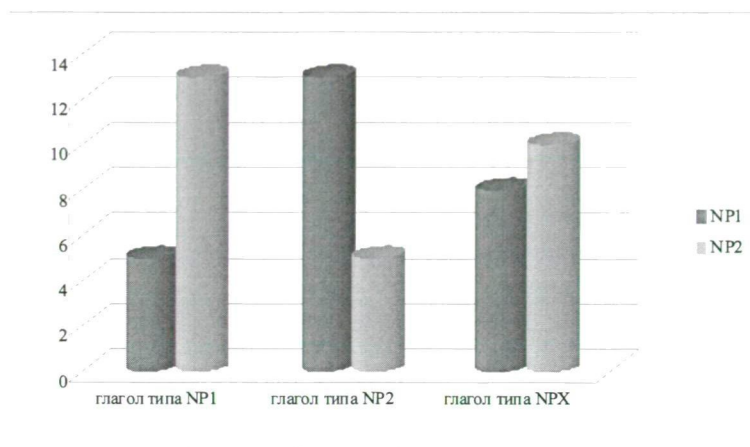

Диаграмма 5. Выбор antecedента русскоговорящими в предложениях с союзом *потому*

Мы предполагали, что вследствие замены союза *потому что*/*mert* союзами *однако/de*, *u/és* и *поэтому/ezért* эффект имплицитной каузальности ослабнет (ср. Caramazza–Grober–Garvey 1977; Dankovics 1998). Однако, как видно на диаграммах, результаты тестирования раскрывают более примечательные детали.

В случае использования союза *потому что* мы установили, что участники в большинстве случаев выбрали antecedент анафоры в соответствии с типами глаголов (см. диаграмму 1). В то же время у союза *однако* имплицитная каузальность глаголов больше не отражается (см. диаграмму 3). В специальной литературе (Grober–Bearsley–Caramazza 1976) указано, что, применяя союз со значением ‘однако’, участники стараются построить параллельную конструкцию. Так, структура второй части предложения совпадает со структурой его первой части. Как это видно на диаграмме 3, в случае союза *однако* у глагола типа NP2 участники в большинстве случаев выбирают первую именную группу antecedентом анафоры несмотря на имплицитную каузальность глагола. Можно предположить, что вследствие замены союза *потому что* союзом *однако* эффект имплицитной каузальности уменьшается и влияние стратегии параллельных функций и тенденции «подлежащее как предпочитаемый antecedент» становится немного сильнее.

Такой же эффект наблюдается при замене союза *потому что* союзом *и* (см. диаграмму 4): союз *и* также сокращает влияние имплицитной каузальности и повышает эффект вышеупомянутых других тенденций.

Однако, как показывает диаграмма 5, если заменяем союз *потому что* союзом *поэтому*, мы получаем совершенно иной результат: изменение

имплицитной каузальности глаголов оказывается диаметрально противоположным. Сравнивая соответствующие диаграммы 1 и 5, видно, что данные союзы представляют собой почти оппозиционную пару. Ясно, что причина этого явления в семантике союзов: *потому что* указывает на причину события, а *поэтому* — на его последствие. Иными словами, с семантической точки зрения, они антагонистичны между собой.

В венгерском языке можно наблюдать такие же тенденции изменения, как и в русском: замена союза *mert* ‘потому что’ также влияет на проявление имплицитной каузальности глаголов и результат влияния зависит от выбранного союза.

Диаграммы 6–8 ниже демонстрируют, как меняется результат тестирования у отдельных союзов в венгерском языке. В случае замены союза *mert* ‘потому что’ союзами *de* ‘однако’ и *és* ‘и’, эффект имплицитной каузальности ослабевает и открывает простор для стратегии параллельных функций и тенденции «подлежащее как предпочитаемый антецедент». Вследствие этого частота выбора первой именной группы антецедентом анафоры повышается (см. диаграммы 6 и 7). В то же время союзы *mert* ‘потому что’ и *ezért* ‘поэтому’ приводят к противоположным друг другу результатам (см. диаграммы 2 и 8).

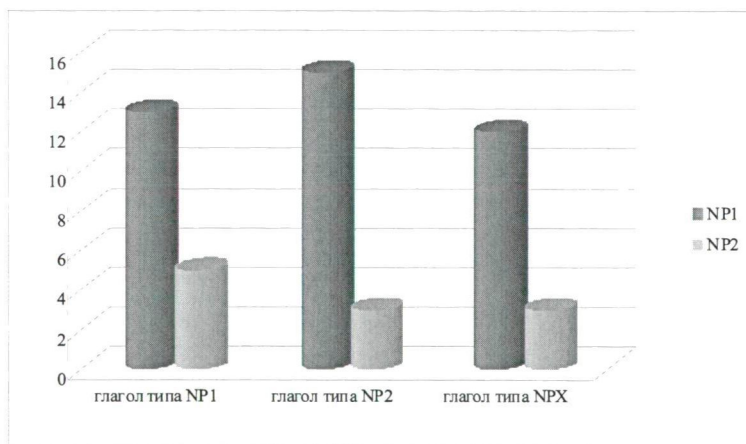

Диаграмма 6. Выбор антецедента венгероговорящими в предложениях с союзом *de* ‘однако’

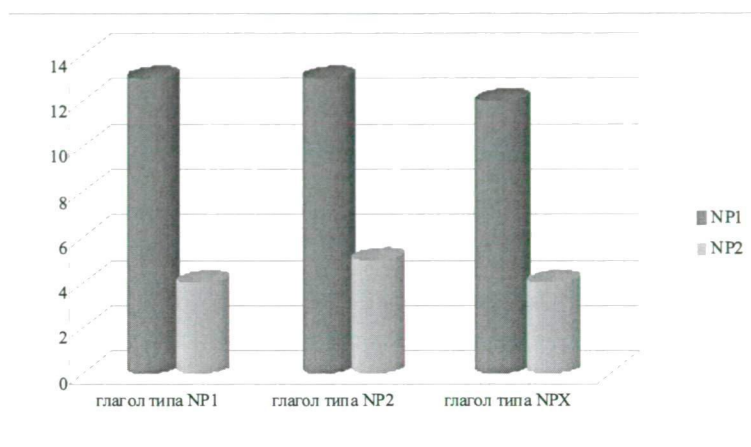

Диаграмма 7. Выбор antecedента венгороворящими в предложениях с союзом *és* 'и'

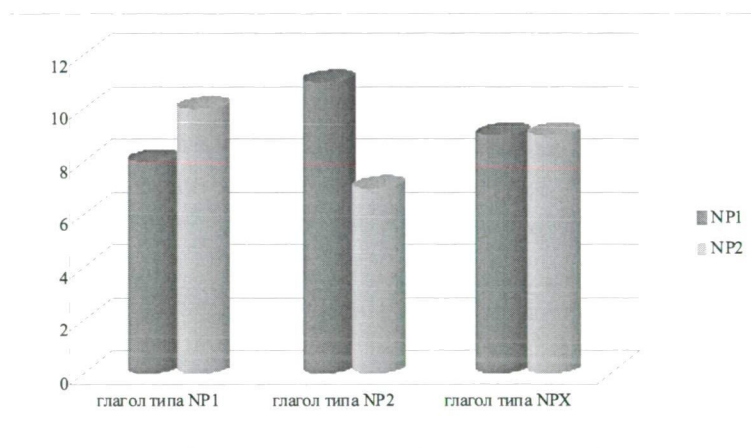

Диаграмма 8. Выбор antecedента венгероворящими в предложениях с союзом *ezért* 'поэтому'

Следующая таблица представляет все результаты тестирования обоих языков в количественных и процентных данных. Статистические данные таблицы 4 также демонстрируют, что стратегия параллельных функций и тенденция «подлежащее как предпочитаемый antecedент» действуют сильнее в венгерском языке, чем в русском. Сравнивая статистические данные, полученные в случае использования союзов *однако/de* и *и/és*, мы видим, что в

венгерском языке – независимо от типа глагола – первая именная группа чаще выбирается антецедентом анафоры.

Таблица 4. Сводная таблица результатов тестирования

		NP1	NP2	итого			NP1	NP2	итого
	гл. типа NP1	17 / 94,44%	1 / 5,55%	18		гл. типа NP1	16 / 94,11%	1 / 5,88%	17
потому что	гл. типа NP2	6 / 33,33%	12 / 66,66%	18	mert 'потому что'	гл. типа NP2	9 / 50%	9 / 50%	18
	гл. типа NPX	8 / 50%	8 / 50%	16		гл. типа NPX	5 / 31,25%	11 / 68,75%	16
		NP1	NP2	итого			NP1	NP2	итого
	гл. типа NP1	5 / 27,77%	13 / 72,22%	18		гл. типа NP1	8 / 44,44%	10 / 55,55%	18
поэто-му	гл. типа NP2	13 / 72,22%	5 / 27,77%	18	ezért 'поэто-му'	гл. типа NP2	11 / 61,11%	7 / 38,88%	18
	гл. типа NPX	8 / 44,44%	10 / 55,55%	18		гл. типа NPX	9 / 50%	9 / 50%	18
		NP1	NP2	итого			NP1	NP2	итого
	гл. типа NP1	9 / 50%	9 / 50%	18		гл. типа NP1	13 / 72,22 %	5 / 27,77 %	18
однако	гл. типа NP2	12 / 66,66%	6 / 33,33%	18	de 'однако'	гл. типа NP2	15 / 83,33 %	3 / 16,66 %	18
	гл. типа NPX	8 / 50%	8 / 50%	16		гл. типа NPX	12 / 80%	3 / 20%	15
		NP1	NP2	итого			NP1	NP2	итого
	гл. типа NP1	8 / 47,05%	9 / 52,94%	17		гл. типа NP1	13 / 76,47%	4 / 23,52%	17
и	гл. типа NP2	12 / 66,66%	6 / 33,33%	18	és 'и'	гл. типа NP2	13 / 72,22%	5 / 27,77%	18
	гл. типа NPX	11 / 61,11%	7 / 38,88%	18		гл. типа NPX	12 / 75%	4 / 25%	16

4. Подведение итогов

В настоящей работе был проведен сравнительный анализ использования анафорических местоимений единственного числа третьего лица в русских и венгерских сложных предложениях. Материалом анализа служили предложения, завершённые венгеро- и русскоговорящими. Свойства использования анафор рассматривались, в первую очередь, с точки зрения теории имплицитной каузальности глаголов.

Проведенное исследование было ориентировано на следующие центральные вопросы: во-первых, как соотносятся друг с другом русские и венгерские глаголы с точки зрения имплицитной каузальности; во-вторых, влияют ли другие тенденции (стратегия параллельных функций, подлежащее как предпочитаемый антецедент и минимальная дистанция) на завершение предложений, и если да, то при каких обстоятельствах; в-третьих, в зависимости от того, к какой именной группе (NP1 или NP2) отсылает анафорический элемент в отдельных предложениях, какими анафорическими средствами пользуются в завершениях предложений в русском и венгерском языках; в-четвертых, какие соотношения можно установить между разными союзами и эффектом имплицитной каузальности, а также, влиянием других тенденций в русском и венгерском языках?

На основе анализа 432 тестовых предложений было установлено следующее:

Как в русском, так и в венгерском языке наблюдалось влияние имплицитной каузальности глаголов в предложениях с союзом *потому что/ mert*. Глаголы, предварительно включенные в число глаголов типа NP1, оказались в той же группе в обоих языках. Однако, касательно глаголов типа NP2, результаты тестирования не были такими единогласными. Русские глаголы *бояться* и *одолжить*, а также их венгерские эквиваленты и венгерский глагол *megöl* 'убивать/убить' оказались глаголом типа NP1. Так стало возможным предположить, что в случае глаголов типа NP2 имплицитная каузальность глагола, поддерживающая вторую именную группу в качестве антецедента анафоры, конкурирует со стратегией параллельных функций и тенденцией «подлежащее как предпочитаемый антецедент», которые поддерживают первую именную группу в качестве антецедента. Однако этой гипотезе противоречил тот факт, что у венгерских глаголов типа NPX участники тестирования в большинстве случаев выбрали вторую именную группу антецедентом анафоры. (В русском языке, в группе глаголов NPX, обе именные группы оказались антецедентом приблизительно столько же раз). Такое положение дел выявляет необходимость дальнейшего анализа данной проблемы.

Что касается использования анафорических элементов, мы предполагали, что в завершении предложений действуют правила, представленные

в первом разделе данной работы. Однако было установлено, что использование анафор как в русском, так и в венгерском языке разнообразнее, чем предполагалось ранее. Прежде всего, ожидалось, что участники тестирования будут употреблять личное, указательное местоимение или местоимение нулевой формы в обоих языках, но появились и другие анафорические элементы (например, имена собственные). Кроме этого, относительно использования указательного местоимения результаты исследования не подтвердили нашего предположения, как в русском, так и в венгерском языках. Вместе с Ш. Яношкой (1984: 57) и Ч. Плехом (Pléh 1994) мы думали, что на именную группу, выполняющую функцию подлежащего первой части предложения в большинстве случаев будет реферировать указательное местоимение в обоих языках. Однако было установлено, что в русских тестах (по отношению ко второй ИГ) личным местоимением пользуются почти столько же раз, как и указательным; и в венгерских тестах указательное местоимение появилось всего в одном предложении. Кроме этого, по мнению Ш. Яношки (1984: 58), в русском языке указательное местоимение ссылается на N-подлежащее исключительно только тогда, если местоимение выполняет функцию подлежащего. Это утверждение также не было оправдано результатами. В отношении правил использования личных местоимений нулевой формы, результаты исследования подтвердили гипотезу о том, что в русском языке местоимение нулевой формы используется только ограничено. На основе грамматических свойств венгерского языка ожидалось, что местоимение нулевой формы употребляется намного чаще, чем в русском языке. По результатам исследования это верно: в венгерском языке самый распространенный тип анафоры – местоимение нулевой формы, вне зависимости от того, какая именная группа служит антецедентом местоимения. Но высокая частота употребления местоимений нулевой формы не означает, что участники тестирования выбирали местоимение нулевой формы в каждом возможном случае; они не редко пользовались уточняющими элементами (например, именем собственным) даже в таких конструкциях, где употребление местоимения нулевой формы позволяло бы нахождение антецедента анафоры.

Рассматривая замену союза *потому что/mert* союзами *однако/de, u/és* и *поэтому/ezért*, на основе специальной литературы (Caramazza–Grober–Garvey 1977; Dankovics 1998) мы предположили, что вследствие замены союза эффект имплицитной каузальности ослабевает и после замены влияние других тенденций (стратегия параллельных функций, тенденция «подлежащее как предпочитаемый антецедент» и теория «минимальная дистанция») усиливается. Настоящее тестирование показало, что замена союза действительно влияет на проявление имплицитной каузальности глаголов в обоих языках. Тем не менее результат этого влияния не одинаков для всех

союзов. Как в русском, так и венгерском языке, замена союза *потому что/ mert* союзами *однако/de* и *и/és* влияет приблизительно одинаково: в случае глаголов типа NP2 первая именная группа чаще выбирается антецедентом анафоры, чем вторая именная группа. Так, участники тестирования старались построить параллельную конструкцию. На основе всего этого можно думать, что при данных союзах влияние стратегии параллельных функций и тенденции «подлежащее как предпочитаемый антецедент» сильнее имплицитной каузальности глаголов. Мы также установили, что вышеупомянутый эффект оказался более сильным в венгерском языке, чем в русском. В то же время, если заменяем союз *потому что/ mert* союзом *поэтому/ezért*, получается совершенно иной результат: изменение имплицитной каузальности глаголов оказывается диаметрально противоположным – как в русском, так и в венгерском языке. Причина этого явления в семантике данных союзов: с семантической точки зрения, эти союзы противоположны друг к другу.

Кроме будущего дополнения исследовательского материала посредством увеличения набора тестовых предложений и участников тестирования, возможным продолжением исследования можно назвать следующее: 1) В данном исследовании мы рассмотрели, какими анафорическими элементами пользуются участники в зависимости от того, на какую именную группу реферирует анафорический элемент. Но здесь осталось в стороне то, как выбор разных анафорических элементов зависит от типа глагола данного предложения. 2) Можно проанализировать, как влияют отдельные союзы на выбор разных анафорических элементов. 3) Стоит расширить исследование рассмотрением использования других глаголов и союзов. 4) Можно вовлечь корпусные данные в круг эмпирического анализа, особенно потому, что только несколько исследований, занимающихся проблемой имплицитной каузальности, учитывают языковые данные корпусов (например см. Metzner 2011).

ЛИТЕРАТУРА

- Гуськова, А.П. 2009, *Венгерский язык: Справочник по грамматике*. Москва: Живой язык.
- Кобзарева, Т.Ю. 2003, Проблема кореференции в рамках поверхностно-синтаксического анализа русского текста. *Ключевые доклады международной конференции «Диалог»*. <http://www.dialog-21.ru/Archive/2003/Kobzareva.htm>
- РГ – Шведова, Н.Ю. (гл. ред.) 1980, *Русская грамматика, т. I: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология*. Москва: Наука.
- Яношка, Ш. 1984, *Сопоставление русских и венгерских сложных предложений*. Будапешт: Tankönyvkiadó.

- Brown, R. – Fish, D. 1983, The psychological causality implicit in language. *Cognition* 14, 237–273.
- Caramazza, A. – Grober, E. – Garvey, C. 1977, Comprehension of anaphoric pronouns. *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior* 16, 601–609.
- Corrigan, R. 2001, Implicit causality in language: Event participants and their interactions. *Journal of Language and Social Psychology* 20, 285–320.
- Corrigan, R. – Stevenson, C. 1994, Children's causal attributions to states and events described by different classes of verbs. *Cognitive Development* 9, 235–256.
- Cozijn, R. – Commandeur, E. – Vonk, W. – Noordman, L.G.M. 2011, The time course of the use of implicit causality in the processing of pronouns: A visual world paradigm study. *Journal of Memory and Language* 64, 381–403.
- Dankovics, N. 1998, Anaforikus viszonyok finn, észt és magyar összetett mondatokban pszicholingvisztikai szempontból. *Nyelvtudományi Közlemények* 98, 120–142.
- Garvey, C. – Caramazza, A. 1974, Implicit causality in verbs. *Linguistic Inquiry* 5, 459–464.
- Garvey, C. – Caramazza, A. – Yates, J. 1976, Factors influencing assignment of pronoun antecedents. *Cognition* 3, 227–243.
- Gécseg, Zs. 2001, A kontrasztív topik szintaxisáról és szemantikájáról. *Magyar Nyelv* 97, 423–432.
- Goikoetxea, E. – Pascual, G. – Acha, J. 2008, Normative study of the implicit causality of 100 interpersonal verbs in Spanish. *Behavior Research Methods* 40, 760–772.
- Greene, S.B. – McKoon, G. 1995, Telling something we can't know: Experimental approaches to verbs exhibiting implicit causality. *Psychological Science* 6/5, 262–270.
- Grober, E. – Beardsley, W. – Caramazza, A. 1976, *Pronominalization and parallel function*. Baltimore: Johns Hopkins University.
- Hartshorne, J.K. – Snedeker, J. 2012, Verb argument structure predicts implicit causality: The advantages of final grained semantics. *Language and Cognitive Processes*, 1–35.
- Hartshorne, J.K. – Sudo, Y. – Uruwashii, M. 2013, Are implicit causality pronoun resolution biases consistent across languages and cultures? *Experimental Psychology* 60/3, 179–196.
- Kenesei, I. 1989, Logikus-e a magyar szórend? *Általános Nyelvészeti Tanulmányok* 17, 105–152.
- LaFrance, M. – Brownell, H. – Hahn, E. 1997, Interpersonal verbs, gender, and implicit causality. *Social Psychology Quarterly* 60/2, 138–152.
- Metzner, P. 2011, *Can the asymmetric effect of implicit causality be explained through usage patterns?* <http://edoc.hu-berlin.de/conferences/qitl-4/metzner-paul-65/PDF/metzner.pdf>
- Natsopoulos, D. – Grouios, G. – Bostantzopoulou, S. – Mentenopoulos, G. – Katsarou, Z. – Logothetis, J. 1993, Algorithmic and heuristic strategies in comprehension of complement clauses by patients with Parkinson's Disease. *Neuropsychologia* 31, 951–964.
- Pléh, Cs. 1994, Mondatközi viszonyok feldolgozása: Az anafora megértése a magyarban. *Magyar Pszichológiai Szemle* 50/5–6, 287–320.

- Szabolcsi, A. 1981, Compositionality in focus. *Folia Linguistica* 15, 141–161.
- Tolcsvai Nagy, G. 2000, Vázlat az ő – az anaforikus viszonyáról. *Magyar Nyelv* 96, 282–295.
- Ueno, M. – Kehler, A. 2010, The interpretation of null and overt pronouns in Japanese: Grammatical and pragmatic factors. In: Ohlsson, S. – Catrambone, R. (eds.), *Proceedings of the 32nd Annual Conference of the Cognitive Science Society*. Austin: Cognitive Science Society, 2057–2062.

ОМОНИМИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ *СТАТЬ* + ИНФИНИТИВ: ЗАКОНОМЕРНОСТИ ПОВЕДЕНИЯ

Незрин Гусейн гызы Самедова

(Азербайджанский университет языков, Кафедра общего языкознания
nezrin.samedova@gmail.com)

1. Состояние вопроса

1.1. Наблюдая за сочетаниями типа *стал работать, стану работать, стал бы работать*, языковеды единодушно приходят к выводу, что в русском языке бытует конструкция *стать* + инфинитив, главным компонентом которой является непарный глагол совершенного вида.

Описывая значение данного глагола, подавляющее большинство исследователей, обращаются к понятию ‘начало’, см., напр., (Ожегов–Шведова 1999). Указывается, что данная конструкция синонимична конструкции *начать* + инфинитив, ср. толкование и иллюстрации (1) и (2), приведенные в (Евгеньева 1984): «Входит в состав сложного сказуемого, указывая на начало действия, в значении: *начать, приняться*».

- (1) *[Долохов] поднял пистолет и стал целиться.*
- (2) *Пять часов только. Еще и светать не стало.*

Однако, анализируя литературу, лингвист оказывается в парадоксальной ситуации. Он вынужден заключить, что значение начала, приписываемое конструкции, подвержено метаморфозам: оно изменчиво, нестабильно, неустойчиво. Так, еще А.А. Потебня (1958: 364) указывал, что «*с т а н у* с неопр. [...] может, кажется, становиться чисто вспомогательным, так что, напр., „с т а н у с к а з ы в а т ь я сказки, песенку спою“. – Лерм., значит не „ich werde anfangen zu erzählen“, а только „ich werde erzählen“ с грамматич. оттенком начинательности». Иными словами, он полагал, что значение начала может ослабляться и менять свою природу. В работе молодых языковедов, опубликованной в 2006 г., читаем, что в примерах (3) и (4) начинательное значение у конструкции отсутствует (Короткова–Сай 2006: 99):

- (3) *Он не стал отвечать на вопросы следователя.*
- (4) *Его 13 депутатов, по словам лидера ЛДПР, станут думать до утра и решат что-то перед самым голосованием.*

1.2. Исследователи, как правило, эксплицитно указывают обстоятельства, при которых у конструкции наблюдается то или иное значение. В общем и целом эти обстоятельства можно разделить на два типа.

Один тип – это те, при которых значение начала, усматриваемое у конструкции, ощущается слабо, нечетко или вовсе не обнаруживается.

Чаше всего указываются синтаксические характеристики. Прежде всего – наличие отрицания (явного и неявного), см. выдержки: «Сильно затемняется начинательное значение аналитической формы с *стану*, если есть при ней отрицание (как в будущем, так и в прошедшем)» (Тихонов 1959: 68); «отрицание видоизменяет [...] значение *стану* в сочетании с инф.» (Кржижкова 1962: 17), ср. также (Сухотин 1960: 32; Демиденко 1963б: 95, 96); «словосочетание „*стану+инфинитив*” сближается с аналитической формой будущего времени при наличии инверсии, сопровождающейся отрицательно-иронической интонацией: [...] *Стану я пить чужую водку*» (Демиденко 1963а: 39), см. также (Демиденко 1963б: 95); «в конструкциях с частицами *ли* или *так... и*, используемых для выражения экспрессивно-иронического отрицания, словосочетание „*стану+инфинитив*” также становится синонимичным будущему сложному „*буду+инфинитив*”. [...] В аналогичном случае может быть употреблена и конструкция „*стал+инфинитив*”, с таким же значением экспрессивно-иронического отрицания» (Демиденко 1963а: 39–40), ср. (Демиденко 1963б: 95); «утвердительные конструкции „*стал, стану+инфинитив*” в формах сослагательного наклонения утрачивают начинательное значение при наличии интонации протеста, возражения: [...] *Чтобы я, русский солдат, да стал пить за победу немецкого оружия?!*» (Демиденко 1963б: 96). Рассматриваемую мысль в той или иной формулировке мы встречаем в (Бойко 1963: 4; Шелякин 1969: 13–14; Суханова 1970: 64; Шведова 1970: 414; Бойко 1973: 11, 18; Храковский 1987: 165; Зализняк–Шмелев 2002: 222; Короткова–Сай 2006: 99). См. также выдержку из (Шатуновский 2009: 233), где цитируется Дж. Форсайт: «Для отрицания первого этапа – выбора актом воли Р и перехода от не Р к медиальной фазе собственно действия (а следовательно, и совершения действия в целом) – в русском языке используется аналитическое сочетание *не стал* + НСВ, обозначающий медиальный этап, сочетание, в силу грамматической необходимости чрезвычайно распространившееся и, можно сказать, грамматикализовавшееся как средство отрицания».

Интересно, однако, что в литературе вопроса пример (2) и следующие характеризуются как имеющие значение начала:

- (5) *Дневники и письма Анна Ивановна не стала расшифровывать: не-зачем Листопаду их читать* (Виноградов–Истрина 1954: 410).
- (6) *Но Парабукин не стал есть* (там же).

- (7) *Антоненко не стал вытирать лицо и поднимать ремешок у фуражки* (Бабайцева–Максимов 1987: 82).

Подчеркивается наличие определенных членов предложения. Чаще всего это обстоятельства, выражающие «определенный промежуток времени, на протяжении которого осуществляется действие. [...] *все двенадцать лет ребята станут изучать иностранный язык*» (Кржижкова 1962: 17). Ср.: «Сочетание глагола *стану* (в форме будущего времени) с инфинитивом утрачивает начинательное значение при наличии обстоятельств, определяющих меру протяженности действия во времени» (Демиденко 1963б: 95), см. также (Демиденко 1963а: 38; Нелисов 1963: 29–30; Суханова 1970: 64; Шведова 1970: 414; Короткова–Сай 2006: 100). Указывается на сказуемые, содержащиеся в контексте: «Значение полного перенесения действия в план будущего времени поддерживается и формой простого будущего» (Демиденко 1963а: 39); «„чистое“ значение будущего времени поддержано однородными сказуемыми» (Нелисов 1963: 29); «особый характер *стану* с инфинитивом в значении ‘буду’ (будущего времени), наиболее ярко выступающий в некоторых примерах, [...] где эта форма употребляется параллельно с другими формами будущего несовершенного или совершенного вида» (Жирмунский 1965: 14).

Отмечают определенные черты сложных предложений: «Ослабляется значение начала действия [...] и тогда, когда стать в личной форме будущего времени выражает дополнительно условно-временные отношения частей сложных целых: „*Станешь дочь выдавать замуж – будет у ней на приданое*”» (Тихонов 1959: 68); «значение будущего времени поддерживается [...] придаточным временным предложением» (Нелисов 1963: 29); «если временное значение уже выражено в контексте (*Если уедешь, стану тебе письма писать*)» (Шведова 1970: 414); см. также указание на условные предложения в (Зализняк–Шмелев 2002: 222).

Кроме того, упоминаются такие детали, как «имеющиеся в контексте указания на кратность, повторяемость, фазисность действия [...]: *Я всякий день стану тебя ожидать*» (Суханова 1970: 64–65); употребление конструкции в вопросительных предложениях (*Он станет есть этот суп?*) (Зализняк–Шмелев 2002: 222).

Пишут также о лексических характеристиках. Одна – наличие модального значения: «Значение начала действия в значительной мере заслоняется или поглощается оттенком изъявления воли (решение что-либо сделать) и будущего времени» (Сухотин 1960: 32), см. также (Тихонов 1959: 68; Кржижкова 1962: 17). О сути другой получаем представление из характеристики инфинитивов, «лексическое значение которых исключает значение

приступа к действию: *стану жить, довольствоваться, ждать, любоваться, любить, продолжать, стреляться* и т.п.» (Суханова 1970: 65).

Встречаются и неопределенные замечания, см. следующие извлечения: «Значение будущего, не осложненного начинательным оттенком, выступает также в других случаях: *А когда вырасту большой, то за это самое буду тебя кормить и в обиду никому не дам, а помрешь, стану за упокой души молить*» (Кржижкова 1962: 17). «В отдельных случаях» (там же) начинательность отсутствует у сочетания *не стал* + инф.: *Больше и говорить не стал*. «Всем содержанием контекста действие целиком переносится в будущее, а его начальный момент игнорируется. Именно так можно рассматривать известный пример А.А. Потебни: *Стану сказывать я сказки*» (Демиденко 1963б: 95), а также (Демиденко 1963а: 39). «В стилизации народной речи: *Стану сказывать я сказки, Песенку спою*» (Шведова 1970: 414). «В форме будущего времени и повелительного наклонения глагол *стать* обычно утрачивает начинательное значение [...] [...] *Эх, Анна Сергеевна, с т а - н е м - т е* (= будемте, – В.Х.) *говорить правду. Со мной кончено*» (Храковский 1987: 166).

Подытоживая, приведем симптоматичное утверждение из (Демиденко 1963б: 95): «Точный учет всех условий контекста, в которых это ослабление возможно, в лингвистической литературе отсутствует».

К другому типу характеристик – тем, при наличии которых значение начала у конструкции имеется и выражается вполне отчетливо, – относят следующие.

Отрицание относится к отдельным частям сочетания, а не ко всему целому: *Сами судьи забыли свои обязанности и стали не судить, а врать; Стали уж и краюшки не жалеть* (Демиденко 1963б: 96, а также Храковский 1987: 166).

В контексте имеются сказуемые, характеризующиеся значением начала: «Отрицательные конструкции типа „не стану, не стал+инфинитив” более отчетливо выражают начинательное значение при наличии по соседству начинательных глаголов: [...] Даже Савельич с ним *не заспорил и не стал торговаться* по своему обыкновению» (Демиденко 1963б: 95–96), а также (Демиденко 1963а: 40; Храковский 1987: 165–166). (Ср., с другой стороны, замечание в (Суханова 1970: 69–70): «В предложении, где встречаются все три сочетания – *буду+инфинитив, стану+инфинитив* и *начну+инфинитив*, уже трудно говорить, какое из них влияет на *стану+инфинитив: буду+инфинитив* или *начну+инфинитив*. [...] Таким образом, и критерий параллельного употребления нельзя признать достоверным и точным».)

Начинательное значение «сохраняется также при употреблении отрицательной конструкции „стать+инфинитив” в составе вопросительного

предложения с частицей **ли**: **Не стала ли стираться** в русском стихе роль слова, первоосновы поэзии?» (Демиденко 1963а: 40), ср. (Демиденко 1963б: 96).

Главный компонент конструкции выступает в определенной грамматической форме. «Сохранению начинательного значения отрицательной конструкции „не стал, не стану+инфинитив” способствует сослагательное наклонение [...]: [...] Боюсь, *чтобы вы не стали беспокоиться*» (Демиденко 1963б: 96). (Ср. Демиденко 1963а: 40; Храковский 1987: 166.) Особо выделяется форма прошедшего времени конструкции: «Собственно говоря, начинательное значение глагол *стать* регулярно выражает только в форме прошедшего времени изъявительного наклонения при отсутствии отрицания» (Храковский 1987: 165). См. (Зализняк–Шмелев 2002: 222), где говорится об «одном из возможных типов употребления» конструкции, а именно о «предложениях, содержащих утверждения об имевших место фактах». (Ср., с другой стороны, пример

- (8) *Впервые за наше давнее знакомство я стал слышать от нее это слово,*

иллюстрирующий утверждение о том, что «в других случаях глагол *стать* не выражает значения начала действия, а только указывает на сам факт наличия действия» (Лекант 1976: 69)). В форме будущего времени «начинательное значение ярче выступает во 2-м и 3-м лице [...]: *Без корысти никто не станет работать*» (Кржижкова 1962: 17).

Главный компонент конструкции имеет определенное значение: «глагол *стать* сохраняет начинательное значение в форме будущего времени при выражении повторяющегося действия: [...] *как с одного извозчика на другого станут* (= начнут≠будут, – В.Х.) *пересаживать*, все роют, а *поднимать станут* (= начнут≠будут, – В.Х.) – ухи рвут, чтобы в память пришел» (Храковский 1987: 166).

Находим и такие указания: «*Стану* + инф. чаще всего представляет собой сочетание со значением начинательным» (Кржижкова 1962: 17–18). «Как правило, начинательное значение неотделимо от этого сочетания [*не стал* + инф. – Н.С.]: *Но он боялся, как бы гости не стали без него рассказывать что-нибудь интересное*» (там же, 17). «В контексте могут отсутствовать какие-либо указания на то, что в глаголе *стану* начинательное значение утрачено, и лексическое значение инфинитива может быть совмещено с оттенком начинательности» (Суханова 1970: 69).

2. Предлагаемое решение

2.1. Теория, которой мы следуем, предлагает разграничить две – омонимичные – конструкции *стать* + инфинитив. Принципиальная черта

данного решения заключается в том, что теория квалифицирует эти конструкции как разновидовые.

Главный компонент одной из них представляет собой глагол совершенного вида. Ему свойственно видовое значение начального предела, см. примеры (1), (2) и следующие:

- (9) *Он стал прыгать.*
- (10) *Как стану работать, съеду отсюда.*
- (11) *Министерство было бы сменено палатой общин, если бы не стало действовать беспощадно* (Н.Г. Чернышевский. Происхождение теории благотворности борьбы за жизнь).

Данный омоним всегда допускает замену конструкцией *начать* + инфинитив, ср. (9) и (12):

- (12) *Он начал прыгать.*

Для него возможна также субституция соотносительным начинательным глаголом совершенного вида с приставкой *за-*, ср. (13а) и (13б):

- (13) а. *Он стал этим бредить.*
 б. *Так он этим забредил и с бреду составил план* (Н.С. Лесков. Одним).

Главный компонент другой конструкции является глаголом несовершенного вида. Он характеризуется нулевым видовым значением начального предела,¹ ср.:

¹ Понятия 'видовое значение начального предела' и 'нулевое видовое значение начального предела' введены основоположником принятой нами аспектологической теории, см., в частности, (Самедов 1968, 1984а, 1984б). Традиционное понятие 'предельность' данная теория разрабатывает в нетрадиционном ключе. Различается предельность начальная и конечная. Как начальная, так и конечная предельность могут быть двух типов: протяженная (линейная) и непротяженная (точечная). Точечная предельность составляет исключительную особенность глаголов совершенного вида. Именно она выступает в качестве перфективности. Точечная предельность может быть начальной (*петь/запеть*₁), конечной (*запевать/запеть*₂), начально-конечной (*петь/попеть*, *петь/пропеть* (целый час)) (Самедов 1968: 117, 118, 1984а: 6–7). Она обладает весьма примечательной особенностью, а именно: способностью скрывать сущность семантики глагола. Так, из-за того что в глаголах совершенного вида наше внимание фиксируется на перфективности, от нас оказывается скрытым важнейшее свойство процесса – протяженность (Самедов 1984а: 7–8,

- (14) *Вдруг не стало хватать воздуха* (В.И. Белов. Привычное дело).
 (15) *Три дня, которые я проведу с Лилей – не станет же она и в эти дни уходить в библиотеку готовиться к экзаменам!* (Ю. Казаков. Голубое и зеленое).
 (16) *А если бы я давал в сочинения действительную кровь своего мозга, их бы не стали печатать* (А.П. Платонов. Государственный житель, 667).

Этот омоним замену конструкции *начать* + инфинитив не допускает, ср. (14) и (17):

- (17) **Вдруг не начало хватать воздуха.*

Однако, будучи в форме будущего времени, он всегда допускает замещение конструкцией *буду* + инфинитив, ср. (15) и (18):

- (18) *Три дня, которые я проведу с Лилей – не будет же она и в эти дни уходить в библиотеку готовиться к экзаменам!*

Разумеется, возможна также замена другими формами соответствующих глаголов несовершенного вида, ср., например:

- (19) а. *Он больше не стал с нами работать.*
 б. *Он больше с нами не работал.*

Будучи практически полностью тождественными по значению, данные омонимы способны также к взаимной замене. В результате в очень мно-

1984б: 34). Линейная предельность этим свойством не обладает, ср. *запевать/запеть*₂. Можно видеть, что нетрадиционный подход постулирует омонимичные перфективы (*запеть*₁ и *запеть*₂) там, где традиция видит только один глагол совершенного вида. Это одно из принципиально важных решений, отличающих рассматриваемую теорию. Общепринятому тезису о существовании в русском языке так называемых трехчленных цепей (аспектуальных троек) типа *петь – запеть – запевать*, *зреть – созреть – созреть*, *сидеть – просидеть – просиживать*, *делать – переделать – переделывать* и т.п. противопоставляется кардинально новый. Ученый постулирует наличие в русском языке соотносительных парадигм типа *петь/запеть*₁ и *запевать/запеть*₂, *зреть/созреть*₁ и *созреть/созреть*₂, *сидеть/просидеть*₁ и *просиживать/просидеть*₂, *делать/переделать*₁ и *переделывать/переделать*₂ и т.п., члены которых представляют собой омонимы, обнаруживающие как семантическое, так и структурное различие (Самедов 1975, 1984а, 1984б).

гих случаях их невозможно идентифицировать. Ср. допустимость двоякой субституции в случае с (20), (21) и (22):

- (20) а. *Лиза, не поев всего два дня, на третий день заплакала, а Ольга не стала плакать* (А.П. Платонов. Государственный житель, 404).
 б. *Лиза на третий день заплакала, а Ольга не заплакала.*
 в. *Лиза на третий день заплакала, а Ольга не плакала.*
- (21) а. *Стану сказывать я сказки, песенку спою.*
 б. *Начну сказывать я сказки, песенку спою.*
 в. *Буду сказывать я сказки, песенку спою.*
- (22) а. *А если бы я давал в сочинения действительную кровь своего мозга, их бы не стали печатать* (А.П. Платонов. Государственный житель, 667).
 б. *А если бы я давал в сочинения действительную кровь своего мозга, их бы не начали печатать.*
 в. *А если бы я давал в сочинения действительную кровь своего мозга, их бы не печатали.*

2.2. Омонимичные конструкции *стать* + инфинитив необычны во всех отношениях. Некоторое представление об их своеобразии дают, например, статьи (Самедова 2011) и (Самедова в печати).² В настоящей работе мы опишем и объясним закономерности, которым подчиняется поведение постулируемых омонимов (на многие из них обратил наше внимание основоположник теории, которой мы следуем).

Как можно было заметить из приведенных примеров, данные конструкции употребляются фактически только в формах изъявительного и сослагательного наклонений. Остальные формы, по существу, не употребляются, хотя ни их фонетический облик, ни их значение этому не препятствуют. Не говорят *стань(те) работать, стать работать, став/ставши работать, ставший работать* и под., несмотря на то что нет никакого запрета. Очевидно, что носители языка избегают неопределенности, неоднозначности, порождаемой омонимией. Руководствуясь принципом ясности, они стремятся свести к минимуму вероятность неточного понимания, по мере возможности предотвращают недоразумение.

В целях описания остальных закономерностей у каждой конструкции следует различать две формы – утвердительную и отрицательную. Конструкция является отрицательной по форме в тех случаях, когда ее главный компонент находится в сфере действия отрицательной частицы.

² Мы ссылаемся на публикации, доступные для зарубежного читателя.

В утвердительной форме прошедшего времени употребляется исключительно перфективная конструкция:

- (23) *Он стал работать.*
- (24) *Его поведение стало мне не нравиться.*
- (25) *Когда историки стали не подгонять факты на потребу дня, а анализировать их, рухнули многие мифы* (К истории изучения дальневосточного энцефалита).

Сюда, уточним, относятся и те случаи, когда утвердительное по форме сочетание имеет значение отрицания, т.е. в предложении содержится скрытое, неявное отрицание:

- (26) *Так он и стал работать, жди!*

В отрицательной форме прошедшего времени употребляются оба омонима:

- (27) *Зайдите попозже, он еще не стал работать* (перфективный),
- (28) *Он больше не стал с нами работать* (имперфективный).

В формах будущего времени и сослагательного наклонения оба омонима употребляются как в утвердительной, так и в отрицательной форме:

- (29) а. *Он станет работать с нами.*
б. *Он не станет работать с нами.*
- (30) а. *На этих условиях он стал бы работать с нами.*
б. *На этих условиях он не стал бы работать с нами.*

Можно видеть, что в данных примерах вид употребленной конструкции не поддается идентификации.

Представим изложенное в виде таблиц.

Таблица 1. Перфективная конструкция

Форма конструкции	Утвердительная	Отрицательная
Прошедшее время	+	+
Будущее время	+	+
Сослагательное наклонение	+	+

Таблица 2. Имперфективная конструкция

Форма конструкции	Утвердительная	Отрицательная
Прошедшее время	–	+
Будущее время	+	+
Сослагательное наклонение	+	+

Как видим, будучи в утвердительной форме, омонимичные конструкции *стать* + инф. демонстрируют поведение, типичное для части так называемых двувидовых глаголов, см. об этом (Зализняк–Шмелев 2000: 75).

Дальнейшее исследование выявляет любопытное обстоятельство.

Казалось бы, перфективный омоним располагает большими возможностями для употребления, ср. Таблицы 1 и 2. К тому же обнаруживаются и другие контексты, в которых способна употребляться исключительно перфективная конструкция. Так, именно она встречается во всех тех случаях, когда предложение содержит имплицитное, неявное утверждение об имевшем место факте, т.е. за отрицательной формой скрывается утвердительное значение:

- (31) *И ты думаешь, он не стал упрямиться?! Как же!*
 (32) *Так он лежал, [...] пока, наконец, рана не стала немного заживать* (Ю. Казаков. Тедди).
 (33) *Неизвестно, чем кончился бы сумасшедший этот день, если бы не появилась в дверях Любочка [...] и не стала показывать брату знаки: пять!* (С. Соловейчик. Ватага «Семь ветров»).

Между тем парадоксальным образом оказывается, что область употребления имперфективного омонима значительно шире, чем у перфективного. Дело в том, что перфективные сочетания всегда имеют имперфективный коррелят, хотя он и не употребляется в определенных контекстах. Тогда как имперфективные сочетания во многих случаях вообще не имеют перфективного коррелята. См. результаты проведенных нами лингвистических экспериментов:

1. Ср. правильные предложения (а), содержащие отрицательное сочетание в форме прошедшего времени, и неправильные (б), содержащие утвердительные сочетания в той же форме:

- (34) а. *Айна не стала спать, вышла на ночь пасти стадо* (А.П. Платонов. Государственный житель, 318).
 б. **Айна стала спать, не вышла на ночь пасти стадо.*

- (35) а. – *Чего же вы на сено ко мне не залезли? – Да не стали беспокоить, – серьезно сказал пожилой (В. Белов. Гоголев).*
 б. – *Зачем же вы пришли ко мне? – *Да стали беспокоить.*
- (36) а. *Парашютист подошел к краю люка, но не стал прыгать.*
 б. **Парашютист подошел к краю люка и стал прыгать.*

2. См. неправильные предложения (б), представляющие собой попытку сконструировать перфективный коррелят для имперфективных сочетаний в формах будущего времени и сослагательного наклонения, содержащихся в правильных предложениях (а):

- (37) а. *Имей в виду: я про деньги не спрашивал. Если кто найдет, станут тебе отдавать – ты ничего не знаешь, чьи они (В.М. Шукшин. Сильные идут дальше).*
 б. **Как только он станет отдавать тебе деньги, мы его поймем.*
- (38) а. – *Ты не обижайся, но я бы за сбитого «юнкера» не стал бы звание присваивать. [...] – А чего мне обижаться, ты у меня звания не отнимешь (В. Гроссман. Жизнь и судьба).*
 б. **Я бы за сбитого «юнкера» стал бы звание присваивать.*

3. И наконец, см. неправильные предложения (б), содержащие синоним перфективной конструкции, а именно *начать* + инф., в формах будущего времени и сослагательного наклонения. Невозможность замены правильных предложений (а) неправильными (б) свидетельствует о том, что правильные предложения не могут быть интерпретированы как содержащие перфективный коррелят:

- (39) а. *Я буду читать, – решал он, – и начну жить по-настоящему, а Любу забуду, не стану ее помнить и знать (А.П. Платонов. Государственный житель, 433).*
 б. **Я буду читать, – решал он, – и начну жить по-настоящему, а Любу забуду, не начну ее помнить и знать.*
- (40) а. *Я бы не стала делать две прививки сразу ребенку с проблемами (Наши дети).*
 б. **Я бы не начала делать две прививки сразу ребёнку с проблемами.*

Итак, сфера употребления имперфективного омонима существенно шире, чем перфективного. Отсюда, в полном согласии с правилом Крушев-

ского–Куриловича, мы выводим, что семантика имперфективной конструкции проще, чем семантика перфективной.³

Этот вывод обладает большой эвристической и объяснительной ценностью. Опираясь на него, возможно доказать и объяснить еще одну закономерность, присущую поведению данных единиц. Заключается она в том, что если имперфективная конструкция имеет перфективный коррелят и оба омонима могут быть употреблены в каком-либо контексте без ущерба для коммуникации, то в реальности чаще употребляется именно имперфективный. При этом в контекстах с явным отрицанием разрыв в частотности значительно выше, чем контекстах, его не содержащих.

В сказанном можно убедиться, обратившись к толкованиям иллюстративного материала в литературе вопроса. Но если исследователи подкрепляют предлагаемые ими интерпретации, ссылаясь на условия контекста, то мы видим в них проявление указанной закономерности.

Обратимся к предложениям вроде следующих:

- (41) *Он не стал работать.*
- (42) *Он не станет работать.*
- (43) *Он не стал бы работать.*

Они понимаются преимущественно как содержащие именно имперфективный омоним, хотя контекст на такое понимание не наводит. Ср. пример (28): *Он больше не стал с нами работать*. На самом деле мы не в силах установить вид употребленной в нем конструкции, опираясь на контекст: перед нами один из тех многочисленных случаев, когда исследуемые омонимы невозможно идентифицировать. Поэтому мы вправе утверждать, что данное сочетание является перфективным. Синонимичные предложения

- (44) *Он больше не начал с нами работать.*
- (45) *Он больше не заработал с нами.*

звучат непривычно, однако начинательный глагол совершенного вида в такого рода контексте вполне возможен, см.:

³ Согласно правилу Крушевского–Куриловича, существует определенное соотношение между употребительностью лингвистической единицы и ее значением (Крушевский 1998: 206; Березин 1998: 15). Наиболее точная формулировка этого соотношения принадлежит Е. Куриловичу (1962: 19): «Чем обобщеннее (беднее) содержание знака, тем шире сфера его употребления говорящими; чем специальное (богаче) содержание, тем уже сфера употребления не только внутреннего (= внутри системы), но и внешнего (в языковом коллективе)».

- (46) *Спасишься рабочие не захотели больше работать в пещере и рассчитались; но из остальных двух смен, не бывших очевидцами катастрофы, большая часть стала на работу по уборке лесов* (В. Обручев. Тепловая шахта).
- (47) *Мы помолчали, ожидая, что он отдышится, но Копешкин так больше и не заговорил* (Е.И. Носов. Красное вино победы).

И тем не менее носитель языка воспринимает предложение (28) как содержащее именно имперфективную конструкцию.

Или см. трактовку примера (48) в (Демиденко 1963а: 38, 1963б: 95):

- (48) *Пока они станут кушать, а я тем временем подумаю о расположении второй главы.*

Языковед видит в *станут кушать* синоним *будут кушать* на том основании, что конструкция сочетается со словом *пока*. Между тем этот довод можно оспорить. Вполне допустима замена *Пока они начнут кушать*, потому что слово *пока* способно сочетаться также с глаголами совершенного вида:

- (49) *Пока брошу писать, пойду пройду* (В. Набоков. Машенька).

Ср. также его синоним *покамест*:

- (50) *Я, в ожидании невозможного исполнения моей молитвы, стал покамест этим чтением заниматься* (Н.С. Лесков. Очарованный странник).

Или рассмотрим предложение (51), сказанное в адрес того, кто любит петь и уже поет в данный момент:

- (51) *Он станет петь весь день.*

Напрашивается решение трактовать интересующее нас сочетание как имперфективное, ср.:

- (52) *Он будет петь весь день.*

Между тем вполне допустимо квалифицировать его как перфективное, ср.:

- (53) *Слышишь? Теперь начнет петь весь день.*

Или проанализируем толкование иллюстраций вроде *Легендарный профессор даже не стал читать мой реферат*. Если исходить из соображений, содержащихся в (Демиденко 1963а: 37–38, 1963б: 94; Падучева 2001: 35, 2004: 188), мы должны квалифицировать сочетание *не стал читать* как имперфективное. Между тем нам употребление перфективного омонима в данном окружении представляется совершенно естественным, ср.: *Легендарный профессор даже не начал читать мой реферат* – *Легендарный профессор даже не стал читать мой реферат*.

Определенно, в поведении рассматриваемых конструкций в отрицательной форме прошедшего времени можно видеть проявление общей закономерности, действующей в системе русского глагола, см. (Рассудова 1982: 64): «Несмотря на то, что семантическая функция СВ в прошедшем времени при наличии отрицания в основном не меняется, сфера употребления СВ при отрицании сужается, НСВ нередко занимает в отрицательных предложениях место, принадлежащее в утвердительных предложениях СВ». Представляется, что в случае с исследуемыми омонимами данная закономерность действует также в отрицательных и утвердительных формах будущего времени и сослагательного наклонения.

Итак, мы постарались показать, что постулируемая нами закономерность действительно имеет место. Очевидно, что носитель языка, делая выбор (как при говорении, так и слушании) из двух омонимов, предпочитает тот, который семантически проще, см. правило Крушевского–Куриловича. Иначе говоря, он руководствуется принципом экономии. Что касается употребления утвердительных форм будущего времени и сослагательного наклонения, то здесь мы наблюдаем сложное взаимодействие принципа экономии с принципом ясности.⁴

Вообще, как представляется, все закономерности поведения омонимичных конструкций *стать* + инф. можно объяснить именно как манифестацию согласованных действий принципа экономии и принципа ясности. Проверим наши рассуждения на еще одном явлении.

Как указывалось, обе конструкции могут употребляться, когда имеется в виду прекращение процесса. См. предложения (54), (55), содержащие перфективную конструкцию, и предложения (56), (57) и (58) с имперфективной:

- (54) *Стала от Зикиных приглашений отлынивать и Сережу не пускать*
(Ю. Трифонов. Другая жизнь).

⁴ Думается, что данная закономерность действует также в случае практически не употребляющихся форм причастия и деепричастия.

- (55) *Проникнуть на ракету без моего ведома можно было, только вырезав огромную дыру в ее боку. Но в этом случае мне стало бы не много не хватать воздуха* (А. Воровьев. Петля).
- (56) *Дрозд уже не пел, как ни старался Петров слушать. Может, уши не стали слышать?* (В.И. Белов. Тезки).
- (57) *В день моего 50-летия я изумлен был, получив поздравления от известных писателей. Никакое давление на меня не стало проходить незамеченным* (А.И. Солженицын. Нобелевская лекция).
- (58) *И все же посещение собраний [...] подняло бы, смею заметить, ваше настроение. Вы не стали бы предаваться меланхолии* (Б. Пастернак. Доктор Живаго).

Любопытно, однако, что имперфективная конструкция в таких случаях встречается существенно чаще, чем перфективная. Этот факт столь очевиден, что нет нужды прибегать к специальным подсчетам. См., как естественно звучат предложения (а) с имперфективным омонимом и как непривычно – предложения (б), содержащие перфективный:

- (59) а. *Не стала пускать Сережу.*
б. *Стала не пускать Сережу.*
- (60) а. *Уши не стали слышать.*
б. *Уши стали не слышать.*

Кроме того, у имперфективной конструкции шире зона употребления. Дело в том, что каждое подобное предложение с перфективной конструкцией имеет коррелят с имперфективным омонимом (см. выше), а обратное неверно. Нельзя, например, сказать:

- (61) **Никакое давление на меня стало не проходить незамеченным.*

Описанное явление примечательно вот чем. Перфективные сочетания *стать + не + инф.* однозначны, они имеют одно ясное значение. Имперфективные сочетания *не + стать + инф.* вне контекста допускают два понимания. Например, предложение

- (62) *Он не стал есть.*

может быть понято как ‘Он не ел вообще’ или как ‘Он перестал есть’.

Носитель языка должен был бы руководствоваться принципом ясности и употребить перфективный омоним, а он предпочитает имперфективный. Таким образом, побеждает другой – не менее мощный – фактор, а

именно принцип экономии. Имперфективная конструкция употребляется чаще перфективной, потому что ее семантика проще.

3. Заключение

Описанные явления представляют собой лишь небольшой фрагмент удивительно стройной и гармоничной картины, открывающейся взору при исследовании омонимических разновидовых конструкций *стать* + инфинитив. Следует отметить, что ключевую роль в обосновании предлагаемого решения сыграл метод системного анализа, см. о нем труды Т.П. Ломтева, в частности (Ломтев 1976).

ЛИТЕРАТУРА

- Бабайцева, В.В. – Максимов, Л.Ю. 1987, *Современный русский язык: В 3-х частях, ч. 3: Синтаксис. Пунктуация*. Москва: Просвещение.
- Березин, Ф.М. 1998, Н.В. Крушевский – провозвестник лингвистики XX в. В кн.: Крушевский, Н.В. *Избранные работы по языкознанию*. Москва: Наследие, 4–24.
- Бойко, А.А. 1963, Глагольные сочетания с инфинитивом несовершенного вида. *Уч. зап. Ленингр. гос. ун-та, № 322. Серия филологических наук: Исследования по грамматике русского языка 4, вып. 68*. Ленинград: ЛГУ, 3–19.
- Бойко, А.А. 1973, *Сочетания с инфинитивом несовершенного вида в современном русском языке*. Ленинград: ЛГУ.
- Виноградов, В.В. – Истрина, Е.С. (редколл.) 1954, *Грамматика русского языка, т. 2: Синтаксис, ч. 1*. Москва: АН СССР.
- Демиденко, Л.П., 1963а, Грамматическая и семантическая эволюция словосочетаний типа «начать + инфинитив» и «стать + инфинитив» в русском языке. *Уч. зап. Красноярский гос. пед. ин-та, т. 25, вып. 1*. Красноярск: Изд-во Красноярского гос. пед. ин-та, 18–46.
- Демиденко, Л.П. 1963б, Способы выражения начала глагольного действия в русском языке. *Уч. зап. ЛГПИ им. А.И. Герцена, т. 248*. Ленинград: Изд-во ЛГПИ им. А.И. Герцена, 85–103.
- Евгеньева, А.П. (ред.) 1984, *Словарь русского языка, т. 4*. Москва: Русский язык, изд. 2-е, испр. и доп.
- Жирмунский, В.М. 1965, Об аналитических конструкциях. В кн.: Жирмунский, В.М. – Суник, О.П. (ред.), *Аналитические конструкции в языках различных типов*. Москва–Ленинград: Наука, 5–57.
- Зализняк, А.А. – Шмелев, А.Д. 2000, *Введение в русскую аспектологию*. Москва: Языки русской культуры.
- Зализняк, А.А. – Шмелев, А.Д. 2002, Семантика ‘начала’ с аспектологической точки зрения. В кн.: Арутюнова, Н.Д. (отв. ред.), *Логический анализ языка: Семантика начала и конца*. Москва: Индрик, 211–224.

- Короткова, Н.А. – Сай, С.С. 2006, Глагол *стать* в русском языке: семантика, синтаксис, грамматикализация. В кн.: Выдрин, А.П. – Герасимов, Д.В. – Дмитренко, С.Ю. – Заика, Н.М. – Сай, С.С. (ред.), *Третья конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей: Материалы*. Санкт-Петербург: Нестор-История, 96–101.
- Кржижкова, Е.П. 1962, Значение конструкции *стану* + инфинитив. *РЯШ* № 4, 16–19.
- Крушевский, Н.В. 1998, *Избранные работы по языкознанию*. Москва: Наследие.
- Курилович, Е. 1962, Лингвистика и теория знака. В кн.: Курилович, Е., *Очерки по лингвистике*. Москва: Изд-во иностранной литературы, 9–20.
- Лекант, П.А. 1976, *Типы и формы сказуемого в современном русском языке*. Москва: Высшая школа.
- Ломтев, Т.П. 1976, *Общее и русское языкознание*. Москва: Наука.
- Нелисов, Е.А. 1963, К вопросу об аналитических и описательных формах времени глагола. В кн.: *Филологический сборник, вып. 1*. Алма-Ата: Изд. Министерства высшего и среднего специального образования КазССР, 22–31.
- Ожегов, С.И. – Шведова, Н.Ю. 1999, *Толковый словарь русского языка*. Москва: Азбуковник, изд. 4-е, доп.
- Падучева, Е.В. 2001, Фазовые глаголы и семантика начинательности. *Известия Академии наук: СЛЯ* 60, № 4, 29–39.
- Падучева, Е.В. 2004, *Динамические модели в семантике лексики*. Москва: Языки славянской культуры.
- Потебня, А.А. 1958, *Из записок по русской грамматике, т. 1–2*. Москва: Гос. учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, изд. 2-е.
- Рассудова, О.П. 1982, *Употребление видов глагола в современном русском языке*. Москва: Русский язык.
- Самедов, Г.С. 1968, О видах и подвидах русского глагола. В кн.: *Материалы 1-й Респ. конф. по вопросам языкознания и методики обучения иностранным языкам*. Баку: Изд-во АПИЯ им. М.Ф. Ахундова, 116–118.
- Самедов, Г.С. 1975, О видовых, чистовидовых и нечистовидовых корреляциях. В кн.: *Тезисы докладов Респ. научн. конф. на тему «Актуальные проблемы исследования грамматического строя современного русского языка»*. Баку: Изд-во АПИРЯЛ им. М.Ф. Ахундова, 37–38.
- Самедов, Г.С. 1984а, К вопросу о трехчленных цепях типа *слабеть – ослабеть – ослабевать*. В кн.: *Структурно-функциональный анализ слова в русском языке*. Баку: Изд-во АГУ им. С.М. Кирова, 3–11.
- Самедов, Г.С. 1984б, К вопросу о трехчленных цепях типа *слабеть – ослабеть – ослабевать*. *Русский язык и литература в азербайджанской школе* № 11, 30–34.
- Самедова, Н.Г. 2011, К вопросу о форме будущего времени глаголов несовершенного вида в современном русском языке. В кн.: Арутюнова, Н.Д. (ред.), *Логический анализ языка: Лингвофутуризм*. Москва: Индрик, 263–276.
- Самедова, Н.Г. (в печати), Начинательность видовая и невидовая: О чем свидетельствуют факты русского языка? В кн.: *Материалы 5-й македонско-русской конференции*. Скопье: Ун-т св. Кирилла и Мефодия.

- Суханова, Л.В. 1970, Сочетание *стану* + *инфинитив* в современном русском языке. *Ученые зап. Ивановского пед. ин-та им. Д.А. Фурманова*, т. 75: *Вопросы истории и методики русского языка*. Иваново: Изд-во Ивановского пед. ин-та им. Д.А. Фурманова, 63–71.
- Сухотин, В.П. 1960, *Синтаксическая синонимика в современном русском литературном языке: Глагольные словосочетания*. Москва: АН СССР.
- Тихонов, А.Н. 1959, Способы выражения начинательного значения глаголов в русском языке. *Труды Узбекского гос. ун-та им. Алишера Навои, Новая серия* № 95. Самарканд: Изд-во Узбекского гос. ун-та им. Алишера Навои, 43–75.
- Храковский, В.С. 1987, Семантика фазовости и средства ее выражения. В кн.: Бондарко, А.В. (ред.), *Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис*. Ленинград: Наука, 153–178.
- Шатуновский, И.Б. 2009, *Проблемы русского вида*. Москва: Языки славянской культуры.
- Шведова, Н.Ю. (ред.) 1970, *Грамматика современного русского литературного языка*. Москва: Наука.
- Шелякин, М.А. 1969, Функции и словообразовательные связи начинательных приставок в русском языке (к проблеме семантической мотивированности в синтагматике слов и морфем). В кн.: Шелякин, М.А. (ред.), *Лексико-грамматические проблемы русского глагола*. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 3–33.

ИСТОЧНИКИ

- Белов, В. *Гоголев*. <http://www.booksite.ru/fulltext/1be/lov/vas/ily/8.htm>
- Белов, В.И. *Привычное дело*. <http://www.litmir.net/br/?b=37861&p=14>
- Белов, В.И. *Тезки*. <http://www.booksite.ru/fulltext/1be/lov/vas/ily/5.htm>
- Воробьев, А. *Петля*. http://samlib.ru/w/worobxew_aleksandr_anatolxewich/petlya.shtml
- Гроссман, В. Жизнь и судьба. *Национальный корпус русского языка*.
- Казаков, Ю. *Голубое и зелёное*. <http://prozaik.in/yuriy-kazakov-goluboe-i-zelyonoe.html?page=6>
- Казаков, Ю. *Тедди: История одного медведя*. <http://prozaik.in/yuriy-kazakov-teddi?html:page=6>
- К истории изучения дальневосточного энцефалита. «Вопросы вирусологии», 07. 07. 2003. *Национальный корпус русского языка*.
- Лесков, Н.С. *Одnodум*. <http://www.klassika.ru/read.html?proza/leskov/15.txt&page=2>
- Лесков, Н.С. *Очарованный странник*. http://www.booksite.ru/fulltext/les/kov/leskov_n/strannik/5.htm
- Набоков, В. *Машенька*. http://www.world-art.ru/lyric/lyric.php?id=6287&public_page=13
- Наши дети: Малыши до года. *Национальный корпус русского языка*.
- Носов, Е.И. *Красное вино победы*. <http://www.rulit.net/books/krasnoe-vino-pobedy-read-24409-8.html>
- Обручев, В. Тепловая шахта. *Национальный корпус русского языка*.

- Пастернак, Б. *Доктор Живаго*. http://www.e-reading.co.uk/chapter.php/43813/175/Pasternak_-_Doktor_Zhivago.html
- Платонов, А.П. *Государственный житель: Проза, ранние сочинения, письма*. Минск: Мастацкая літаратура, 1990.
- Солженицын, А.И. *Нобелевская лекция*. <http://www.kp.ru/daily/24140.5/358716/>
- Соловейчик, С. Ватага «Семь ветров». *Национальный корпус русского языка*.
- Трифонов, Ю. *Другая жизнь*. <http://knigger.com/texts.php?bid=21431&page=27>
- Чернышевский, Н.Г. Происхождение теории благотворности борьбы за жизнь. *Национальный корпус русского языка*.
- Шукшин, В.М. *Сильные идут дальше*. <http://www.fidel-kastro.ru/shukshin/Silnye.htm>

ИЗУЧЕНИЕ ЗНАЧЕНИЯ ДЕЙКТИЧЕСКИХ ЧАСТИЦ *ВОТ*, *ВОН* И *ЭТО* В ТЕОРИИ РЕЛЕВАНТНОСТИ

Тюнде Борбала Тарр

(Tarr Tünde Borbála, Szegedi Tudományegyetem, BTK, Nyelvtudományi Doktori Iskola
ttb2002@gmail.com)

1. Введение

В настоящей статье предлагается новое – в нескольких аспектах – определение значения трех основных русских частиц *вот*, *вон* и *это* в рамках одного из инференционных подходов прагматики, а именно теории релевантности. Исследование ограничивается первичным значением частиц, традиционно описываемых как многозначные, дейктические слова. Для определения связи первичного дейктического значения с другими (напр.: анафорическим, модальным) значениями дается только предположительное решение, которое можно подкрепить или изменить в будущем посредством рассмотрения иных употреблений частиц.

Согласно теории релевантности, главную роль в определении дейктического значения играет отделение семантических и прагматических аспектов: разложение значения на семантическое значение в ментальном лексиконе, которое автоматически активизируется независимо от контекста при интерпретации высказывания в результате языкового декодирующего процесса, а также на прагматическое значение, которое образуется путем инференционной интерпретирующей эвристики, основанной на интеракции кодированного значения, контекста и прагматического принципа релевантности. Последний процесс представляет собой часть толкования высказывания, основывающегося на тождественном принципе релевантности и эвристике.

В настоящем исследовании кодированное значение трех дейктических частиц определяется, в первую очередь, как процедурное содержание, т.е. инструкция, направляющая внимание слушающего и ограничивающая прагматический процесс установления референта. Кроме того, предполагается, что частицы, подчиняясь этому процессу, кодируют и концептуальное значение, в частности понятие близости или дальности, включающее в себя индексикальные элементы. Как один из индексикальных элементов близости/дальности устанавливается сравнительный стандарт, который не одинаково присутствует в значении трех частиц. Это различие использовано для объяснения асимметрического кодирования ими пространства.

Как прагматическая характеристика описывается дейктическая роль частиц, определяющая референт, с помощью которой они содействуют истинностному содержанию высказывания.

2. Теория релевантности и демонстративы

2.1. Теория релевантности

Теория релевантности, служащая теоретической базой для данного исследования, представляет собой инференционную теорию коммуникации, чью основу заложили Д. Спербер и Д. Уилсон (Sperber–Wilson 1986/1995). Согласно теории коммуникация является значительным процессом человеческого познания, который регулируется экономическим принципом, а именно стремлением к максимализации релевантности (уместности) перерабатываемой информации (это когнитивный принцип релевантности). Релевантность информации для индивидов определяется пропорциями усилий, затрачиваемых на ее обработку и получаемых при ее обработке положительных когнитивных эффектов (напр., истинные контекстуальные импликации, усиление или пересмотр уже существующих предположений): чем ниже затрачиваемые усилия и чем выше положительные когнитивные эффекты, тем более релевантна информация.

Образование и инференционное понимание актов коммуникации, и, в рамках этого, высказываний вербальной коммуникации, базируются на специальном варианте этого принципа – на коммуникативном принципе релевантности – соответственно которому каждый акт коммуникации передает презумпцию своей собственной оптимальной релевантности. Коммуникативный акт оптимально релевантен для слушающего тогда и только тогда, когда: а) он достаточно релевантен, чтобы слушающий затратил усилия для его обработки и б) он наиболее релевантен при совместимости со способностями и предпочтениями говорящего (Sperber–Wilson 2002: 257).

В вербальной коммуникации интерпретация высказывания делится на две части: с одной стороны, на автоматическое декодирование, в течение которого слушающий получает семантическое значение; с другой стороны, на недемонстративную прагматическую инференционную интерпретацию, результатом чего является постижение намеренного говорящим значения, для которого языковое значение предоставляет лишь частичное доказательство. Следовательно, истинностное, по терминологии теории, эксплицитное содержание высказывания не может совпадать с декодированным содержанием. Для его установления надо дополнить декодирование в контексте, что выполняется прагматическими инференционными процессами (снятием двусмысленности, определением референции, обогащением или изменением семантического значения). Кроме разработки эксплицитного значения, прагматические инференционные процессы выполняют еще две задачи: они

устанавливают имплицитные посылки и заключения. В согласии с коммуникативным принципом релевантности и дефиницией оптимальной релевантности слушающий пользуется следующей общей стратегией для исполнения перечисленных частных задач и образования говорящим намеренного значения: 1) последуй по пути наименьшего усилия в вычислении когнитивных эффектов: поверяй интерпретативные гипотезы (снятие двусмысленности, уточнение референции, импликации и т.д.) ради доступности; 2) остановись, когда твои ожидания по релевантности будут удовлетворены (Sperber–Wilson 2002: 260).

Один из главных тезисов настоящего варианта теории, играющий ключевую роль и в данном анализе, заключается в том, что кодированная семантическая информация разделяется на два главных типа: на концептуальную и процедурную информацию. Концептуальное значение кодирует компонент репрезентации пропозиции, а процедурное регулирует, ограничивает прагматические инференционные процессы (об этом подробнее см. Escandell-Vidal–Leonetti–Ahern 2011).

2.2. Значение демонстративов в теории релевантности

Среди анализов значения демонстративов, т.е. указательных выражений, в рамках теории релевантности (Powell 1998, Carston 2002, Scott 2009, Zaki 2011) самым основательным и, по моему мнению, лучшим является докторская диссертация М. Заки. Несколько модифицируя ее анализ, для описания значения русских частиц в настоящей работе я использую указанную диссертацию. Ниже я подытоживаю основные тезисы ее работы, важные в данной статье.

Для арабских и английских демонстративов М. Заки устанавливает единственное, минимальное кодированное значение, которое, вступая во взаимодействие с контекстом при толковании высказывания, содействует определению его эксплицитного и/или имплицитного содержания. Я цитирую дефиниции в своем переводе (Zaki 2011: 86): «Английские/арабские близкие демонстративы → образовать/поддержать общий уровень внимания на намеренный говорящим близкий референт как противопоставленный другим неблизким конкурентным референтам»; «Английские/арабские дальние демонстративы → образовать/поддержать общий уровень внимания на предполагаемый дальний референт как противопоставленный другим недальним конкурентным референтам».¹ Значит, кодированное значение демонстративов в большинстве языков состоит из трех факторов: 1) проце-

¹ На основе результатов исследования Дисселя (Diessel 2006), М. Заки считает кодирование понятия близости/дальности только доминантной, но не универсальной особенностью.

дурной информации, которая управляет вниманием слушающего; 2) концептуальной информации близости/дальности, подлежащей процедурной информации; 3) имплицитного контраста, что исходит из управления вниманием слушающего на референт и разделяет возможные референты на намеренный и прочие конкурентные референты, находящиеся в пространственной оппозиции друг с другом согласно близости/дальности.

Значительной новостью этого определения по отношению к прежним исследованиям является то, что М. Заки описывает управление вниманием как часть семантического значения, употребляя понятие процедурного значения теории релевантности. Таким образом, она занимает новую позицию относительно сформированных в философии и лингвистике двух главных подходов. По одному подходу с философским корнем, которому следуют и несколько других лингвистов (напр. Diessel 2006), управление вниманием – это функциональное свойство демонстративов. Второй подход создавался в когнитивной лингвистике. Хотя когнитивисты считают понятие внимания частью кодированного значения, все же описывают его не как процесс, а как состояние внимания, примыкающее – по предположению говорящего – к референту в уме слушающего.

Для более точного определения понятий пространства М. Заки использует модель, предложенную Д. Спербером и Д. Уилсон (Wilson 2011) при анализе значения шкалярных прилагательных. Исходя из этого, понятия близости/дальности она анализирует как представляющие собой единственный, общий и зависимый от контекста про-концепт – ‘быть помещенным на шкале дальности’. Они различаются только в противоположных процедурных направлениях на шкале.

В теорию релевантности категория про-концепта была введена Д. Спербером и Д. Уилсон (Sperber–Wilson 1998), вследствие чего концептуальное значение было разделено на два подтипа: на полное и неполное, т.е. про-концепт, содержащий индексикальные элементы (напр.: *my* ‘мой’, *have* ‘иметь’, *near* ‘близко к’, *long* ‘длинный, долгий’) – при толковании высказывания надо дополнить до полного понятия путем инференционной модификации семантического значения, присоединяющейся к определению эксплицитного значения высказывания. М. Заки точно не определяет зависимость про-концепта близости/дальности от контекста, она только приводит примеры параметров: К кому? Сравнительно с чем? На какой шкале? и т.д.

Имея в виду эту семантическую характеристику, М. Заки отвергает гипотезу о том, что демонстративы многозначны, например, по типу шкалы (шкала в физическом, текстовом, когнитивном пространстве), который в этом случае был бы не одним из параметров про-концепта, а свойством отдельных значений. Поскольку в своем анализе я изучаю только дейктиче-

ское значение, поэтому не занимаюсь обоснованностью решения М. Заки, а предполагаю, как и она, единственный про-концепт.

М. Заки пытается выдвинуть как можно полную прагматическую характеристику английских и арабских демонстративов. Кроме дейктического она анализирует их другие употребления (анафорическое, дискурсивно-дейктическое и т.д.). Она показывает, что в некоторых употреблениях демонстративы как выражения, определяющие референт, могут содействовать идентификации не только эксплицитного содержания высказывания, но и имплицитного: например, они могут выражать модальные значения. В разборе М. Заки демонстративы в дейктической роли задают одну из составных частей пропозиции, и таким образом содействуют прежде всего определению эксплицитного значения. Определение обозначенного демонстративами референта представляет собой один из инференционных прагматических процессов интерпретации высказывания, и оно регулируется той же интерпретирующей эвристикой, что и толкование высказывания в целом. При нахождении референта на основе кодированного значения слушающий выдвигает гипотезу, которая требует наименьшего усилия от него, и он придерживается этой гипотезы, если она отвечает его ожиданиям по релевантности. Я подробнее рассматриваю данный процесс на одном из примеров М. Заки (Zaki 2011: 108).

(1) *You can add it to **this** word.*

‘Ты можешь присоединить ее [= букву] к этому слову.’

Высказывание говорится в следующей ситуации: говорящий и слушающий сидят за игровой доской, на которой они выкладывают слова из букв. Произнося высказывание, говорящий указывает на одну из цепочек букв, чтобы помочь слушающему определить место следующей буквы.

При декодировании слушающий получает инструкцию: обратить или поддержать внимание на том же объекте, что и говорящий, для идентификации референта *this word* ‘это слово’, поставленном в контраст с иными возможными референтами (здесь: с другими цепочками букв), от которых говорящий отвлекает внимание слушающего.

Пространственное содержание кодированного значения, которое слушающий на основе контекста и принципа релевантности делает полным понятием, дает дополнительную помощь в определении референта. В общих чертах этот процесс формирования полного концепта происходит следующим образом. По теории релевантности контекст, т.е. класс имплицатурных посылок, создается, когда высказывание интерпретируется. Слушающий на основе принципа релевантности включает в контекст сведения, доступные легче всего, и посредством их он может получить оптимально релевантную

интерпретацию высказывания. При толковании данного высказывания этими сведениями являются: информация, исходящая из указательного жеста, а также предположения, примыкающие к понятиям английского слова *word* 'слово' и данной игры в ментальном лексиконе и т.д. На базе составленного таким образом контекста и принципа релевантности, слушающим образуется полный концепт из про-концепта *this* 'этот', создаются индексикальные элементы про-концепта: физическое пространство, конкретный дейктический центр (расположение говорящего в пространстве) и масштаб (близости сравнительно с прочими цепочками букв).

Исходя из контекста и модифицированного семантического значения, а также следуя пути наименьшего усилия, слушающий как референт, наконец, устанавливает ту цепочку букв по сравнению с другими, которая ему легче всего доступна. Если он таким образом приобретает оптимально релевантное толкование высказывания, то он признает эту гипотезу правильной, и процесс определения референта заканчивается.

3. Семантика трех русских дейктических частиц

В русском языкознании распространено дефинировать дейктическое значение трех частиц как указание на близкий/дальний предмет, лицо или происходящее. Например, *Большой академический словарь русского языка* (Горбачевич 2004: 191) дает первое значение частицы *вот* следующим образом: «Употр. для указания на кого-, что-л., находящееся или происходящее в непосредственной близости, перед глазами или (при рассказывании, повествовании) как бы перед глазами». Однако эта дефиниция оказывается проблематичной сразу с двух точек зрения. С одной стороны, компонент указания является метафорой: часть значения слова метафоризируется с помощью указательного жеста, обычно сопровождающего его. Таким образом, дефиниция отсылает к знаку со сложным значением. Как представлено Е.А. Гришиной (2012), указательный жест обозначает и пространственную информацию, и привлечение внимания говорящего на референт. Следовательно, метафорический образ по сути дела показывает и пространственную информацию, которая формулируется дальнейшей частью определения, а также – управление вниманием, которое в метафорическом виде ясно не определяется. В новейших исследованиях встречаются попытки разрешить эту проблему: вместо указания включается в дефиницию управление вниманием слушающего (Кобозева 2007, Овчинникова 2009, Гришина 2012), но не дается ответ на вопрос, каким типом значения является управление вниманием. С другой стороны, в вышеуказанной дефиниции оспоримо и то, что не говорится о зависимости понятия близости/дальности от контекста.

В нижеследующих частях этого раздела я применяю семантическое определение М. Заки для анализа трех русских дейктических частиц. Одновременно, указав на его проблематический аспект, предлагаю и его изменение.

3.1. Управление вниманием в семантике трех частиц

Исходя из дефиниции М. Заки, можно установить, что три изучаемые русские частицы, в отличие от, например, английских демонстративов *this/that*, кодируют два подпроцесса управления вниманием (образовать/поддерживать общий фокус внимания) отдельно. *Вот* и *вон* кодируют процесс образования общего фокуса внимания, а *это* – его поддержания. Это различие было замечено в русистике Е.А. Гришиной (2012: 32) при сопоставлении *вот/вон* с *этом/том*: «Если говорить в общем, не претендуя на серьезный лингвистический анализ, различие между парами *том, этот* vs. *вон, вот* заключается в том, что первая пара вводит в высказывание активированный объект указания, т.е. тот референт, к которому отсылает местоимение [*sic!*] *том, этот*, уже введен в зону внимания говорящего и слушающего [...]. Напротив, указательные частицы *вон, вот* впервые вводят референт в поле внимания слушающего (но этот референт к данному моменту уже находится в поле внимания говорящего)».²

Отдельное кодирование двух подпроцессов управления вниманием было выявлено и в других языках, например, в турецком (Diessel 2006), но оппозиция встречается и в венгерской системе демонстративов:

- (2) *Íme az új házam.*
'Вот мой новый дом.'
- (3) *Ez az új házam.*
'Это мой новый дом.'

3.2. Противостояние говорящим намеренного и прочих возможных референтов

Управление вниманием сопряжено с отвлечением внимания. В толковании М. Заки, у демонстративов управление вниманием приводит к тому, что фокусирование внимания слушающего на намеренный говорящим референт сопровождается отвлечением его внимания от других возможных референтов. Как сказано выше, по мнению М. Заки, этот контраст является частью кодированного значения демонстративов. Значит, например, если я указываю на одно дерево в лесу и говорю:

² В этом исследовании я не занимаюсь местоименной парой *этом/том*, также относящейся к системе демонстративов, однако предлагаемый анализ трех частиц, вероятно, применим и к двум местоимениям.

(4) *Вот мое дерево,*

то словом *вот* я кодирую и находящиеся на неблизком расстоянии возможные референты, т.е. другие деревья, которые в данной ситуации я не хочу обозначить и отвлекаю внимание слушающего от них. Однако наличие противостояния здесь не независимо от контекста. Хотя управление вниманием и сопровождается отвлечением или разделением внимания, слушающий не обязательно наблюдает прочие возможные референты, услышав демонстратив. Когда, к примеру, говорящий хочет обозначить какой-нибудь предмет, который в данной ситуации при произнесении высказывания встречается лишь один раз, контраст не складывается. Если мы разговариваем вдвоем с кем-то в комнате, и, увидев третье лицо, входящее в комнату, я говорю:

(5) *Вот мой друг,*

очевидно, не отвлекаю внимание слушающего от других возможных референтов, т.е. не появляется контраст.

Противостояние не обязательно образуется тогда, когда в обозначенной ситуации находится больше возможных референтов, и направление внимания на намеренный говорящим референт действительно отвлекает внимание от других возможных референтов. В очередном примере высказывание произносится в следующей ситуации: говорящий показывает на лежащую на столе книгу, а потом на положенную за нее другую книгу. На столе виднеются только эти две книги.

(6) *Вот твоя книга, а вот моя.*

Говорящий не пользуется пространственным контрастом пары *вот* – *вон*. Если бы мы приписали противостояние возможных референтов управлению вниманием, то получили бы противоречие: обе книги одновременно имели бы свойства близости и дальности.

Суммируя, можно сказать следующее. С одной стороны, оказывается, что неправильно воспринимать пространственный контраст возможных референтов как часть кодированного значения, присутствующую независимо от контекста. А с другой стороны, этот контраст происходит не из управления вниманием. В следующих разделах я перемещаю контраст в прагматический план, и вывожу его из особенностей кодирования близости/дальности демонстративов.

3.3. Асимметрическая пространственная ориентация в русских дейктических частицах

В этом подразделе я рассматриваю такую особенность кодирования пространства у трех русских дейктических частиц, которая была выявлена и в системе демонстративов других языков (Levinson 2004), например, в английском, но в диссертации М. Заки (Zaki 2011) об этом не упоминается. Эта особенность заключается в том, что в системах демонстративов некоторых языков понятия близости и дальности обозначаются асимметрично, в частности в русском языке значение близких частиц *вот* и *это* представляется более абстрактным, чем – дальнего – *вон*.

В русской лингвистике асимметрия частиц была показана в работе Т.М. Николаевой (2000). Она пишет об относительно большей гибкости и полифункциональности *вот*-конструкций, но не дает объяснения.

3.3.1. Привативная семантическая и эквиполентная имплицитная прагматическая оппозиция

Среди языков, в которых наблюдается асимметрия, С. Левинсон (Levinson 2004) упоминает прежде всего английский, в котором дальний демонстратив *that* ‘тот’ кодирует пространственную информацию в более общем виде, чем близкий *this* ‘этот’. Он подчеркивает, что этим может быть объяснено, почему от дальнего демонстратива *that* в английском языке образовался союз. Он приводит русский как пример такого языка, в котором более абстрактными являются близкие демонстративы.

По толкованию С. Левинсона, следующего прагматическому подходу П. Грайса, асимметрию можно объяснить, если мы предполагаем привативную семантическую оппозицию между членами пространственных пар демонстративов, в которой немаркированным является член с более общей пространственной информацией, содержащий пространственное значение маркированного члена пары в негативном виде, и, вместе с тем, обозначающий всю шкалу дальности. На основе этого *вон* имеет кодированное значение ‘+ дальний’, а *вот* и *это* – ‘– дальний’. Демонстративы *вот* и *это* приобретают значение близости как коммуникативную импликацию, которая вызывается автоматически, но в некоторых нетипичных контекстах подчеркивается. Возбудителем импликации является нарушение максимы количества П. Грайса, которая ожидает от слушающего быть не менее и не более информативной, чем требуется обстоятельствами. Следовательно, если бы референт находился на далеком расстоянии, то, следуя максиме количества, говорящий употреблял бы дальний демонстратив. Иными словами, используя недалний демонстратив, говорящий типично желает выразить, что референт находится в близости. Тем не менее эта информация

выводится слушающим лишь как прагматический вывод, т.е. как коммуникативная импликатура.

В применении к (4)-му примеру (*Вот мое дерево*) анализ происходит следующим образом. На основе автоматически вызванной импликатуры немаркированного пространственного демонстратива, слушающий интерпретирует высказывание так, что говорящий указывает на такое дерево, которое, относительно других, более дальних деревьев, находится близко. Как видно, данное толкование асимметрии придает другое объяснение контрасту, который в работе М. Заки был отнесен к управлению вниманием в рамках кодированного значения. Тут он образуется в прагматическом плане, на базе пространственного контраста. Примеры, в которых нет контраста, по этому подходу, объясняются тем, что в некоторых контекстах импликатура зачеркивается, и вследствие этого действует лишь более абстрактное кодированное значение, означающее всю шкалу. В (5)-м примере, когда мы разговариваем вдвоем в комнате и я, заметив входящее третье лицо, говорю *Вот мой друг*, в ходе интерпретации высказывания *вот* автоматически имплицитирует, что референт близко. Но оттого, что в ситуации встречается только один возможный референт, более общее понятие пространства достаточно информативно и в результате этого импликатура исключается.

Соответственно такому толкованию, *это* может означать пространственную информацию только в более абстрактном виде, так как, не имея дальнюю, более информативную пару, оно не может вызывать импликатуру близости.

Однако в связи с разбором С. Левинсона также возникают проблемы. С одной стороны, как мы убедились на (5)-ом примере, в типичных контекстах осуществляется победа более общей пространственной информации над более специальной. Таким образом, типичность содержания коммуникативной импликатуры кажется необоснованной. С другой стороны, дальнейший, теоретический вопрос: правильно ли анализировать значение близости частицы *вот* как имплицитное содержание? В статье я не рассматриваю отдельно эту проблему, но принимаю позицию теории релевантности М. Заки, согласно которой вклад прагматики в эксплицитное содержание более богатый, чем в теориях П. Грайса и С. Левинсона, т.е. в него включается не только определение референта отсылающих выражений и снятие двусмысленности, но и, например, образование полного понятия из про-концепта (об этом подробнее см. Sperber–Wilson 1986/1995, Carston–Hall 2011).

3.3.2. Асимметрия между значениями антонимных пар шкалярных прилагательных

В этом подразделе я излагаю предложенный Ф. Реканати (Recanati 2010) анализ значения шкалярных прилагательных, из которого выясняется,

что асимметрия кодирования пространства у демонстративов представляет собой более общее явление, которое характеризует и шкалярные прилагательные. Я использую его анализ, чтобы лучше сформулировать определенное С. Левинсоном различие между более и менее специфическими пространственными демонстративами, а также придать прагматическое определение более специфическому значению, согласно которому данное значение не должно считаться типичным по сравнению с менее специфическим значением.

В своем исследовании Ф. Реканати изучает шкалярные прилагательные типа *short/tall* 'низкий/высокий'. К ним можно отнести и пару *близкий (ближний) / далекий (дальний)*. Их главную особенность он видит в том, что они имеют два толкования. Одно из них, которое он считает основным значением, является комплементарным и присутствует в сравнительных конструкциях. В случае слов *short/tall* этот тип значения можно определить как 'иметь некоторую, ненулевую степень на высотной шкале'. Напр.:

- (7) *John is taller than Bill.*
'Джон выше, чем Билл.'

Другое толкование нужно для конструкций с прилагательными в форме положительной степени.

- (8) *John is tall.*
'Джон высокий.'

Слово *tall* имеет скрытое сравнительное значение, то есть содержит контекстуальную переменную, которая заполняется на основе контекста сравнительным стандартом. При интерпретации (8)-го высказывания стандарт может быть заполнен, как напр.: 'Джон высокий по сравнению со множеством двадцатилетних юношей или баскетболистов'. Основное толкование изменяется так: 'иметь некоторую степень на высотной шкале, минимум такую, которой владеет стандарт'.

Другим свойством прилагательных данного типа является то, что их антонимные пары формируют оппозицию маркированности/немаркированности. Это выявляется тем, что немаркированный член пары – в случае *short/tall – tall* 'высокий' имеет и некомплементарное (нейтральное) основное значение, значит, может обозначать всю шкалу высоты, как в ниже следующем примере.

- (9) *How tall is John?*
'Какой рост у Джона?'

Нейтральное значение и комплементарное значение без сравнительного стандарта Ф. Реканати определяет как кодированные значения прилагательных. Он предполагает, что антонимные члены пары имеют общую функцию, указывающую степень высоты. Антонимные значения различаются только тем, что они направлены в разные стороны на высотной шкале. Скрыто-сравнительные значения Ф. Реканати объясняет как прагматическое изменение, а именно обогащение комплементарных кодированных значений переменной сравнительного стандарта. Он считает более правильным ввести сравнительный стандарт как прагматическое изменение, а не как семантическое значение, потому что таким образом можно придать единую семантику шкалярным прилагательным, включая в нее и такой тип (например: *happy* 'счастливый'), у которого нет скрыто-сравнительного значения.

Следующая таблица подытоживает анализ:

немаркированное	маркированное
кодированное значение	
tall1 (нейтральное) 'иметь некоторую, ненулевую степень на всей высотной шкале' <i>How tall is John?</i> 'Какой рост у Джона?' <i>John is six feet tall.</i> 'Джон ростом в шесть футов.'	
tall2 (комплементарное) 'иметь некоторую, ненулевую степень на высотной шкале с направлением от начала шкалы' <i>John taller than Bill.</i> 'Джон выше, чем Билл.'	short (комплементарное) 'иметь некоторую, ненулевую степень на высотной шкале с направлением к началу шкалы' <i>Bill shorter than John.</i> 'Билл ниже, чем Джон.'
прагматическое изменение комплементарного кодированного значения	
tall2* 'иметь одинаковую или бóльшую, чем стандарт, степень на высотной шкале с направлением от начала шкалы' <i>John is tall.</i> 'Джон высокий.'	short* 'иметь одинаковую или бóльшую, чем стандарт, степень на высотной шкале с направлением к началу шкалы' <i>Bill is short.</i> 'Билл низкий.'

Вышеуказанные типы значения характерны и для русской антонимной пары *близкий (ближний) / далекий (дальний)*. Немаркированным членом пары является *далекий (дальний)*, который таким образом имеет и нейтральное значение, как это наблюдается в выражении *поезд дальнего следования*, а также в (10)-м примере.

(10) *Как далеко находится море от дома?*

3.3.3. Нейтральная и скрыто-сравнительная пространственная ориентация в трех русских частицах

Наблюдаемая у демонстративов асимметрия оказывается таким явлением, которое вообще характерно для антонимной пары *близость/дальность* и похожих на нее концептуальных пар. Типы значения прилагательных, представленных Ф. Реканати, находятся и в системе указательных частиц, но они здесь несколько различны, в частности: соотношение маркированности/немаркированности у них обратно. Немаркированному, более общему пространственному значению частиц *вот* и *это* в модели Ф. Реканати соответствует нейтральный тип немаркированного прилагательного. Демонстративы не имеют комплементарных значений без сравнительного стандарта, встречающиеся у прилагательных, так как демонстративы не образуют сравнительных конструкций. Более специфические значения частиц *вот* и *вон* можно определить как комплементарные значения со скрыто-сравнительным значением.

На основе моделей С. Левинсона и Ф. Реканати, значение *это* можно анализировать так, что оно выражает лишь более общую пространственную информацию, не имея антонимной пары. По толкованию Ф. Реканати, комплементарные антонимные значения тоже зависят друг от друга, они связаны с единственной интерпретирующей функцией.

Таким образом, индексикальный элемент, связанный в модели М. Заки с вопросом «Сравнительно с чем?», в этом анализе не всегда является частью значений трех частиц. В пространственном про-концепте частицы *это* он совсем отсутствует, а в значении *вон* – постоянный компонент. В случае слова *вот* его присутствие или отсутствие, согласно положению единственного про-концепта, я разбираю как индексикальный элемент, предлагая следующее кодированное концептуальное значение для *вот*: ‘иметь некоторую, ненулевую степень на всей шкале дальности и иметь одинаковую или большую, чем стандарт, степень на шкале дальности с направлением к началу шкалы’. В дефиниции даются две возможные интер-

претации (нейтральная и скрыто-сравнительная) индексикального элемента, связанные союзом *и*.³

Суммирование кодированных концептуальных значений трех частиц по типам значения у Ф. Реканати приводится в следующей таблице:

немаркированное	маркированное
кодированное значение	
это 'иметь некоторую, ненулевую степень на всей шкале дальности'	
вот 'иметь некоторую, ненулевую степень на всей шкале дальности и иметь одинаковую или бóльшую, чем стандарт, степень на шкале дальности с направлением к началу шкалы'	вон 'иметь одинаковую или бóльшую, чем стандарт, степень на шкале дальности с направлением от начала шкалы'

4. Прагматика трех русских дейктических частиц

В этом разделе я занимаюсь дейктической ролью частиц, определяющей референт, путем которой они содействуют истинностному содержанию высказывания. Поскольку инференционную идентификацию референта демонстративов по анализу М. Заки я уже показала в подразделе 2.2., тут представлю лишь следствия модификации кодированного значения, в частности, как она может быть объяснением для наличия или отсутствия пространственного контраста референта при прагматической интерпретации трех русских частиц.

Оттого что в кодированном значении *это* нет сравнительного стандарта, данная частица не может выражать контраста референта с другими возможными референтами. Если в ситуации (4)-го примера, когда говорящий и слушающий стоят в лесу, произносится высказывание

(11) *Это мое дерево,*

согласно кодированному значению слушающий получает инструкцию наблюдать объект, который находится в несколько далеком расстоянии от го-

³ Такой вид формулировки недоспецифицированного лексического значения предлагается К. Бибоком (Bibok 2012) для анализа русских глаголов локативной альтернации.

ворящего и уже был в фокусе внимания до тех пор. Значит, контраст с другими возможными референтами не выражается.

В противоположность этому, так как в значении *вон* всегда присутствует сравнительный стандарт, эта частица означает пространственный контраст и тогда, когда лишь один возможный референт находится в настоящей ситуации. Если, как в контексте (5)-го примера, указывая на человека, входящего в комнату третьим, говорящий изрекает:

(12) *Вон мой друг,*

слушающему приходится образовать сравнительный стандарт, относительно которого единственный возможный референт помещается далеко от говорящего (напр.: сравнительно с самим собой, т.е. слушающим).

При интерпретации *вот*, в зависимости от контекста, слушающий выбирает из двух вариантов параметра сравнительного стандарта про-концепта. С использованием вышепредложенного определения кодированного концептуального значения слова мы можем утверждать, что при толковании (4)-го примера (*Вот мое дерево*) слушающий интерпретирует *вот* соответственно части дефиниции после союза *и*, т.е. он формирует скрыто-сравнительное значение с пространственным контрастом намеренного говорящим референта, а также других возможных референтов. А в (5)-м примере (*Вот мой друг*) наоборот: слушающий выбирает первую часть дефиниции перед союзом *и*, значит, он образует нейтральное значение, и поэтому пространственный контраст не появляется. Поскольку этот прагматический процесс не зависит от типичности контекста, как в случае имплицатуры близости в анализе С. Левинсона, вышеуказанная проблема, следующая из нее, не возникает: скрыто-сравнительное значение не представляется более типичным, чем нейтральное.

5. Заключение

В статье был предложен анализ значения трех русских дейктических частиц *вот*, *вон* и *это* в рамках теории релевантности. В исследовании были разделены семантическое значение, кодированное лексически и независимое от контекста, а также прагматическое значение, производное от кодированного значения в интерпретации высказывания на основе контекста и принципа релевантности. Семантическое значение частиц было определено как смешанное содержание, одновременно процедурное (управление вниманием слушающего на референт) и концептуальное (про-концепт близости/дальности, чувствительное к контексту). Наблюдаемая асимметрия в выражении пространства частиц была объяснена различным присутствием одного из индексикальных элементов, а именно сравнительного стандарта в

кодированном значении трех частиц. Данной асимметрией объясняется, могут ли частицы вообще выражать или когда они выражают пространственный контраст референта, который в некоторых случаях, в частности, если в ситуации речи присутствует несколько возможных референтов, совпадает с контрастом намеренного говорящим референта, а также других возможных референтов.

Важным результатом данного анализа в рамках теории релевантности является, с одной стороны, более точное определение управления вниманием с помощью понятия процедурного значения, а с другой, описание многообразной зависимости значения частиц от контекста.

ЛИТЕРАТУРА

- Горбачевич, К.С. (глав. ред.) 2004, *Большой академический словарь русского языка, т. 1*. Москва: Наука.
- Гришина, Е.А. 2012, Указания рукой как система (по данным мультимедийного русского корпуса). *ВЯ* № 3, 3–50.
- Кобозева, И.М. 2007, Полисемия дискурсивных слов и возможности ее разрешения в контексте предложения (на примере слова *вот*). В кн.: Иомдин, Л.Л. (ред.), *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог 2007» (Бекасово, 30 мая – 3 июня 2007 г.)*. Москва: Изд-во РГГУ, 250–255.
- Николаева, Т.М. 2000, *От звука к тексту*. Москва: Языки русской культуры.
- Овчинникова, Т.Е. 2009, *Пространственная метафора в семантике модальных частиц дейктического происхождения: Автореферат докторской диссертации*. <http://www.linguanet.ru/science/dissertations/2009/Ovthinnikova%20T.E/Ovthinnikova%20T.E.pdf> (доступ: 2011.12.10.).
- Bibok, K. 2012, Лексико-конструкционный подход к русским глаголам локативной альтернативы. В кн.: Szumsk, D. (ред.), *Язык и метод 1: Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века*. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 33–40.
- Carston, R. 2002, *Thoughts and utterances: The pragmatics of explicit communication*. Oxford: Blackwell.
- Carston, R. – Hall, A. 2011, Implicature and explicature. In: Schmid, H.-J. – Geeraerts, D. (eds.), *Cognitive pragmatics*. Berlin: Mouton de Gruyter, 47–84.
- Diessel, H. 2006, Demonstratives, joint attention, and the emergence of grammar. *Cognitive Linguistics* 17, 463–489.
- Escandell-Vidal, V. – Leonetti, M. – Ahern, A. (eds.) 2011, *Procedural meaning: Problems and perspectives*. Bingley: Emerald.
- Levinson, S.C. 2004, Deixis. In: Horn, L.R. – Ward, G. (eds.), *The handbook of pragmatics*. Oxford: Blackwell, 97–121.

- Powell, G. 1998, The deferred interpretation of indexicals and proper names. *UCL Working Papers in Linguistics* 10, 1–32.
- Recanati, F. 2010, *Truth-conditional pragmatics*. Oxford: Oxford University Press.
- Scott, K. 2009, A procedural analysis of *this* and *that*. *UCL Working Papers in Linguistics* 21, 151–181.
- Sperber, D. – Wilson, D. 1986/1995, *Relevance: Communication and cognition*. Oxford: Blackwell, 1st edition/2nd edition.
- Sperber, D. – Wilson, D. 1998, The mapping between the mental and the public lexicon. In: Carruthers, P. – Boucher, J. (eds.), *Language and thought*. Cambridge: Cambridge University Press, 184–200.
- Sperber, D. – Wilson, D. 2002, Relevance theory. *UCL Working Papers in Linguistics* 14, 249–290.
- Wilson, D. 2011, The conceptual-procedural distinction: past, present and future. In: Escandell-Vidal, V. – Leonetti, M. – Ahern, A. (eds.) 2011, *Procedural meaning: Problems and perspectives*. Bingley: Emerald, 3–31.
- Zaki, M. 2011, *The semantics and pragmatics of demonstratives in English and Arabic: A thesis submitted to Middlesex University in partial fulfilment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy*. http://edoc.bibliothek.uni-halle.de/servlets/MCRFileNodeServlet/HALCoRe_derivate_00006034/Mai%20Zaki%20Thesis%20CD.pdf (доступ: 2013.05.09.).

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

В сборнике *Dissertationes Slavicae: Sectio Linguistica*, издающемся Институтом славистики Сегедского университета (Венгрия), публикуются работы (объемом макс. до 12 страниц) по вопросам теоретико-описательного, сравнительно-исторического исследования славянских языков, а также сопоставления их с венгерским языком на английском, немецком, русском и других славянских языках. Рукописи присылаются в редакцию по адресу: **Bibok Károly, Szegedi Tudományegyetem, Szilárd Intézet, H-6722 Szeged, Egyetem u. 2. kbibok [at] lit.u-szeged.hu.** Рецензирование рукописей – в случае, если автор пишет не на родном языке – входит в обязанность автора. Рукописи, посланные в другую редакцию или уже опубликованные, не принимаются. Авторам опубликованных рукописей бесплатно высылается один экземпляр сборника в напечатанном или электронном виде. Корректур авторам не высылаются. Рукописи не сохраняются и не возвращаются.

Рукописи должны быть представлены в двух видах: и как файл в формате Word for Windows и как распечатанный текст. (В этом регламенте далее имеются в виду рукописи, написанные кириллицей, однако употребление латиницы в основном не изменяет порядка оформления.)

I. Заголовок статьи пишется прописными буквами. Под ним указываются имя, (отчество) и фамилия автора (на кириллице, в таком порядке без сокращений). Затем приводятся сведения об авторе для научной корреспонденции (на языке или на одном из языков страны, в которой живет автор).

При оформлении статей авторы должны руководствоваться следующими условными обозначениями:

1. Текст статьи организуется в разделы и подразделы, которые обязательно нумеруются и которым – по необходимости – даются названия.

2. Примеры длиной в целое предложение (включая примеры из художественной литературы) нумеруются и приводятся в отдельных строках. Напр.:

- (1) а. Петр ушел из университета около 10 ч. утра.
 б. Петр ушел из университета в начале семидесятых годов.

Ссылки на примеры такого типа в тексте оформляются так: Пример (1а) показывает, что...

Слова, словосочетания языка-объекта, входящие в состав предложений метаязыка, не нумеруются, и их принято давать курсивом. Смысловые выделения обозначаются жирным шрифтом. Для указания значений употребляются сингулярные кавычки.

Знаки «-», «-» и « - », т.е. дефис, тире (без интервалов и с интервалами) отчетливо отграничиваются друг от друга. Знаки, которые не могут быть обозначены на компьютере, аккуратно оформляются ручным способом.

Любые пропуски в цитатах (из худ. или спец. литературы) обозначаются многоточием в квадратных скобках. Объясняющие вставки в цитатах, не относящиеся к оригиналу, обязательно заключаются в квадратные скобки. В связи с цитатами следует указать на авторский перевод и авторское выделение.

3. Ссылки на литературу приводятся сокращенно, т.е. с указанием фамилии автора, года издания и страниц (если последнее необходимо) в самом тексте по следующим образцам: Ю.Д. Апресян (1986: 66–67) отмечает... В работе Ю.Д. Апресяна (1986: 66–67) отмечается... В специальной литературе (Апресян 1986: 66–67) отмечается... Этот вопрос нами дальше не исследуется (об этом см. еще Апресян 1986); Ф. Кифер (Kiefer 1983: 34) отмечает... В работе Ф. Кифера (Kiefer 1983: 34) отмечается... В специальной литературе (Kiefer 1983: 34) отмечается... Этот вопрос нами дальше не исследуется (об этом подробнее см. Kiefer 1983).

4. Подстрочные примечания имеют сквозную (консекутивную) нумерацию.

5. Список библиографических единиц, которые в сокращенном варианте фигурируют в ссылках, оформляется – под заглавием ЛИТЕРАТУРА – по следующим образцам (первые три из них служат примером для книг, а остальные в отдельности – для статей в сборниках, в ежегодных сборниках, в журналах без указания на том и в журналах с указанием на том (с сквозной нумерацией страниц в одном томе)):

Белошапкова, В.А. (ред.) 1989, *Современный русский язык*. Москва: Высшая школа, изд. 2-е, испр. и доп.

Kiefer, F. 1983, *Az előfeltevések elmélete* [Теория пресуппозиций]. Budapest: Akadémiai Kiadó.

Lakoff, G. – Johnson, M. 1980, *Metaphors we live by*. Chicago–London: University of Chicago Press.

Ружичка, Р. 1988, Скрытый субъект и пустое подлежащее. В кн.: Караулов, Ю.Н. (отв. ред.), *Язык: система и функционирование*. Москва: Наука, 216–219.

Бархударова, Е.Л. 1991, Особенности позиционного варьирования русских согласных фонем на стыках словоформ. *Dissertationes Slavicae: Sectio Linguistica* XXII. Szeged, 3–10.

Апресян, Ю.Д. 1986, Интегральное описание языка и толковый словарь. *ВЯ* № 2, 57–70.

Булыгина, Т.В. 1981, О границах и содержании прагматики. *ИАН СЛЯ* 40, 333–342.

Сокращения названий журналов см.: *Вопросы языкознания* 2004, № 2, 158–159. Не перечисленные там журналы даются без сокращения.

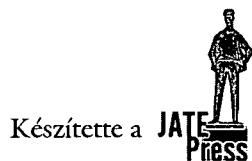
При наличии у одного автора нескольких библиографических единиц одного и того же года издания должны быть использованы (после года издания) буквы: а, б, в... или а, б, с...

Сначала приводятся публикации на кириллице по алфавиту, затем – работы на латинице.

II. Что касается рецензий, то должны быть учтены следующие отличительные черты. Название содержит полное библиографическое описание рецензируемой работы. Автор рецензии и сведения о нем указываются в конце текста. Образцы заглавий рецензий:

В.А. Белошапкова (ред.), Современный русский язык. Москва: Высшая школа, 1989, изд. 2-е, испр. и доп., 800 с.

G. Lakoff – M. Johnson, Metaphors we live by. Chicago–London: University of Chicago Press, 1980, xiii + 242 pp.

6722 Szeged, Petőfi Sándor sugárút 30–34.
www.press.u-szeged.hu

Felelős kiadó: Dr. Kocsis Mihály egyetemi tanár, intézetvezető
Felelős vezető: Szőnyi Etelka kiadói főszerkesztő
Méret: B/5, példányszám: 80, munkaszám: 14/2014.

